

Д.Ч. Садаев

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ АССИРИИ

Од.

и

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Т. 111
~~9(М)03~~
С 14

Ответственный редактор
Г. М. БАУЭР

С 14 Садаев Д. Ч.
История древней Ассирии. М., Главная редакция
вс литературы издательства «Наука», 1979.

247 с. с ил.

Книга дает систематическое изложение событий истории Ассирии с древнейших времен вплоть до падения великой восточной державы в 605 г. до н.э. Часть I рассказывает об истории ассирийского государства, часть II — о его культуре.

С 10603-174
013 (02)-79 130-79. 0504000000

9(М)03

и л.

литературы

ОТ АВТОРА

В предлагаемых читателю очерках дается систематическое изложение событий истории Ассирии с древнейших времен вплоть до падения великой восточной державы в 605 г. до н. э.

Книга — результат 15-летней работы автора над темой. На ее страницах воссоздана социальная, политическая и культурная атмосфера далеких эпох, анализируются обстоятельства, стоявшие за сменой правителей, возвышением одних племен и народов, падением других. Перед читателями проходят картины древне-мезопотамской цивилизации: Шумера, Аккада, Вавилона, Ассирии и др. Они познакомятся с полководцами и государственными деятелями тех времен, художниками и скульпторами, учеными и зодчими, строителями и воинами.

Книга рассказывает об образовании древнейшего ассирийского государства и Среднеассирийского царства; о политике и дипломатии, военных походах, победах и поражениях; о первой империи Тиглатпаласара, о возвышении ассирийской державы и ее поражении; об ассирийских столицах: Ашшуре, Калахе, Дур-Шаррукине и Ниневии; о военном искусстве Ассирии, строительстве ассирийского флота; о разрушении Вавилона и его восстановлении; о торговле, ремесле, металлургии, скотоводстве, дорогах и связи.

В сокровищницу мировой культуры вошли многие творческие достижения ассирийского народа. ~~Даже завоевательные войны ассирийских царей не всегда имели отрицательные последствия.~~ Объединенные в составе ассирийской державы, народности и племена независимо от воли завоевателей и даже вопреки ей вступали в тесные экономические и культурные связи друг с другом, что способствовало прогрессу в различных сферах жизни.

Таким образом, исторический процесс явился более сложным и противоречивым, чем кажется на первый взгляд, и видеть в прошлом Ассирии только теневые стороны было бы неправильно.

Отмечая воинственность древних ассирийцев, описывая жестокие войны, которые они вели, автор решительно возражает против таких односторонних оценок. Ассирийский народ не только воевал, не только устремлялся в грабительские походы (также, впрочем, как и многие другие народы), но находил время и для мирного труда, создавая культурные ценности.

В очерках показаны достижения ассирийского народа в самых различных сферах хозяйства и культуры. Ассирийские земледельцы и садоводы усовершенствовали сельскохозяйственные орудия, акклиматизировали чужеземные растения (такие, как

индийский хлопок и др.). Кузнецы и литейщики достигли больших успехов в обработке металла. Переход от бронзового века к железному произошел в Ассирии быстрее, чем в других странах древнего Востока.

Никто не сомневается в успехах, достигнутых ассирийской державой и в сфере дорожного строительства. Ассирийцы в этом деле были предшественниками персов, греков, римлян, которые использовали и продолжали созданные ими дороги.

Не менее велики достижения и в строительной технике. Всем известны замечательные глазурованные кирпичи Нововавилонского царства. В настоящее время доказано, что задолго до Навуходоносора II техника применения в архитектуре цветных изразцов широко использовалась ассирийскими мастерами.

Иудеи и урарты были во многом учениками ассирийцев. В урартских храмах хранились ювелирные изделия в ассирийском стиле; ассирийская система письменности — клинопись (восходящая, в свою очередь, к Шумеру и Аккаду) была заимствована и переработана урартами. Многие литературные сюжеты, возникшие в Ассирии или заимствованные у вавилонян и шумеров, перешли затем к другим народам, в том числе и к европейским. Так, например, образ чародейки Лилит через еврейских и христианских подражателей проник в новую европейскую литературу, и мы находим его у Иоганна Вольфганга Гёте и Анатоля Франса. Трогательная сцена, разыгравшаяся между Пирамом и его возлюбленной Тисбой у гробницы мифического Нина (основателя Ниневии), через Овидия нашла свое отражение у Шекспира. Ассирийский мудрец Ахикар упоминается в библейской книге Товита, а его биография и поучения сохранились в литературе не только на арамейском, но и на сирийском, арабском, армянском, эфиопском, славянском языках. Греки приписали некоторые из подвигов ассирийского Ахикара знаменитому баснописцу Эзопу.

Большое внимание уделено в книге цивилизации, государственному устройству Ассирии, быту и нравам, морали и праву ассирийцев, с которыми читатель, не обращавшийся к специальной литературе, будет иметь возможность познакомиться впервые.

Работа предназначена для той категории массового читателя, которая интересуется историей великих культур древнего мира и нуждается в подобном сводном труде. Автор постарался использовать в ней последние достижения в области изучения истории древней Ассирии¹.

¹ В книге Д. Ч. Садаева использовано большое число источников — трудов советских и зарубежных ассириологов, отрывков из анналов ассирийских царей, их законов, описаний сражений, строительной деятельности и т. д. Редакция не сочла нужным в каждом случае, за исключением больших отрывков, давать ссылки на источник, чтобы не загружать книгу научно-популярного характера обширным аппаратом (*Прим. ред.*).

Часть I
ИСТОРИЯ АССИРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава I
ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ

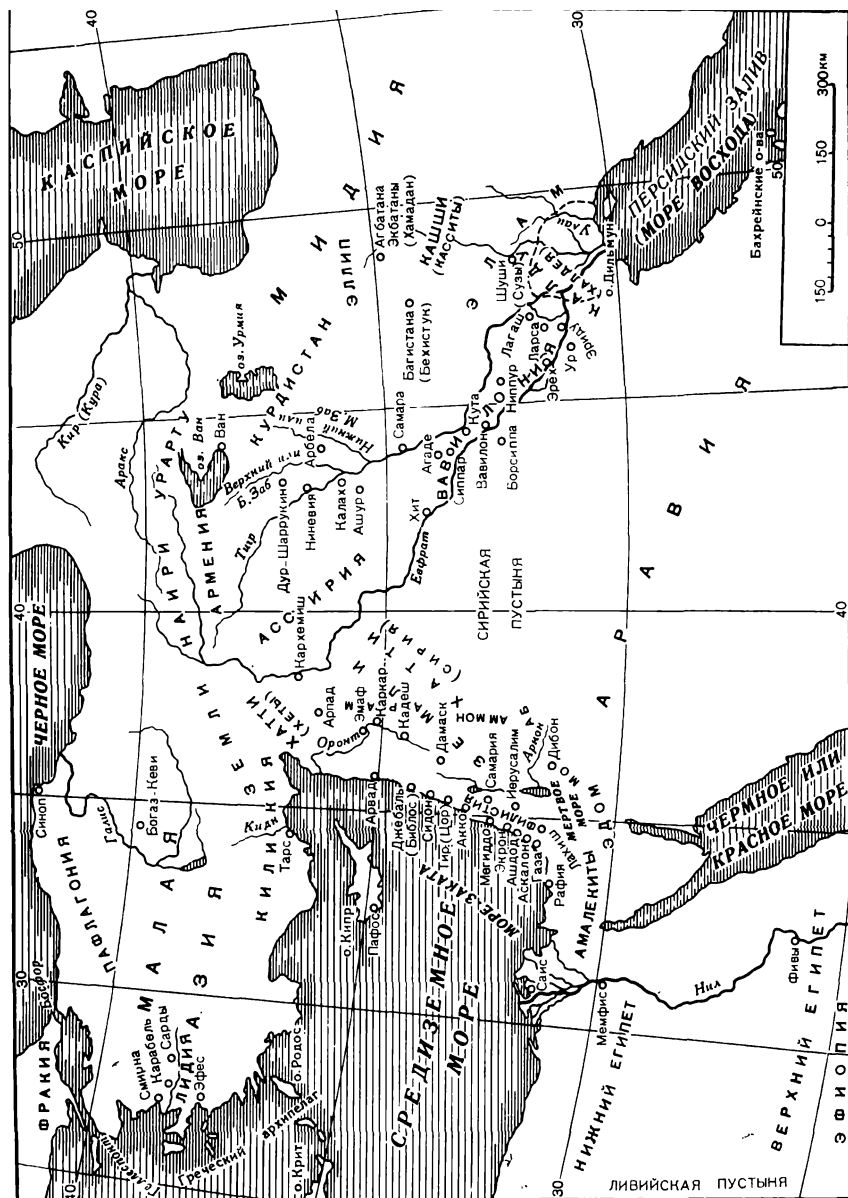
Природа

Несколько тысячелетий назад Персидский залив вдавался в сушу намного дальше, чем в настоящее время. Однако постепенно наносы Тигра, Евфрата и других рек, теперь уже высохших, заполнили громадную котловину между Сирийской пустыней на западе и Иранским нагорьем на востоке. Благодаря этому образовались земли Южного Междуречья, или Месопотамии (так называли область эту греки), заболоченные, заросшие дикими растениями и безлюдные.

Позже на этих неприветливых землях появились первые поселения. Но не по доброй воле пришли они сюда — воинственные кочевые племена вынудили их искать убежище в долинах рек Месопотамии.

Северная часть Месопотамии, которую в древности называли Ассирией, представляет собой гористую местность, орошаемую обильными дождями. Ее южная часть, называвшаяся некогда Вавилонией (в Библии — Сennaаром), — болотистая низменность, почвы которой образованы речными наносами. Тигр и Евфрат разливаются с марта — апреля. (Тигр в середине марта и в июне уже входит в свои берега, Евфрат — с апреля по сентябрь.) Под Месопотамией, в узком смысле слова, подразумевают область, расположенную между Тигром и Евфратом (примерно от Мосула до Багдада), а в более широком смысле — территорию от предгорий Армении до Персидского залива, с одной стороны, и от крутых склонов сирийских и аравийских гор до устья Тигра и Евфрата — с другой.

На севере Месопотамии разлив Тигра и Евфрата покрывает лишь узкие полосы по обоим берегам рек. Большая часть речной долины засушлива, зато в низовьях рек, ближе к Персидскому заливу, воды слишком много. Она застаивается, образуя обширные гнилые болота.

Летом в Южной Месопотамии стоит нестерпимая жара. Зимой идут дожди, и после них равнина покрывается растительностью. Но снова приходит лето с суховеями, и цветущий луг превращается в пустыню.

Нелегко было жить в такой стране. Чтобы не погибнуть от голода и лишений, обитателям Месопотамии нужно было распределять влагу по полям, рыть капалы, сооружать запасные резервуары. В низовьях приходилось осушать болота, чтобы превратить долину в цветущую страну.

Хлеб снимали дважды (как и в современном Ираке): в апреле — мае и сентябре — октябре.

Урожай в Северной Месопотамии зависел от дождей. Поэтому ассирійцы говорили, что «их глаза устремлены на дождь — небесный поток». Бог Адад считался у ассирійцев небесным владыкой, который посылал на землю дожди; не случайно в ассирійских законах упоминаются «воды бога Адада».

Вавилония, расположенная на юге Месопотамии, когда-то превосходила плодородием даже Египет. По рассказам греческого историка Геродота, урожай хлебов бывал сам 200—300. Колосы пшеницы и ячменя достигали часто ширины в четыре пальца, просо и кукуруза — величины дерева (из семян кукурузы вавилоняне выжимали масло). Большинство пальм приносило плоды, из которых пекли хлеб и готовили вино.

Горы, окаймлявшие с востока, севера и запада Ассирию, частично покрывали леса. Здесь водилось много диких зверей и птиц. С давних времен добывались различные сорта камня (базальт, алебастр, диорит, известняк и др.). В районе современных городов Мосул и Анка, имелись залежи мрамора, разрабатывавшиеся и поныне. Горные районы были богаты полезными ископаемыми (медь, свинец, серебро, железо).

На равнинах Ассирии водились львы, слоны, леопарды, дикие ослы и лошади, кабаны, а в горах — медведи и лани. Теперь почти все эти виды животных исчезли, а когда-то охота на львов и леопардов была любимым развлечением ассирійских царей.

Бассейн Тигра и Евфрата занимает площадь 71 тыс. кв. км, из которых на долю Тигра приходится 37,5 тыс., а на долю Евфрата — 33,5 тыс. кв. км, хотя длина Евфрата составляет 2770 км, а Тигра — лишь 1950 км.

Евфрат берет начало на Армянском нагорье, недалеко от оз. Ван. Здесь сливаются два его истока — Западный и Восточный (их ассирійские названия — Арсанис и Арацани, турецкие — Карасу и Мурат).

Он несет свои воды с востока на запад, извиваясь между горами. Пройдя более 450 км, Евфрат круто поворачивает на юг, а затем на запад, потом снова на юг. Здесь, недалеко от его долины, начинается Тигр. Он течет с противоположного Евфрату склона гор и проходит вблизи оз. Ван, от которого ушел Евфрат. Тигр превосходит своего близнеца быстротой течения, за что арабы и

прозвали его стрелой. Он несет вдвое больше воды, так как принимает с левой стороны много ручьев и рек, стекающих с гор Западного Ирана. Встречая на пути горные цепи, Тигр поворачивает на юг, к Персидскому заливу.

Евфрат уходит от Тигра почти на 400 км. Между ними расположилась целая горная страна, раскинулись степи, покрытые зеленым ковром. Совсем немного осталось Евфрату до Средиземного моря, но дорогу ему загораживает Антиливан, и река вновь поворачивает на юг, а потом на юго-восток, навстречу Тигру. Так, разделившись в начале, обе реки опять сближаются и несут свои воды рядом.

В древности они впадали в Нижнее море¹ отдельно, а в настоящее время сливаются в единый поток, носящий название Шатт-эль-Араб, протяженность которого 187 км. Он протекает по территории, бывшей когда-то морским дном.

У обеих рек-близнецов имеются притоки. В Евфрат вливаются Балих и Хабур — слева и небольшая река Саджур — справа. В Тигр — Верхний и Нижний Заб, Дияла (по-ассирийски — Тура-ту) и другие реки.

Долина верхнего Тигра в торговом отношении занимала выгодное положение. Отсюда шли знаменитые караванные пути: на юг по Тигру — к Персидскому заливу; на восток по долинам рек — на Иранское плоскогорье; на север — через горные проходы в районе трех великих озер — Севан, Ван и Урмия — в Закавказье; на северо-запад по Тигру — к границам Сирии и Малой Азии, откуда открывался путь на запад к торговым городам Сирии и финикийского побережья.

Благодаря оросительным сооружениям всю местность вдоль нижнего течения Тигра и Евфрата некогда покрывали сады и пашни. Ныне эти каналы разрушены и засыпаны песком. Даже в наши дни археологи находят остатки древних оросительных систем, о которых упоминал еще Геродот. Ежегодно повторявшиеся разливы Тигра способствовали образованию в этом районе озер. Одно из них, Джезаир-Мунтефик, тянется на несколько километров вдоль реки. Топи Хсур-Амара переходят далее в болото Абур-Азам, занимающее на восток от Тигра почти все огромное пространство от р. Керки до Амары. Здесь встречается множество уток, цапель и другой болотной птицы.

Из растений попадаются группы финиковых пальм, чередующиеся с зарослями тростника. Многие пальмы растут прямо в воде. По арабской поговорке, финиковая пальма должна иметь «ноги в воде, а голову — в огне». Высота отдельных деревьев достигает 20 м, толщина ствола доходит до метра. Продолжительность жизни пальмы около 100 лет. На севере Месопотамии финики не успевали созреть и пальмы оставались лишь декоративными растениями.

Болотистую часть долины Тигра и Евфрата покрывали заросли тростника, которые образовывали густые джунгли. Тростник заменял местным жителям дрова: им отапливали жилища; смешанный

с глиной, он использовался для строительства домов, укрепления берегов каналов и т. д.

Другим природным богатством этой долины была глина. Из глины или кирпичей в Месопотамии строили жилища, начиная от хижин бедняков и кончая дворцами и храмами. Из глины же изготовлялись таблички для письма и другие изделия. Глина была настолько распространена в Месопотамии, что, согласно шумерским мифам, бог Энки создал из нее первого человека.

Население Южной Месопотамии

Известно, что человеческое общество в различных странах развивалось неравномерно. Это в значительной мере зависело от естественных условий, от окружающей среды. Там, где природа предоставляла человеку возможность существования, зарождались древнейшие цивилизации. В Северо-Восточной Африке их колыбелью была долина Нила, а в Передней Азии — долина рек Тигра и Евфрата, т. е. Месопотамия.

Во времена древнекаменного века (палеолита) долина Тигра и Евфрата была покрыта болотами и необитаема. Однако в горах Загра (в районе Шанидара и др.), отделяющих ее от Иранского плоскогорья, жили неандертальцы.

В эпоху новокаменного века (неолита) и меднокаменного (энеолита) Месопотамия была уже заселена. Древнейшими известными нам жителями южной части страны были шумеры. Северные их соседи — семитские племена — получили в дальнейшем название аккадцев².

Ученые считают началом шумерского проникновения в Южную Месопотамию конец IV тысячелетия до н. э. Очевидно, шумеры переселялись сюда не одновременно, а занимали новые области постепенно.

С течением времени люди научились сооружать каналы и дамбы, осваивать пустынные земли и превращать их в плодородные.

Осваивая Месопотамию, шумеры, чтобы уберечься от разрушительных наводнений, строили свои города и храмы на искусственных холмах. Чтобы вода не застаивалась, рыли каналы вокруг городов, через которые отводили воду в искусственные озера. Упорный, изнуряющий труд десятков поколений превратил Месопотамию в цветущую страну. Эти места, где всегда журчала благословенная вода и где почва отличалась исключительным плодородием, стали колыбелью шумерской цивилизации.

Основным занятием шумеров было земледелие. Как и в Египте, земля возделывалась в основном свободными крестьянами-общинниками. Наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами были ячмень, пшеница, кунжут, леп. Сельские общи-

ны облагались натуральным налогом, обычно в размере десятой части урожая (десятина), который шел в царские амбары.

В царских и храмовых хозяйствах, где использовался главным образом подневольный труд, преобладали садово-огородные культуры. Развивалось там и скотоводство.

Плодородие почвы давало возможность получать прибавочный продукт. Однако, чтобы успешно использовать природные ресурсы, необходимо было осушать болота, орошать поля, до которых не доходила вода во время разлива. Все эти работы производились на первых порах силами сельских общин. Более зажиточные общинники посылали на тяжелые земляные работы своих рабов. В дальнейшем организаторами строительства ирригационных и других сооружений становятся храмы.

Документы из знаменитого архива храма богини Бау в шумерском городе Лагаше, относящиеся к 2600—2000 гг. до н. э., свидетельствуют о том, что в этот период храмы были средоточием политической, экономической и культурной жизни Шумера и что они владели большей частью земли. Жрецы руководили внешней и внутренней политикой городов-государств. Религия стала мощным оружием в руках городской верхушки в ее борьбе за упрочение своей власти.

Тысячи храмовых работников (свободные и рабы) сооружали крупные каналы и водохранилища. В храмах накапливались большие запасы продовольствия, газоряющие мелкие землевладельцы, пользуясь ссудами из этих запасов, попадали в зависимость от храмов и нередко превращались в рабов.

Храмовое хозяйство обычно возглавляли правители городов-государств, которые и организовывали обмен различными товарами с соседними царствами, где приобретали рабов, металл, лес, камень.

На юге Шумера находился г. Эреду, где почитался бог моря Энки (семит. Эа), к северо-востоку от него — Ур, где поклонялись богу луны Наннару (семит. Сину). К северу от Ура располагались Урук, где почитались бог небес Ан (семит. Ану) и богиня любви Инана (семит. Иштар), а также Ларса, Лагаш, Шуруппак, откуда, согласно древней легенде, происходил Ут-напхтим, герой вавилонского мифа о потопе. Наконец, еще севернее находился г. Ниппур с центральным святилищем всего Шумера.

Города-государства шумеров непрерывно враждовали между собой, главным образом за источники воды. Если вода на поля не поступала — это грозило гибелью посевам и создавало угрозу голодной смерти для тысяч людей.

Примерно с середины III тысячелетия до н. э. благодаря обнаруженным позднее спискам царских династий нам становятся известны имена правителей Шумера.

К этому периоду в Шумере последовательно сменили друг друга три культуры, различавшиеся особыми памятниками материальной культуры, различными техническими и художественными

приемами. Культуры эти названы по имени тех мест в Месопотамии, где впервые обнаружены их следы.

Древнейшие народы, населявшие Месопотамскую низменность, жили в энеолите. Их характерные и очень красивые кремневые орудия, гончарные, а также небольшое количество медных изделий впервые обнаружены под холмом Эль-Обейд, расположенным близ древнего Ура. Поэтому, где бы потом ни находили изделия и орудия такого типа, будь то в Северном Ираке или даже в Сирии, их относят к культуре Эль-Обейда (вторая половина IV тысячелетия до н. э.). Вопрос о том, была ли культура Эль-Обейда дошумерской или протошумерской, остается еще не решенным.

Культура следующей группы — Урука. Народ, создавший ее, умел обрабатывать металл, воздвигать здания из кирпича; ему был также известен гончарный круг.

Следы культуры последней племенной группы обнаружены около Вавилона под холмом Джемдет-Наср (2800—2700 гг. до н. э.) близ древнего Киша.

В урукский и джемдет-насрский периоды появились зачатки письменности на глиняных табличках. Ее дальнейшее развитие было связано с необходимостью учета продукции храмовых хозяйств, а также с ростом внутренней и внешней торговли.

По физическому типу шумеры отличались от семитов. Вот облик шумеров: голова и лицо круглые, большие глаза и большой прямой нос, борода и усы сбиты, у лиц жреческого достоинства голова всегда бритая. Шумеры были склонны к полноте, приземисты, с короткой шеей.

Велики были и культурные достижения шумеров. Они создали изумительные произведения художественной литературы, в том числе ранние версии легенд о герое Гильгамеше, которые позднее были переработаны в одно из самых древних на земном шаре поэтическое произведение.

До нас дошли такие шедевры шумерского изобразительного искусства, как диоритовые статуи Гуден, правителя Лагаша (XXII в. до н. э.), и др.

Значительны были также научные достижения шумеров, особенно в области математики. Созданную ими шестидесятиричную систему исчисления восприняли вавилоняне и ассирийцы; отчасти она сохранилась до нашего времени (в принятом делении часа на 60 минут и минуты — на 60 секунд, а также в делении круга на 360 градусов).

Многие другие ценности шумерской цивилизации были впоследствии заимствованы кроме вавилонян и ассирийцев и другими народами: халдеями и арамеями, населявшими долину Месопотамии в последующие века; от этих народов они перешли к грекам и римлянам, персам и арабам и стали достоянием культуры почти всего человечества. Многие мифы, легенды и предания, бытовавшие и кое-где еще бытующие и сейчас у самых разных народов, восходят к шумерам. Это относится, в частности, к библейским

сказаниям (о сотворении женщины из ребра Адама, о грехопадении, о потопе). Таким образом, критическое изучение библейской традиции невозможно без учета шумерской мифологии.

Вопрос о роли шумеров в формировании вавилонской культуры вызывал на первых порах большие споры. В настоящее время установлено, что Шумер был основой и источником этой культуры. Подобную точку зрения высказал и подробно обосновал английский ученый Кинг, а позднее — американский шумеролог С. Н. Крамер. Большой вклад в изучение шумерской цивилизации внесли советские исследователи (акад. В. В. Струве, В. К. Шилейко, И. М. Дьяконов и др.).

Почти одновременно с шумерами в Месопотамии поселились степные кочевники — аккадцы, пришедшие, видимо, из Аравии. Они проникли (вероятно, через Палестину и Сирию) в центральную часть долины Тигра и Евфрата, где вскоре осели и перешли к земледелию.

Главное поселение аккадцы основали на самом севере Южной Месопотамии, недалеко от теперешнего Багдада. Это был Аккад, по имени которого назывался до возвышения Вавилона весь север Южной Месопотамии.

Аккадцы внешне отличались от шумеров. Это были высокие, стройные люди, с длинными волосами; мужчины — с черными курчавыми бородами, обрамлявшими продолговатые лица. Их язык принадлежал к числу семитских, т. е. был родствен древнееврейскому, финикийскому и арабскому. Древние семиты напоминали современных арабов. Между семитскими племенами в центре Месопотамии и шумерскими на юге несколько веков шла упорная борьба за господство в стране.

Примерно с середины III тысячелетия до н. э. аккадцы утверждаются в крупнейшем центре Северного Шумера — Кише. Царь их носил явно семитское имя — Энби-Астар. Однако вскоре аккадский Киш подвергся разгрому; скорее всего, главную роль здесь сыграл Урук — крупный центр шумерского юга.

Древнейший период истории Южной Месопотамии

В конце XXIV в. до н. э. города Месопотамии были объединены царем Шаррумкенем (Саргоном), которого часто называют Древним или Аккадским в отличие от одноименных ассирийских царей, один из которых правил в XIX в. до н. э., а другой — в конце VIII. Саргон стал героем любопытной легенды, которая дошла до нас в позднейших записях. Если верить ей, он был подкидышем, человеком без роду и племени. В одном тексте прямо говорится, что царь не знал своего отца. Его мать, происходившая из знатного рода, зачала и тайно родила будущего царя на берегу Евфрата, затем положила его в корзину из тростника, крышку залила горной смо-

лой и пустила корзину по течению. Воды реки подхватили корзину и принесли младенца «к водовозу Акки», который, по доброте сердечной, принял его, взрастил, как родное дитя. Способный мальчик стал садовником, затем почитателем бога Замамы, а позже великая богиня любви Иштар, благосклонная к нему, возвела своего любимца на царский трон.

Среди развалин Аккада была найдена личная цилиндр-печать Саргона. Кроме этого обнаружен алебастровый диск с изображением его дочери. Археологи нашли таблички с надписями, сделанными во время царствования Саргона. Следовательно, личность эта была не мифическая, а историческая.

Саргон Аккадский был, безусловно, талантливым военачальником и выдающимся государственным деятелем. Ему удалось разбить могучего царя Урука и Уммы — Лугальзагеси, который был первоначально правителем Уммы. Воспользовавшись социальной борьбой, происходившей в соседнем Лагаше, где царь Урукagina (или Уруинимгина) провел реформы в пользу земледельцев-общинников, Лугальзагеси разоряет Лагаш и объединяет шумерские города под своей властью: столицу он переносит в Урук. Саргону удалось покорить шумерский юг; в дальнейшем он завоевал Сирию и, возможно, проник далеко на северо-запад, в богатую металлами Каппадокию³. На востоке он совершает удачный поход в суровую страну Элам.

Саргон захватил огромную добычу и пригнал тысячи пленных, которых заставил строить царский дворец и храм в Аккаде. По имени месопотамского города Аккада стала называться вся центральная часть долины Тигра и Евфрата, на север от Шумера.

Головокружительный успех, сделавший Саргона властителем могучего государства, объясняется в значительной степени хорошей организацией постоянного войска, которое он создал из мало-земельных земледельцев-общинников, получавших за свою службу земельные наделы. Саргон сам утверждал, что у него была постоянная армия, насчитывавшая 5400 воинов. Для того времени это была грозная сила, на которую он мог опереться. Саргон ввел в свое войско отряды лучников, т. е. легкую пехоту, отличавшуюся значительной подвижностью по сравнению с тяжелой пехотой Шумера.

Создав обширную и централизованную аккадско-шумерскую державу, Саргон принял титулы «царя страны, которому Энлиль не давал врага», и «царя четырех стран света». Власть Саргона Аккадского и его преемников носила деспотический характер. Правда, в пределах собственной городской общины его власть еще долго была ограничена родо-племенной знатью. Собрание здесь ополчение поддерживало Саргона в его стремлении покончить с влиянием совета старейшин.

Основой экономической мощи царей Аккада были храмовые владения, объединенные теперь под властью царя, но не слитые еще с его хозяйством. Саргон стремился к укреплению внутренне-

го рынка. Для этой цели им была создана единая система мер и весов.

Династия, основанная Саргоном, правила около 140 лет, примерно до 2200 г. до н. э., когда Аккад был разгромлен племенами кутиев, нагрянувшими с востока, с гор Загра.

Хотя существование огромной державы, созданной Саргоном, оказалось сравнительно кратковременным, но память о ней сохранилась на протяжении многих веков.

При Саргоне впервые было расширено храмовое книгохранилище в Уруке. Он пополнил его двумя большими литературными сборниками, которые жрецы составили по его приказу. Один из них состоял из трех отделов и двухсот плиток и содержал старинные моления, воззвания, заклинания, песнопения, заговоры, формулы и т. д. Все они написаны на шумерском языке с подстрочным переводом на аккадский (вавилонно-ассирийский).

Господство кутиев, положивших конец аккадской державе, продолжалось до конца XXII в. до н. э.⁴. В дальнейшем возрождается Шумер. Старинные города Урук и Ур свергают власть чужеземцев и создают могучее шумерское государство, достигшее расцвета при третьей династии Ура (2112—1997 гг. до н. э.).

В этот период значительного развития достигло рабовладение. Разоренные земледельцы, утратившие свои общинные наделы и запутавшиеся в долгах, превращались в рабов, тогда как прежде, во времена аккадской династии, обедневшие общинники нанимались на работу за скудную плату, но сохраняли личную свободу.

От этого времени дошли до нас архивы крупных царских и храмовых поместий, в которых широко применялся рабский труд (и отчасти наемный труд бедняков).

Недовольство народных масс жестокой эксплуатацией подрывало могущество державы, созданной царями третьей династии Ура. В начале II тысячелетия до н. э. она была разгромлена внешними врагами — эламитами и амореями. Затем между ними начинается борьба, закончившаяся победой аморейских царей и возвышением города Вавилона, который становится крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром Месопотамии.

Глава II

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АССИРИИ И ВАВИЛОНИИ

Источники по истории государств и народов древнего Ближнего Востока делятся на три группы. К первой относятся Библия и произведения античных писателей и историков, ко второй — памятники письменности и к третьей — памятники материальной культуры.

Библия и античные авторы

Вплоть до середины XIX в. важнейшим источником сведений о Вавилоне и Ассирии были Библия и свидетельства античных авторов. Древнегреческие и римские писатели и историки многое наблюдали лично, о многом были осведомлены благодаря хорошим, но ныне утраченным источникам. Свидетельства античных авторов в значительной своей части подтверждаются расшифрованными впоследствии памятниками древневосточной письменности.

В ряде случаев, однако, античные авторы в результате чрезмерного доверия к устной традиции допускали ошибки. Они не были также знакомы с письменностью восточных народов. Поэтому их повествования о Вавилонии и Ассирии необходимо, когда для этого представляется возможность, сопоставлять с клинописными документами, найденными при раскопках.

О Шумере и Аккаде, так же как о раннем Вавилоне времен Хаммурапи, ни Библия, ни античные авторы ничего или почти ничего не сообщали.

Хаммурапи, как предполагают, упомянут в 14-й главе Бытия, где его имя звучит как Амрафел. О нем говорится лишь как о союзнике эламского царя во время похода последнего в район Мертвого моря.

О шумерах исследователи вообще узнали только во второй половине XIX в., причем на первых порах, после открытия шумерских надписей, возник спор о том, существовал ли на самом деле народ, которому принадлежат эти произведения, или данные тексты написаны на искусственном языке, созданном для зашифровки священных записей. Подобную точку зрения отстаивал крупный французский семитолог Ж. Галеви, теория которого была опро-

вергнута другим французским востоковедом — Ю. Оппертом. В настоящее время в реальности существования шумерского народа никто не сомневается.

Некоторые сведения библейская и античная традиция дает о поздней Ассирии (IX—VII вв. до н. э.) и о Нововавилонском (Халдейском) ¹ царстве (VII—VI вв. до н. э.).

Греческие историки сообщали о Вавилоне очень немного. Около 450 г. до н. э. Вавилонии, принадлежавшей тогда персам, побывал греческий историк Геродот. Во время своего путешествия он беседовал с местными жителями, записывал их обычаи, предания и легенды. Геродот подробно рассказал о Вавилоне того времени, о его храмах, дворцах и каналах.

Полтора века спустя после Геродота вавилонский жрец Берос (IV—III вв. до н. э.) написал по-гречески большое сочинение о Вавилоне. В нем он рассказал историю Вавилона и Ассирии и изложил много легенд о царях и основные мифы. Пользовался он для своего сочинения записями вавилонских ученых и жрецов, сделанными клинообразными письменами на глиняных дощечках и на стенах дворцов и храмов. Геродот видел эти клинообразные записи, но не мог ими воспользоваться, так как не знал ни аккадского языка, ни клинописи. Поэтому сочинение Бероса было более содержательно и ценно, чем краткие заметки Геродота. К сожалению, оно почти целиком погибло, и до нас дошло только несколько отрывков из этой книги. Исчезли, казалось, навеки и все письменные памятники, из которых можно было бы узнать судьбу этих древних государств. О Вавилоне и об Ассирии у европейцев складывалось понятие почти исключительно на основании тех сведений, которые содержали библейские рассказы.

Между тем составлявшим библейские книги иудеям Вавилония и Ассирия внушали суеверный страх. Пристрастие и уязвленное самолюбие не позволяли им отнестись к своим победителям объективно. Они не находили достаточно сильных выражений для изображения жестокости и кровожадности своих врагов. У иудеев не могло быть и мысли о том, что эти «бичи Израиля» — высококультурные народы. Вавилон иудеи называли «великой блудницей» царя Навуходоносора. Плохая репутация Навуходоносора в глазах последующих поколений, очевидно, во многом объясняется тем, что в свое время почти единственным источником сведений о его деятельности была Библия, на страницах которой он выступает прежде всего как жестокий покоритель Иудеи, разрушитель Иерусалима и виновник «вавилонского пленения» иудеев. Подобную репутацию потом бывает очень трудно восстановить. Это и случилось с Навуходоносором и особенно с царями Ассирии. Разумеется, они не были кроткими агнцами и, подобно всем древневосточным правителям, не останавливались перед любой жестокостью, если признавали ее целесообразной и необходимой.

Памятники письменности

В начале XVII в. ореолом славы в Европе было окружено имя неаполитанского купца и языковеда Пьетро дела Валле. Он много путешествовал в далекие экзотические страны: посетил Константинополь, Иерусалим и Каир, исходил всю Месопотамию и Сирию, добрался до Ирана.

В XVII в. такое путешествие было делом очень трудным и опасным: это многие месяцы изнурительного пути через степи и пустыни, горы и болота на спине верблюда. Зной и мороз, голод и жажда, грязь, болезни. На дорогах грабили разбойники. Бродя среди развалин дворца Дария I в Персеполе, Пьетро заметил на кирпичах какие-то странные значки. Сначала ему показалось, что это отпечатки когтей птиц, которые когда-то, очень давно, прыгали по сырой кладке. Но, приглядевшись, он обратил внимание на то, что значки эти складываются из ряда горизонтальных и вертикальных черточек. Все черточки имели форму клиньев вследствие того, что неизвестный художник надавливал палочкой на влажную глину. Пьетро дела Валле понял, что это какие-то надписи, и скопировал их.

В октябре 1621 г. ученому миру был представлен образец странных писем, который Пьетро дела Валле отправил своему другу в Неаполь.

В своих письмах Пьетро дела Валле допускал, что в скопированной им надписи «одна буква, быть может, имеет значение целого слова, чего я, однако, теперь не вполне могу понять. Были ли то отдельные буквы или же целые слова, я не знаю; во всяком случае, я списал, как мог, пять из них, которые я чаще всего видел в указанных надписях». Пьетро дела Валле сообщал также, что насчитал 100 отдельных знаков. Каждый из них, по его предположению, обозначал целое слово. Он высказал догадку, что клинопись следует читать слева направо, потому что острия горизонтальных клиньев были направлены в правую сторону.

Итальянский путешественник вряд ли понимал, какую сокровищницу представляют собой горизонтальные и вертикальные черточки, какие ценные сведения о цивилизациях шумеров, вавилонян, ассирийцев и других народов Ближнего Востока они содержат. Заслуга его в том, что он первым привез в Европу образцы клинописи и вопреки мнению многих ученых увидел в черточках древнейшие письма, а не затейливый орнамент. Вот почему его имя навсегда сохранилось в истории археологии.

Почти через 150 лет после Пьетро дела Валле путешествие в Месопотамию совершил датчанин Карстен Нибур (1733—1815). По поручению датского короля Фридриха V он в 1761 г. отправился в научную экспедицию на Ближний Восток. Однако закончилась она трагически: не прошло и года, как все ее участники погибли от истощения и инфекционных заболеваний. В живых остался только Нибур. Он один провел всю работу, которая возлага-

лась на целую экспедицию. Книга Нибура «Описание путешествия в Аравию и окружающие страны» (1774—1778), представляющая собой добросовестное описание края, людей и найденных следов древних цивилизаций, долгое время оставалась единственным источником знаний о Ближнем Востоке.

Нибур попытался расшифровать клинообразное письмо. Однако ему не удалось выполнить эту задачу. Он смог лишь установить, что надписи писались при помощи трех систем письменности и наиболее простая из них состоит из 42 алфавитных знаков.

Первым, кто добился успеха в дешифровке клинописи, был учитель греческого и латинского языков геттингенского лицея Георг Фридрих Гротенд (1775—1853).

В 1802 г. в его руки попал текст из Персеполя, над расшифровкой которого безуспешно бились многие ученые. Загадочные клинообразные значки заинтриговали Гротенда. Приступив к работе, он заметил, что персепольская надпись делится на три колонки. Гротенд предположил, что она сделана на трех языках. Он знал историю древнеперсидского государства; ему было известно, что в 539 г. до н. э. Кир захватил Вавилон. А так как надпись исходит из Персеполя, то отсюда следует, что одна из трех колонок наверняка содержит текст на древнеперсидском языке. Но какая?

Гротенд рассуждал следующим образом: персидский язык — язык народа-победителя; логично поэтому предположить, что он занимает центральное место. Таким является, по-видимому, средняя колонка. А боковые? Возможно, они содержат перевод на языки двух самых многочисленных побежденных народов.

Приняв эту простую и одновременно гениальную гипотезу, Гротенд пригляделся пристальнее к клинообразным знакам средней колонки. Неожиданно он заметил очень характерную деталь, за которую и ухватился. В тексте дважды повторялась одна и та же группа или комбинация знаков, отделенная косым клином и предположительно обозначающая целое слово. Гротенд допустил, что текст сообщает о какой-то династической преемственности в персидском царском доме и что обе идентичные комбинации знаков могут обозначать царский титул.

Исходя из предположений, сделанных еще его предшественниками, что косой клин является разделительным знаком и в алфавитной персепольской надписи одна группа знаков обозначает титул царя, Гротенд выдвинул гипотезу, согласно которой вся надпись в целом содержит титулатуру двух персидских царей. Он начал рыться в текстах древних историков и наткнулся на нужные имена.

Таким образом, стало ясно, что персы использовали клинопись для своего письма.

Благодаря целой серии остроумных догадок Гротенд сумел прочесть в надписи имена двух персидских царей из династии Ахеменидов — Ксеркса и Дария.

Однако дело обстояло не так просто, как казалось. Ключ к загадке Гротенд искал в тексте «Авесты» — священном писании

иранцев, язык которого довольно близок древнеперсидскому. После безуспешных попыток несколько ученых так и не смогли добиться какого-либо результата — один Гротефенд правильно разобрал девять слоговых знаков древнеперсидской клинописи и тем самым положил начало дешифровке клинообразных надписей. Ее правильность подтвердилась впоследствии разбором четырехязычной надписи, в которой имя Ксеркса было три раза начертано клинописью, а четвертый — египетскими иероглифами.

Гротефенд добился успеха в сентябре 1802 г. Спустя 34 года, в 1836 г., норвежец Х. Лассен, француз Э. Бюрнуф и англичанин Г. Роулинсон окончательно дешифровали древнеиранскую клинопись.

Генри Кресвик Роулинсон (1810—1895) совершал путешествие на английском парусном судне из Великобритании в Индию. Во время рейса он сумел понравиться губернатору Бомбея. Тот предложил Генри вступить в военный отряд Ост-Индской компании. Роулинсон согласился и в 1826 г., 16 лет от роду, перешел на службу компании. Вскоре Роулинсон получил офицерские эполеты, а в 1833 г. он уже становится майором и занимает должность инструктора иранской армии.

Через шесть лет английское правительство назначает Роулинсона политическим агентом в Афганистане. В последующие годы он — консул в Багдаде, член британского парламента и, наконец, посол в Тегеране. Его блестящая карьера объяснялась тем, что он был опытным английским разведчиком. В руках Роулинсона сосредоточились многие нити политических интриг в странах Ближнего и Среднего Востока.

Вместе с тем он был талантливым исследователем клинообразного письма. Ничего не зная об изысканиях Гротефенда, он не только прочел, руководствуясь подобным же методом, имена ранее упомянутых персидских властелинов, но и расшифровал несколько других знаков древнеперсидской клинописи. Когда позднее Роулинсон ознакомился с работой Гротефенда, он пришел к выводу, что его собственные исследования дали гораздо большие результаты.

Роулинсон взял для дешифровки самую большую трехязычную (на древнеперсидском, эламском и вавилоно-ассирийском) персидскую надпись. Она находилась на Бехистунской скале (среди горных хребтов Загра), в 20 км к юго-востоку от Керманшаха. Этот грандиозный барельеф знали десятки поколений людей, населяющих страны Ближнего и Среднего Востока. У подножия Бехистунской скалы проходила когда-то дорога в Вавилон; теперь это оживленный торговый путь, связывающий Керманшах с Багдадом.

С незапамятных времен тянулись по этой дороге торговые караваны, бредли одинокие путешественники. Загадочные фигуры, высеченные в скале, наполняли суеверным страхом путников и местных жителей. Бехистунская скала поднимается почти отвесно над равниной и достигает 1000 м высоты. До отметки примерно 100 м от основания скала отполирована, и на этой гладкой поверхности

вырезаны надпись и рельефный рисунок. Он изображает царя Дария, попирающего ногами поверженного в прах врага; перед Дарием стоят девять бунтовщиков со связанными сзади руками. Надпись эта давно волновала воображение ученых, но к ней почти невозможно было добраться. Роулинсон заинтересовался ею, когда служил в качестве английского военного инструктора в персидской армии.

Чтобы достичь надписи и скопировать ее, он использовал выступ скалы, к которому удалось прикрепить длинную веревку. До наиболее отдаленной части текста сам Роулинсон дотянуться не мог. Он нанял сильного и ловкого курдского мальчика, который обвязался веревкой и, совершив акробатический прыжок, зацепился за более далекий выступ. Затем забил клин в еле заметную трещину и закрепил здесь новую веревку. После этого смельчак, подтягиваясь по веревке, стал накладывать на надпись листы влажного картона и снимать таким образом оттиски. Чудом избежав смерти, он выполнил для Роулинсона точную копию клинописного текста.

Роулинсон принялся за дешифровку этой копии ².

Роулинсон предположил, что знаки должны обозначать не слова, а буквы. Он должен был отыскать в древнеперсидской части надписи собственные имена, соответствующие именам, сообщенным Геродотом, и поставить под знаки соответствующее алфавитное значение. Так как собственных имен в надписи было очень много, Роулинсон надеялся определить значение большей части алфавитных знаков. Главная трудность заключалась в том, как найти в древнеперсидской части надписи собственные имена. Гротефенд и другие ученые к тому времени уже обнаружили отличный клинообразный знак, детерминатив, который всегда ставился перед собственными именами; между словами, как уже отмечалось, помещался особый разделительный знак. Такие детерминативы помогли Роулинсону найти собственные имена.

Разгадав персидскую часть Бехистунской надписи, знаки которой в основном были силлабическими, Роулинсон приступил к дешифровке вавилоно-ассирийской части. Это оказалось чрезвычайно трудной задачей.

Во-первых, здесь было более 500 самых разнообразных знаков. Во-вторых, эта часть надписи сильно пострадала от времени, многие знаки стерлись. Роулинсон сделал предположение, что часть знаков должна обозначать целые слова или понятия, т.е. эти знаки представляют собой не буквы или слоги, а идеограммы. И действительно, он нашел идеограммы, обозначающие слова: «царь», «народ», «страна», «бог» и др. Но как их произносить?

Решить эту задачу помогли памятники письменности, найденные в древнейшей в мире крупной библиотеке, принадлежавшей ассирийскому царю Ашшурбанапалу. Здесь содержалось много учебных пособий, по которым учились вавилонскому чтению и

письму ассирийцы. На некоторых из таких табличек оказались объяснения идеограмм: в левом ряду, как у нас в словарях, стояли знаки, обозначающие идеограммы, а в правом — их транскрипция. Этими пособиями и воспользовался Роулинсон. Когда удалось воспроизвести первые вавилонские слова, стало ясно, что между вавилонским и древнееврейским языком, который был хорошо известен ученым, имеется определенное сходство.

В 1851 г. Роулинсон выпустил книгу, в которой дал перевод и объяснение вавилонской части Бехистунской надписи. Вслед за Роулинсоном за дешифровку вавилонских надписей принялись и другие ученые. Путь был теперь открыт; сотни новых табличек, найденных в Месопотамии, дали массу материала, и скоро было точно определено значение всех знаков клинообразного письма. Письмо оказалось очень сложным и запутанным; помимо большого числа знаков, оно было трудно еще и тем, что многие из них имели по несколько значений; иными словами, они употреблялись и в качестве идеограмм, и в качестве слоговых и звуковых знаков. Для облегчения работы постепенно составлялись таблицы знаков с объяснением всех их значений.

Таблички библиотеки Ашшурбанапала помогли позднее прочитать шумерские надписи³ сначала из этой библиотеки, а потом и те, которые были найдены в развалинах шумерских городов. Очевидно, клинопись возникла именно у шумеров, а затем была у них заимствована вавилонянами, которые ее, в свою очередь, передали ассирийцам.

Дешифровкой ассиро-вавилонского письма одновременно с Роулинсоном занимались несколько ученых. Однако все еще оставались сомнения относительно правильности дешифровки.

Чтобы убедиться в ее достоверности, в сентябре 1857 г. был устроен своеобразный экзамен. В Лондоне в это время оказались четыре крупнейших специалиста по клинописи: ирландец Эдвард Хинкс, англичане Генри Роулинсон и Фокс Тальбот, известный как один из пионеров фотографии, и, наконец, Юлиус Опперт. В запечатанных конвертах всем им было вручено по копии только что найденной надписи ассирийского царя Тиглатпаласара I. Они должны были перевести длинный текст, не общаясь друг с другом.

Роулинсон, Тальбот, Хинкс и Опперт расшифровали текст каждый порознь, согласно своему собственному методу, и перевод отослали в запечатанных конвертах специально созданной для этой цели комиссии.

Все переводы оказались почти идентичными. Отныне не оставалось сомнений — дешифровку труднейшего ассиро-вавилонского письма следовало считать пройденным этапом. В 1857 г. упомянутые переводы были опубликованы в печати под названием «Надпись царя Ассирии Тиглатпаласара, переведенная Роулинсоном, Тальботом, Хинксом и Оппертом». Таким образом, трехязычность бехистунского текста стала той волшебной палочкой, которая от-

ворила нам ворота в древнейшие цивилизации Шумера, Вавилонии и Ассирии, расширяя познания человечества.

В течение всего лишь нескольких лет объединенными усилиями многих ученых удалось добиться огромных успехов, появились даже первые грамматики ассирийского языка. И, подобно тому как открытие Ф. Шампольона считается началом египтологии, успешно сданный в 1857 г. «экзамен» признается началом новой науки — ассириологии.

Видное место среди ученых-ассириологов занял англичанин Джордж Смит (1840—1876). Сын рабочего, он с 14 лет стал трудиться в гравировальной мастерской. Талантливый мальчик быстро овладел сложным искусством гравера, стал вырезать на металле трудные и затейливые надписи. После работы Смит ходил в Британский музей посмотреть на удивительных крылатых быков.

Он стал самостоятельно изучать клинопись. Вскоре рабочий-самоучка научился читать ассирийские письма. Для воспроизведения документов, найденных в руинах ассирийских городов, Британскому музею требовался опытный гравер. На металлических досках надо было вырезать клинописные знаки ассирийских и шумерских документов. Смит взялся за эту работу. Вскоре он был переведен на должность научного сотрудника.

Дни и ночи проводил бывший рабочий в музее, упорно изучая документы из библиотеки Ашшурбанапала. А когда ему исполнилось 27 лет, он сумел прочесть важный документ — историю царствования Ашшурбанапала. Таблички, переведенные и опубликованные Смитом, рассказали о войнах, которые вел ассирийский царь, о том, как он собирал свою библиотеку, об истории его царствования.

В 1872 г. научный мир был потрясен открытием Смита, который среди глиняных книг библиотеки Ашшурбанапала обнаружил обломок таблички с преданием о всемирном потопе.

После этого Смит направился в Ниневию во главе археологической экспедиции, где нашел недостающую часть предания. Неожиданная смерть Смита стала тяжелой утратой для ассириологии.

Исследования второй половины XIX в. и начала XX в., посвященные разработке многих частных вопросов, превратили ассириологию в полноценную область филологии, в самостоятельную науку.

В начале нашего века немецкий филолог Фридрих Делич добивается того, что Германия становится центром изучения клинописи. Ученики Делича перенесли свою деятельность и в Новый Свет: много ассириологов и шумерологов работают в США. «Отцом русской ассириологии» стал замечательный ученый М. В. Никольский. Его продолжатели — В. С. Голенищев, Б. А. Тураев, В. В. Струве, В. К. Шилейко и другие — воспитали плеяду талантливых исследователей, положивших начало советской школе ассириологии.

Памятники материальной культуры

Культура дописменного периода вскрывается благодаря тщательному изучению вещественных памятников: орудий труда, жилищ, домашней утвари, произведений древнейших художников и т. д. Зачастую они говорят красноречивее, чем древнейшие надписи. Эти памятники относятся к эпохе неолита и отчасти энеолита и охватывают около четырех тысячелетий.

Памятники неолита и энеолита знакомят нас со стадией первобытного, доклассового общества на территории, которая позднее стала называться Ассирией. Историческое развитие Северной Месопотамии началось раньше, чем южной части страны, которая в неолитический период почти сплошь была покрыта болотами. Известный археолог Г. Чайльд утверждает, что именно Ассирия наряду с Египтом, Палестиной и Индией была колыбелью земледелия и скотоводства.

Еще задолго до образования ассирийского государства предгорья Загрса, бассейн рек Большой и Малый Заб и берега р. Хабур, впадающей в Евфрат, были заселены многочисленными племенами.

Древнейшее поселение на территории будущей Ассирии было обнаружено в Иракском Курдистане. Оно относится к концу мезолита (среднекаменного века) и самому началу неолита (докерамического века) и датируется примерно VI тысячелетием до н. э. Создатели этой культуры уже перешли из пещер в каменные жилища (сохранились остатки полов и стен, сложенных из камней). Они срезали дикорастущие злаки серпами с кремневыми лезвиями и растирали зерна на ручных зернотерках. Приступили они также к одомашниванию коз и овец. Это означало, что первые шаги, знаменующие переход к земледелию и скотоводству, уже были сделаны.

Более высокую стадию развития мы находим в неолитическом поселении Калат-Джармо (около Керкука к востоку от Тигра), которое относится к первой половине V тысячелетия до н. э. Здесь уже наблюдается широкое развитие земледелия (основные культуры — ячмень и двузернянка⁴⁾).

Костей домашних животных (коз, овец, свиней) сохранилось гораздо больше, чем останков диких зверей. В городище Калат-Джармо найдены руины прямоугольных (в плане) домов из утрамбованной глины, а также водосборники, представлявшие собой ямы, обмазанные глиной, которую обжигали, разводя здесь костры. Отсюда было уже недалеко и до изобретения керамики.

Здесь же раскопаны первые памятники изобразительного искусства (женские глиняные статуэтки).

В середине V тысячелетия до н. э. были уже заселены не только предгорья, но и значительная часть равнины. На правом берегу Тигра, в районе Хассупа (у места впадения Большого Заба), возникло значительное поселение, обитатели которого разводили мел-

кий и крупный рогатый скот. Грубые глиняные сосуды для зерна и каменные мотыги свидетельствуют о развитии земледелия. Известное значение сохранила еще охота (на газелей, онагров и других животных). Основным орудием охотников была праща, причем в качестве снарядов использовались глиняные шарики. Установились уже торговые отношения с районом Армянского нагорья, откуда поставлялся обсидиан, и с Сирией.

В 1971—1972 гг. памятники хассунской культуры были обнаружены советской археологической экспедицией под руководством Р. М. Мунчаева в долине р. Синджар (городище Ярым-Тепе I), где найдены многокомнатные дома из глиняных блоков, обмазанных штукатуркой.

Значительный подъем хозяйства и культуры отмечается в конце V тысячелетия и особенно в IV тысячелетии до н. э. Хотя преобладающими оставались каменные орудия, уже стала применяться (правда, еще в скромных масштабах) медь. Из этого металла изготавливались сперва украшения (например, бусы), а затем и орудия труда. Так, близ Ниневии, например, был обнаружен медный топор. Поскольку медь ценилась очень высоко, сломанные орудия не выбрасывались (как это делалось с каменными), а шли в переплавку. Этим и объясняется немногочисленность находок медных орудий.

Главные поселения этой энеолитической культуры в Северной Месопотамии находились на месте будущей столицы Ассирии, Ниневии, и в соседних пунктах Арпачийе и Тепе-Гавре, а в Северо-Западной Месопотамии — у современного Тель-Халафа (отсюда название культуры — «халафская»).

К этому времени уже относятся поселения городского типа. В Арпачийе, например, раскопаны каменные мостовые. Здания воздвигались из глины на каменных фундаментах. Особенно замечательны круглые строения с купольными перекрытиями (возможно, закрома для зерна).

Характерными памятниками этой эпохи являются керамические изделия. Глиняные сосуды лепили от руки, придавая им самую разнообразную форму. Один сосуд не был похож на другой. Многие из них покрывала многоцветная роспись. Наиболее распространенными орнаментами были: розетка, мальтийский крест, стилизованная голова быка. Сосуды эти изготавливались в расчете на широкий сбыт. О художественном творчестве кроме росписи сосудов свидетельствуют также резные печати с изображением охотничьих собак, оленей и т. п.

К концу IV тысячелетия до н. э. появился гончарный круг, что привело к стандартизации и упрощению гончарного производства.

Для истории древнего Двуречья характерны безжалостные нашествия, разрушения, массовая гибель людей. Разорению, а иногда даже полному исчезновению многолюдных и цветущих городов способствовал с древних времен сложившийся в Месопотамии обычай сжигать захваченные селения, а жителей уводить в плен.

Вот почему уже более двух тысяч лет почти все легендарные города Двуречья остались лежать в развалинах.

В средневековье Месопотамия пережила период нового подъема. В Багдад из Дамаска был теперь перенесен главный центр ислама.

Позднее страну захватили турки-сельджуки. Они создали огромную империю, но внешне мало что изменилось на этой земле. Сеть каналов сохранилась, несмотря на войны, и земля продолжала давать богатые урожаи. И только варварские походы монголов во главе с Хулагу и Тимуром превратили страну в пепелище. Была разрушена система каналов, земля без воды высохла и потрескалась под палящими лучами солнца. Нскогда цветущий край стал пустыней.

После этого на многие века люди забыли о существовании древней Месопотамии. Иногда сюда прибывали любознательные путешественники из Европы. Именно они рассказывали о таинственных холмах, возвышающихся среди безмолвной равнины.

Следует учесть то чрезвычайно важное обстоятельство, что дворцы и храмы Вавилонии и Ассирии строились не из огромных каменных глыб, как в древнем Египте, а из кирпича. Естественно, таким сооружением время наносит гораздо больше вреда.

Стены огромных дворцов и храмов обычно возводились из необожженного кирпича; лишь наружная и внутренняя облицовка — из обожженного. Чтобы сохранить постройки от сырости, их возводили на высоких площадках, сложенных из кирпичей. Несмотря на это, дворцы и храмы через определенное время разрушались, и каждое новое сооружение, построенное на месте старого, поднималось все выше и выше. Когда город подвергался разрушению, от него оставалась только огромная груда мусора; ветер засыпал ее пылью и песком, и таким образом образовывались те холмы, под которыми были погребены памятники исчезнувшей великой цивилизации.

Тайна холмов Ассирии и Вавилона волновала ученых. Но чтобы раскрыть ее, надо было приложить много труда и средств.

Первым европейцем, который решил начать здесь раскопки, был К л а в д и й Д ж е й м с Р и ч (1796—1821), консул Ост-Индской компании в Багдаде.

В 1820 г., возвращаясь из путешествия по Месопотамии, 24-летний Рич заехал в Мосул. Здесь он пробыл четыре месяца. Рич измерил и описал несколько крупнейших холмов. Местные жители, с которыми он часто встречался, сообщили Ричу, что в одном из холмов были найдены фигурки людей и зверей. Но он решил начать раскопки не только там, где указали арабы, но и на двух других соседних холмах. Ричу сопутствовал успех. Он находил кирпичи, покрытые клинообразными письменами, обломки глиняных сосудов и другие предметы. Однако работу продолжить не удалось: археологу не хватило ни средств, ни сил, ни умения. Вскоре он умер. После его смерти все найденное Ричем передано в Британ-

ский музей. С скромная коллекция положила начало огромному Халдейско-ассирийскому отделу. Как раз к этому времени европейскими учеными был найден ключ к чтению клинописи.

После смерти Рича на исследованные им холмы никто более не обратил внимания. И только в 40-х годах XIX в. перед изумленной Европой приподнялась завеса над неведомым дотоле миром. Курганы стали раскрывать свои тайны.

Огромная заслуга в этом принадлежит врачу и натуралисту Полю Эмилю Ботта (1802—1870). Несколько лет Ботта жил в Египте, путешествовал по странам Азии, проявляя большой интерес к курганам Месопотамии, о которых много слышал от парижских ученых, изучающих Восток.

В 1842 г. французское правительство назначило его консулом в Мосуле. Здесь на холме Куюнджик, близ Мосула, Ботта начал археологические раскопки. Первый год не принес больших результатов. Кроме кирпичей, покрытых клинописью, да обломков каменных плит, найти ничего не удалось. Среди населения распространились слухи о том, что Ботта ищет клад. С удивлением наблюдали арабские крестьяне, как бережно обращается французский консул с глиняными черепками.

— Неужели этот хлам чего-нибудь стоит? — обратился к нему один крестьянин. — У нас в деревне таких черепков сколько угодно.

— А как называется эта деревня? — спросил Ботта.

— Хорсабад, — ответил араб.

От Мосула до Хорсабада всего 14 км. И Ботта решил перенести туда раскопки.

Уже через неделю ему улыбнулось счастье. Рабочие откопали богато украшенные массивные стены, многочисленные барельефы, огромные каменные изваяния чудовищ с человеческими головами и туловищами крылатых быков.

Открытие Ботта произвело ошеломляющее впечатление на европейский научный мир. Оказалось, что ассирийцы были не только жестокими завоевателями, но и искусными мастерами; они умели строить великолепные дворцы и храмы, создавать прекрасные статуи и барельефы. То, о чем раньше знали только из Библии и от античных историков, стало явью.

Рельефные украшения хорсабадского дворца были выполнены с большим мастерством. Поражали воображение скульптуры из известняка у входа во дворец древнего владыки. Гигантские статуи изображали крылатых чудовищ с туловищем быка или льва и головой бородатого мужчины.

Древние мастера высекали удивительные скульптуры из каменных монолитов. Некоторые исполины достигали высоты трехэтажного дома. Глаза гигантов из цветных камней смотрели на мир, словно фигуры были живыми существами, пробудившимися от тысячелетнего сна.

В течение 1843—1846 гг. Ботта раскопал грандиозный комплекс

дворцовых зданий, дворов, церемониальных залов, коридоров, комнат, где когда-то располагался гарем, и остатки величественной башни, напоминающей ступенчатую пирамиду. Позднее археологи установили, что здесь находился город, построенный ассирийским царем Саргоном II (VIII в. до н. э.), — Дур-Шаррукин.

Ботта не был знаком с методом консервации памятников древности. Раскопки он вел примитивным способом, не обращая внимания на то, что ломы и лопаты рабочих зачастую уничтожали мелкие предметы, нередко представляющие большую ценность для науки. Алебастровые скульптуры, добытые из земли, рассыпались в прах под палящим солнцем. На помощь Ботта Париж прислал известного французского художника Эжепа Флапдена, который стал делать на картопе зарисовки гибнущих археологических находок. Благодаря этой совместной работе вышел в свет ценный пятитомный труд «*Monuments de Ninivé, découverts et décrits par Botta*» («Памятники Ниневии, открытые и описанные Ботта»).

Ботта решил отослать несколько изваяний в Париж. Но как это сделать? Ведь самый маленький из крылатых исполинов весил 8 т. Ботта нашел выход: статуи распилили на куски.

Мучителен был путь под палящим солнцем. Часть находок измученные люди бросали по дороге. Статую крылатого быка, которую Ботта не захотел пилить, пришлось оставить недалеко от места раскопок, и крестьяне пережгли ее на известь. Прекрасное творение ассирийских мастеров погибло. Часть находок рабочие погрузили на плоты из бамбука с укрепленными под ними надувными бурдюками, намереваясь спустить их вниз по Тигру. Однако река образовала здесь бурный и глубокий горпый поток с большим количеством водоворотов и порогов. Плот перевернулся, и бесценный груз утонул. Остальные находки прибыли к берегам Персидского залива. Военный корабль отвез их во Францию. В Париже каменных исполинов склеили. Статуи мужчин с длинными кудрявыми бородами и крылатых быков с человеческими головами заняли почетное место в залах Лувра. Здесь побывали бесчисленные толпы восхищенных парижан и туристов из разных стран.

Благодаря Ботта Европа своими глазами увидела замечательные шедевры художников Ассирии. Ботта был уверен, что он обнаружил развалины дворца древней Ниневии. Но когда надписи, найденные в хорсабадском дворце, были прочитаны, выяснилось, что он ошибся.

Настоящую Ниневию и другую столицу ассирийских царей — Калах открыл вскоре после Ботта англичанин Остин Генри Лэйярд (1817—1894).

В начале XVIII столетия во Франции появился сборник увлекательнейших сказок, которые, как говорила легенда, были некогда рассказаны султану Шахриару его женой, мудрой Шехераздой. Это был французский перевод широко известного на Востоке собрания «Тысячи и одной ночи». С французского языка сказки

перевели на многие другие. Перед европейским читателем предстал удивительный и неведомый ему мир.

Зачитывался сказками и молодой английский адвокат Остин Генри Лэйярд. Чарующий мир, описанный Шехеразадой, настолько захватил его воображение, что адвокат решил отправиться в путешествие по местам, где обитали герои сказок. Вечерами, после окончания работы в лондонской адвокатской конторе, Лэйярд серьезно готовился к путешествию: учился пользоваться компасом, составлять географические карты, изучал методы борьбы с тропическими болезнями, старался познать тайны арабского и персидского языков.

Позднее, уже будучи видным ученым и крупным дипломатом, Лэйярд писал, что сказкам Шехеразеды следует приписать «ту любовь к путешествиям и приключениям, которая позволила открыть руины Ниневии».

Лэйярд отправляется в путешествие по Малой Азии и Сирии и в апреле 1840 г. после многих приключений добирается до Мосула. Здесь его увлекли открытия Ботта.

В ноябре 1845 г. Лэйярд вновь на Востоке. Неподалеку от Мосула его внимание привлёк огромный холм Нимруд. В Библии Нимруд — мифический царь, смелый зверолов, а его сын Ассур — основатель ассирийского царства и строитель Ниневии. Местные жители рассказывали Лэйярду много легенд о грозном Нимруде. В одной из них повествовалось, как самонадеянный великан высмеял посланца Аллаха. Разгневанный бог подверг Нимруда страшной каре. В голову насмешника проник комар и, пожирая мозг, причинял великану невыносимые мучения. Четыреста лет мучился Нимруд от страшной боли. Согласно местным преданиям, великан и был похоронен в холме, названном его именем.

Под наблюдением Лэйярда рабочие-арабы начали раскопки. В первый же день пришла удача — были обнаружены помещения, стены которых украшали резные плиты.

Каждый день раскопок открывал новые памятники древнего города. Однажды, когда Лэйярд подъезжал к Нимруду, он увидел бежавших в панике арабов.

— Мы нашли Нимруда! — завопил в страхе один из них, узнав Лэйярда. — О Аллах, о Аллах, это не дело рук человека!

Подойдя к месту раскопок, археолог вздрогнул от неожиданности: на него грозно уставились выразительные глаза гигантской бородатой головы, такой большой, что человек показался бы по сравнению с ней лилипутом. Это была голова крылатого быка или льва: именно так выглядели и находки Ботта.

Молва о том, что Лэйярд нашел голову Нимруда, быстро распространилась по селам. Толпа суеверных людей пыталась разбить статую. Лэйярду с трудом удалось спасти удивительное творение ассирийцев. Вскоре вся статуя крылатого чудовища была извлечена из-под земли. А затем появились новые крылатые быки и львы. Двадцать шесть могучих исполинов обнаружил Лэйярд!

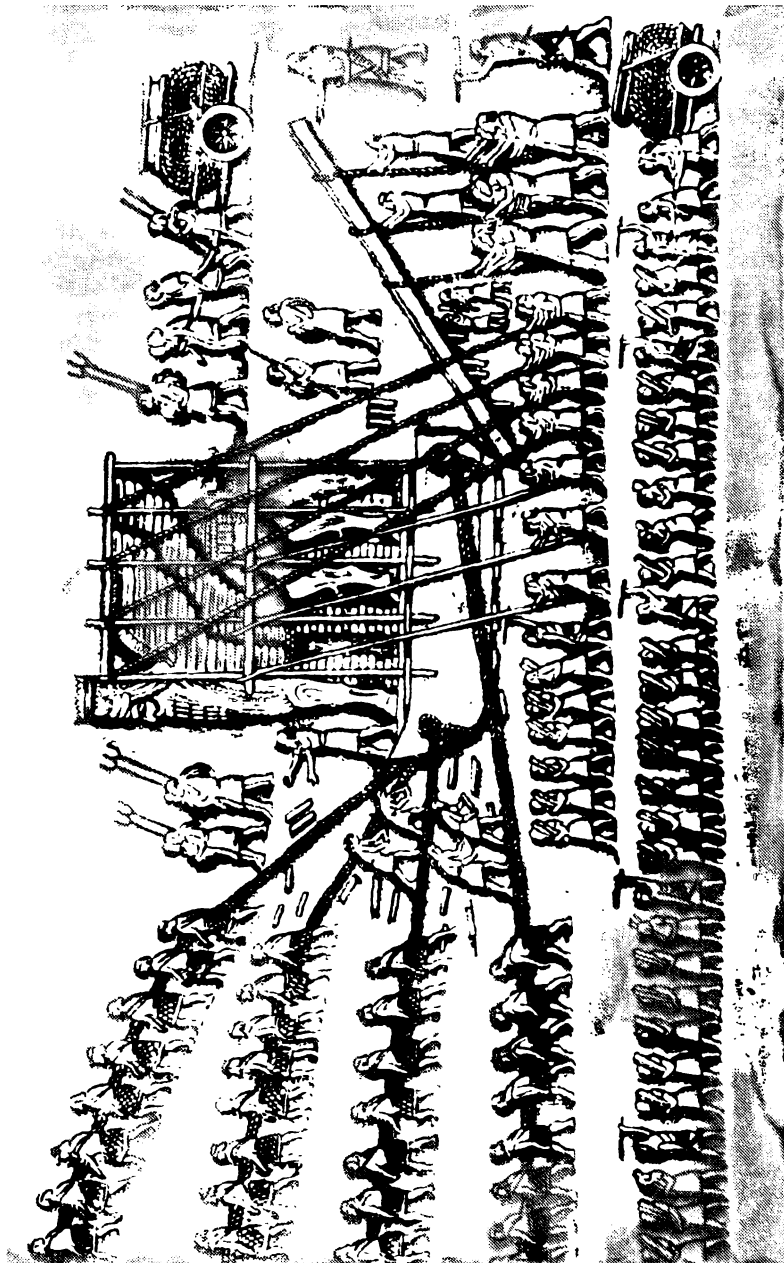
Так был открыт г. Калах — бывшая столица ассирийского царя Ашшур-нацир-апала I. Город этот существовал за сотни лет до Дур-Шаррукина.

Крылатые чудовища Нимруда превосходили исполинов, найденных Ботта в Хорсабаде. Некоторые статуи были высотой с 3-этажный дом. Тем не менее Лэйярд принял смелое решение переправить в Англию двух крылатых чудовищ с человеческими головами, не распиливая их. В Мосуле была сооружена огромная платформа с крепкими колесами. Упряжка волов доставила ее к холму. При помощи канатов и ливеров, подведенных под колоссы, их установили на платформу. На следующий день с рассветом началась транспортировка колоссов к реке, к плотам, поддерживаемым на воде шестьюстами кожаными мешками, наполненными воздухом. Гигантские статуи благополучно прибыли в Лондон. Их установили в Британском музее. Когда же история древней Ассирии перестала быть загадкой для науки, выяснилось, что Лэйярд перевозил статуи тем же способом, что и ассирийские цари за две с половиной тысячи лет до него!

Раскапывая холм Нимруд, Лэйярд открывал все новые и новые богатства. Если Ботта расчистил только остатки дворца, то английский ученый откопал руины целого города. Были найдены дворцовые помещения ассирийских царей, извлечены из-под земли сотни каменных плит с изображением военных и охотничьих подвигов царей, жестоких расправ с врагами; собраны сотни клинописных табличек.

В 1847 г. Лэйярд отправился в Лондон, чтобы сделать доклад в Британском музее о своих открытиях. Затем он вернулся в Константинополь, где его ожидали новые задания. Здесь Лэйярд надеялся встретить поддержку со стороны британского посла сэра Стратфорда Каннинга. Несмотря на то что Каннинга археология не интересовала, он положительно отнесся к просьбе Лэйярда. Эта благосклонность была вызвана тем, что на территории Ближнего Востока происходили в то время серьезные политические столкновения, а Великобритания, как обычно в таких случаях, с помощью своих агентов стремилась плести интриги и сеять вражду среди угнетенных народов.

Лэйярд без колебания дал Каннингу согласие помогать ему во всем. Таким образом он получил дополнительные средства для продолжения раскопок. Получив, кстати, и поддержку Британского музея, Лэйярд вновь едет в Мосул. Теперь он решил пачать раскопки на холме Куюнджик, где до него Рич и Ботта вели безрезультатные работы. Ему сразу повезло. Уже в первые дни он наткнулся на мощные стены какого-то сооружения. Из-под громадного слоя песка и щебня появились на свет массивные порталы и охраняющие их крылатые чудовища с человеческими головами, залы, комнаты, внутренние дворы. Алебастровые плиты с барельефами, фризy, стены, облицованные кафелем с черной, желтой и голубой глазурью, — все это свидетельствовало о былой роскоши здания. Не

Перевозка крылатого быка. Рельф из дворца царя Синаххериба

оставалось сомнения в том, что Лэйярд обнаружил дворец ассирийских царей.

Руины носили следы пожара и варварского уничтожения. Алебастровые плиты, обожженные огнем и разбитые на мелкие части, в беспорядке валялись на земле; повсюду виднелись остатки обуглившегося дерева. Даже мощные стены не устояли перед жестокостью разрушителей. Дворец вместе с городом, лежащим рядом, захватили, наверное, после яростной схватки войска неприятеля; всех жителей поголовно вырезали, а ограбленные дома и дворец предали огню.

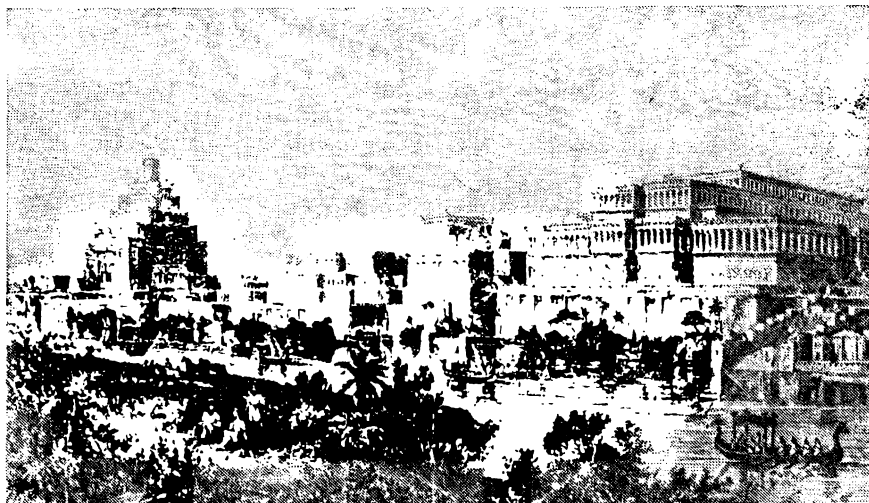
Огонь, однако, уничтожил не все. Лэйярду удалось найти в руинах множество образцов древнего искусства: барельефы, статуэтки, крупные скульптуры, печати и клинописные таблички. Особого внимания заслуживал один из замечательнейших шедевров скульптуры: барельеф, представляющий собой фрагмент огромного фриза, на котором была изображена раненая львица. Все здесь поражало своеобразием стиля, реалистической манерой передачи деталей. Барельеф производил такое сильное впечатление, что дела людей отдаленных времен вдруг предстали перед Лэйярдом, словно совершенными совсем недавно.

На алебастровых плитах ясно виднелись рельефные изображения различных сцен: охоты и военных походов, придворной жизни и религиозных обрядов. Вот на колесницах, запряженных резвыми скакунами, стоят бородатые ассирийцы. Они натягивают большие луки и разят стрелами бегущих солдат противника. В другом месте изображен штурм крепости на вершине отвесной скалы. Ассирийские воины взбираются на эту скалу, а защитники крепости сбрасывают на них валуны, осыпают дождем стрел. Тут и там раненые солдаты срываются в пропасть. На следующем барельефе царь, стоящий на колеснице, ранит могучего льва. Зверь повержен на землю и катается в луже крови.

Каждая деталь барельефов выполнена с удивительной пластичностью и точностью. Можно легко разглядеть одежды воинов, кольчуги, остроконечные шлемы, колесницы и упряжь, украшенную богатым орнаментом. Древний скульптор вдохнул в эти камни жизнь — бурную, неукротимую.

Потрясенный увиденным, Лэйярд смотрел и не верил своим глазам. Он все время подгонял рабочих, стремясь как можно скорее откопать стены дворца, добраться до всех тайн замечательной сокровищницы прошлого.

Вскоре на поверхность были извлечены 60 крылатых быков и львов с человеческими головами. Вот как писал об этом Лэйярд: «Двадцать пять веков они были скрыты от глаз человека, и вот теперь снова стоят перед нами во всем блеске своего античного величия. Но зато как сильно изменилось все вокруг! Там, где некогда цвела, утопая в роскоши, цивилизация могущественного народа, мы видим нынче нужду и темноту полудиких племен. Где раньше возводились великолепные храмы и кипела жизнь бога-

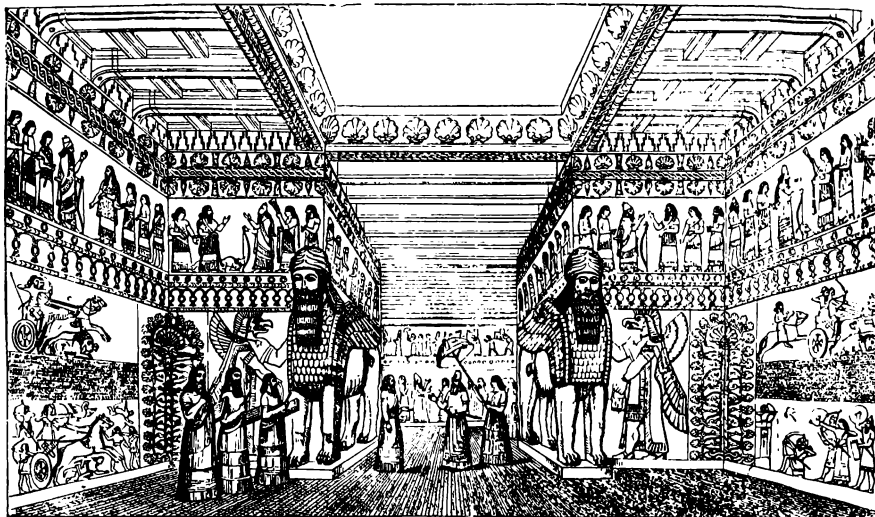

Дворец Ашшурбанапала в Ниневии. Реконструкция Лэйярда

тых и многолюдных городов, теперь стоят руины и бесформенные курганы. Над просторными залами дворцов, покой которых охраняли гигантские изваяния, ходят сейчас волы, запряженные в плуги, и шумят посевы. Египет также может гордиться древнейшими и не менее прекрасными монументами, но египетские памятники всегда были открыты взорам людей, воспевая могущество и славу своей отчизны, тогда как статуи, стоящие перед нами, только теперь появились из мрака забвения...»

За два года Лэйярд откопал пять дворцов, построенных ассирийскими царями в IX—VII вв. до н. э. Окончательно подтвердилось первоначальное предположение Лэйярда о том, что он открыл давно разыскиваемую столицу Ассирии — Ниневию. Удалось установить, что один из раскопанных дворцов принадлежал Синахерибу. Но самой главной находкой была библиотека, содержащая десятки тысяч клинописных табличек. Основал ее, как мы уже знаем, один из наиболее образованных людей своего времени — Ашшурбанапал, последний великий царь Ассирии, собиравший литературные памятники Шумера, Вавилонии и Ассирии. Пытаясь сосредоточить в архивах своего дворца все доступные ему исторические документы Месопотамии, Ашшурбанапал использовал целую армию писцов-копиистов, рассылал их по стране и, переписываясь с ними, руководил поисками. Таким образом он создал библиотеку, которая сохранилась до наших дней, и дал ключ к изучению шумеро-ассиро-вавилонской истории.

Клинописные таблички представляли собой несметную сокровищницу знаний о древних народах: династические своды и хроники, политические трактаты и корреспонденции, хозяйственные

Зал во дворце Ашшурбанапала в Ниневии. Реконструкция Лэйярда

счета и астрономические исследования, предания, мифы, религиозные гимны и стихи.

Свои поиски Лэйярд описывал изо дня в день. Его записки были позднее опубликованы, составив двухтомный труд под названием «Niniveh and its remains» («Ниневия и ее руины»).

Лэйярд был высокообразованным человеком. Он сумел доступно и увлекательно написать историю своих археологических раскопок. Из книги мы узнаем о нелегком его труде, об опасностях и приключениях, сопутствовавших ему во время пребывания в Месопотамии.

Когда Лэйярд в 1849 г. прибыл в Мосул, чтобы продолжить раскопки, ему представили там энергичного молодого человека, хорошо знающего нравы и обычаи народов, обитающих на древней земле Месопотамии. Это был Ормузд Рассам. Учился он в медресе, изучал английский и французский языки, свободно говорил на новоассирийском, арабском и древнееврейском. В семье Рассамов часто шли беседы о прошлом своей родины, много читали, интересовались легендарными и могущественными царями Ассирии. Любопытный мальчик старался не пропустить ни единого слова. Он увлекался к тому же и арабскими сказками.

Позднее Лэйярд сделал Рассаму своим помощником и вместе с ним вел раскопки древней ассирийской столицы. После отъезда Лэйярда в Лондон Рассам самостоятельно продолжал раскопки Ниневии.

Он обнаружил в развалинах ниневийского дворца зал, стены которого были украшены рельефами, изображавшими сцены царской охоты на львов. Зал этот был назван «Львиным». В нем нахо-

дилась большая часть библиотеки Ашшурбанапала. Вместе с документами, найденными Лэйярдом, в книгохранилище ассирийского царя было обнаружено около 30 тыс. различных глиняных табличек.

Можно вообразить, сколько напряженного труда потребовалось, чтобы разобрать библиотеку Ашшурбанапала! Часть табличек была разбита, а ведь следовало из многих тысяч обломков обнаружить именно тот, который необходим, чтобы найти продолжение глиняной книги.

Заслугой Рассама является также открытие совместно с Лэйярдом двух замечательных памятников IX в. до н. э. — черного камня, обелиска царя Салманасара III, и Балаватских ворот, сооруженных по приказу того же царя.

Раскопки Лэйярда и Рассама дали возможность судить о величине, расположении и укреплениях древних ассирийских городов, об архитектуре их зданий.

Ни золота, ни серебра во дворцах не было найдено: их захватили враги, перед тем как разрушить взятый город, или же забрали с собой владельцы, спасаясь от погрома. Но документы они бросили на произвол судьбы. Написанные не на бумаге и не на папирусе, которые боятся огня, а на табличках и цилиндрах из обожженной глины, они не погибли, пролежав под горами развалин и мусора до нашего времени.

Для науки это был целый клад. Теперь можно было знакомиться с жизнью Ассирии и Вавилона уже по подлинным документам, узнавать историю великих народов, можно сказать, из их собственных уст, не полагаясь на чужеземцев. И когда рассказы Геродота и других греческих писателей, а также сведения из Библии сверили с тем, что удалось узнать из документов библиотеки Ашшурбанапала, оказалось, что представления об Ассирии и Вавилоне были неправильные.

Но библиотека Ашшурбанапала была только началом. Раскопки продолжались, и в ряде холмов находили остатки других городов, дворцов и храмов, а в них — новые глиняные архивы, причем некоторые из них оказались необыкновенно древними, созданными более чем за 3000 лет до н.э.

Что же представляли собой те предметы, которые в таком большом количестве были обнаружены в Месопотамии? О чем повествовали надписи на глиняных табличках? Как протекала жизнь народов, писавших клинописью? О какой культуре говорят эти памятники?

Чтобы получить ответы на эти вопросы, обратимся к труду крупнейшего немецкого ассириолога начала нашего века К. Бецольда «Ассирия и Вавилония». Вот как он описывает сокровища Вавилоно-ассирийского отдела Британского музея:

«Здесь, на первых же порах, нас торжественно приветствуют два могучих быка с бородатыми человеческими головами и орлиными крыльями, стоя совершенно в том же положении, в каком

они некогда стояли у входа ассирийского дворца для ограждения его от злых духов.

Рядом с ними мы видим исполинские фигуры двух крылатых львов. Тут же поставлены мощные алебастровые плиты с глубоко вырезанными и прекрасно сохранившимися клинообразными надписями. Вблизи высятся обелиски и могучая сверху закругленная колонна с рельефными изображениями ассирийского царя, эмблемами звездных божеств и длинной надписью, прославляющею подвиги царя. Стены следующей и нескольких ближайших зал сверху донизу покрыты скульптурами из холма Нимруда, под которым зарыт известный по книге Бытия древний город Калах. Тут мы найдем изображения окрыленных гениев и добрых духов-хранителей царя, различных божеств с рыбьими и орлиными головами, изображения разных торжественных церемоний и богослужебных моментов из жизни ассирийских царей или вельмож, и разных сцен из вавилоно-ассирийской мифологии; далее следуют сцены из жизни охотничьей и военной. Осада и сдача крепостей и целых городов служат темами для различных рельефных изображений; мы сопровождаем ассирийские войска в их походах сквозь лесные чащи и через трудно проходимые горные перевалы; мы видим, как принужденные к бегству враги их переплывают на бурдюках через реки, чтобы спастись от победоносных неприятелей своих, наконец, нам воочию представляются картины, как победители принимают от покоренных разную ценную добычу и как обходятся с пленными, подвергая их жестоким пыткам, вроде отрезания частей тела или сажания на кол, причем ассирийские воины заняты подбором голов казненных и тщательным их подсчетом, очевидно, с целью отметить в своих донесениях число убитых врагов. Рядом с этим взоры наши останавливают на себе превосходно сохранившиеся изображения на монолите из черного алебастра, сплошь покрытом по четырем сторонам своим клинописью, которая прерывается пятью охватывающими камень полосами с рельефными фигурами; последние снабжены краткими надписями, из которых мы узнаем, какие предметы входили в состав взимаемой с неприятеля дани, а именно здесь перечислены: серебро, золото, свинец, медные и золотые сосуды, вазы, кубки, пластинки, предметы из слоновой кости, а также заморские звери вроде дромадеров, буйволов, слонов и обезьян. Этот памятник тем ценнее, что в сделанной на нем надписи упоминается имя известного из второй Книги Царств израильского царя Ииуя, который называется тут данником ассирийского царя Салманасара III (859—824 гг. до н. э.).

Посредине этих зал помещаются разной величины стеклянные витрины, в которых расставлено множество весьма ценных предметов, найденных при раскопках. Особенное внимание привлекает к себе целый ряд покрытых клинописью глиняных призм и цилиндров, высотой от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ метра, а также обелиски, на которых, как теперь известно, вавилонские и ассирийские цари увековечивали

походы и другие великие деяния свои. Эти памятники по их приказам ставились в разных залах царских дворцов и предназначались к тому, чтобы сообщать потомству о славе и героических деяниях строителей этих дворцов. С той же целью заготавливались покрытые письменами кирпичи и плитки из мрамора и алебаstra. Статуи богов и царей и исполинские бронзовые двери, так называемые дворцовые ворота из Балавата, высотой свыше 6 метров, снабженные превосходными рельефными изображениями, восполняют те памятники, которые развешаны по стенам зал. Кроме того, представления наши о жизни в древней Месопотамии восполняются еще великим множеством мелких предметов: тут собраны печати и геммы, резные камни небольшого размера, длина которых часто не превышает пальца, предметы, вырезанные из различных минералов и представляющие собой цилиндры — печати, которые были снабжены отверстием посередине и давали отпечатки надписей на мягкой глине. Тут же собраны ожерелья и браслеты, покрытые чернью серьги, статуэтки и фигурки, миниатюрные изображения божеств из глины и алебаstra, оружие и орудия разных ремесел, железные серпы, наконечники стрел и дротиков, кольца и крючья, бронзовые колокольчики, лампы, зеркала, кипжалы и ножны мечей, запястья и пряжки, сосуды и блюда, ложки и вилки, гири, домашняя утварь и письменные принадлежности (заостренные палочки), глиняные амулеты и разные вещи из слоновой кости, а также всевозможные предметы, необходимые при жертвоприношениях, вроде мисок и подносов.

Самое же драгоценное сокровище, доселе вырытое из недр Месопотамии и доставленное в Британский музей, представляющее наиболее важную составную часть всех результатов вавилоно-ассирийских раскопок, состоит из найденного сэром Генри Лэйярдом в так называемом «Северном дворце» в Куюнджике (курдской деревушке на левом берегу р. Тигра, против Мосула), т. е. среди развалин древней Ниневии, собрания... тщательно обожженных глиняных табличек или частей их. На первый взгляд это не имеющая никакой цены куча осколков. На самом же деле это не более и не менее как древнейшая в мире библиотека. Мельчайшей клинописью, которую мы большей частью можем различать лишь при помощи лупы, покрыты отдельные таблички и черепки этого бесценного собрания текстов. Не только передняя и задняя, но и узкие боковые стороны табличек в большинстве случаев исписаны. Глина большею частью тщательно выровнена и только в единичных случаях имеет мелкие пузырьки, происхождение которых совершенно правильно объясняется предположением, что когда-то часть библиотечного здания была охвачена пожаром. Это же предположение вместе с тем объясняет и ненахождение среди памятников какого-либо мягкого, эластичного и сгораемого материала для письма. Несмотря на то что, по всей вероятности, иногда вавилоняне и ассирийцы и пользовались деревянными дощечками для писания, все-таки на основании чрезвычайного количества

найденных табличек — общее число их, находящееся теперь в музеях Европы и Америки, уже значительно превышает несколько сот тысяч! — мы вполне вправе сказать, что эти народы имели обыкновение запечатлевать свои мысли на глине. Величина куюнджикских табличек колеблется между 32×22 и $2,4 \times 2$ сантиметров, при средней толщине в 2,5 сантиметра, а окраска их представляет все оттенки между самым черным и ярко-красным цветами. Плоская или немного вогнутая паружная сторона табличек имеет в большинстве случаев прямоугольную форму, и лишь изредка таблички похожи на подушку или по форме своей напоминают сердце или маслину. Когда потребовалось различить табличку, то это делалось при помощи туго натянутого шнурка, врезывавшегося в мягкую глину. Еще и поныне мы замечаем иногда отпечатки волокон шнурка, равно как изредка и следы пальцев, державших мягкую табличку до ее обжигания. Более или менее часто встречающиеся на табличках отверстия преследовали сообразно своему положению и глубине двоякую цель: либо они предназначались для того, чтобы предупредить образование пузырьков при обжигании глины, либо сквозь них продевались маленькие деревянные палочки, на которые отдельные таблички пасаживались одна на другую (нечто подобное и теперь еще делают китайцы со своими книгами), причем они поверхностями своими не касались друг друга.

Если мы к этому еще прибавим то обстоятельство, что мягкие таблички заключены в глиняные футляры, также покрытые надписями и обожженные и, очевидно, предназначенные для лучшего сохранения основного внутреннего текста, служа прообразом нашего теперешнего конверта, то мы исчерпали все внешние признаки собрания табличек и можем теперь приступить к изучению их внутреннего содержания. Вся эта масса плиток и черепков, представляя собой груды загадочного материала, возбуждает любознательность ученых и заставляет их из года в год трудиться над приведением их в порядок. Тысячи частей и обломков надписей, разбитых либо неосторожным ударом лопаты археолога, либо испорченных много веков тому назад погою или мечом победителя Ниневии, либо, наконец, еще раньше попорченных по небрежности посетителей древней библиотеки или невнимательности переписчиков, ныне ждут опытной руки, которая собрала бы их восдино и сопоставила бы их между собой»⁵.

Позднейшие исследования

С начала нашего века раскопки в Месопотамии ведут профессиональные ученые; археология превратилась в науку. Теперь исследуются не только развалины дворцов и храмов, но и остатки невзрачных глиняных хижин бедняков. Там, где ничего не могли найти практики — исследователи прошлого века, современные археологи обнаруживают много интересного.

Например, Калат Шергат, недалеко от Мосула,— огромный холм, местами высотой с 10-этажный дом. Еще Лэйярда привлекал этот курган. Английский ученый провел здесь несколько месяцев, но ничего интересного не нашел. В 1904 г. немецкие археологи обнаружили, что Калат Шергат скрывает руины Ашшура — древнейшей столицы Ассирии. Было установлено, что еще почти за две тысячи лет до Ашшурбанапала у ассирийцев существовали благоустроенные города. Древнейшая столица имела даже канализацию и водопровод!

В руинах впервые во всем блеске раскрылась ассирийская стенная роспись. Используя красную, белую и черную краски, древнейшие живописцы покрыли стены дворца и храма замечательными фресками. Оказалось, что за тысячу лет до падения Ниневии Ассирия уже была сильной и культурной страной.

В 1949 г. в район Мосула отправилась экспедиция английского ученого М. Э. Маллоуэна. Выяснилось, что курган Нимруд таит еще немало тайн. За пределами мощных стен Калаха были обнаружены руины большого города, возникшего в IX в. до н. э. Позднее и цари стали жить во внешнем городе, а не под защитой крепких стен. Это свидетельствует о могуществе Ассирии.

Археологи обнаружили новое интересное сооружение древних ассирийцев — крепость-арсенал г. Калаха. Здесь царь Салманасар III хранил оружие для своей гвардии, держал множество лошадей, прятал часть военной добычи.

Кропотливо трудились ученые, восстанавливая внешний вид ассирийской крепости. Им помогали в этом глиняные таблички из арсенала, из которых стало известно, что крепость окружали ров и стена с мощными башнями. Двор арсенала был залит асфальтом; на нем и ныне видны следы, оставленные тяжелыми ассирийскими колесницами 2800 лет назад.

В крепости жили кузнецы, плотники, кожевники, гончары. Раскопки мастерских поведали много нового о жизни ассирийских ремесленников, об их тяжелом труде и замечательном мастерстве.

В тронном зале, который раскапывал еще Лэйярд, внимание Маллоуэна привлек колодец. Ученые откачали воду. Среди прочих предметов на дне колодца были обнаружены таблички из слоновой кости со слегка загнутыми краями, покрытые тонким слоем воска. Надписи на воске дали возможность установить, что это была книга. Выемки по краям табличек позволяли скреплять их шипами. Необычная книга, когда ее читали, раскладывалась гармошкой. Оказалось, что ассирийцы писали не только на глине, но и на восковых табличках.

Древние греки и римляне еще в III в. до н. э. широко использовали для письма дощечки, покрытые воском, но никто не думал, что такие же таблички знали ассирийцы и их книги были на 500 лет старше книг греков и римлян!

На дне колодца лежало столько изделий из слоновой кости, что археологи назвали тронный зал дворца Комнатой слоновой

ности. Видимо, пластинки и статуэтки из этого материала украшали трон ассирийских царей.

Казалось бы, Ботта и его последователи, много лет трудившиеся в Хоросабаде, исчерпали до конца его древности. Однако американским археологам удалось раскопать здесь самые большие статуи крылатых быков Ассирии. Одна из них весила 29 т, что в три раза тяжелее найденных Ботта. Две статуи украсили арку Ассирийских ворот в Багдаде, а самая большая, разбитая на несколько частей, с разрешения правительства Ирака была отправлена в Чикаго и там склеена. Удалось расчистить и фрески тронного зала дворца Саргона II.

Руины ассирийских городов обнаруживаются в самых неожиданных местах. В центре Малой Азии, за много сотен километров от границ древней Ассирии, были раскопаны ассирийские фактории XIX в. до н. э. Здесь, в чужой стране, селились купцы и ремесленники. Купцы покупали у местных жителей медь, серебро, другие металлы, которыми были богаты окрестные горы.

Главной факторией ассирийцев был город Канес (или Каниш), раскопанный в 1948 г. турецкими археологами. Улицы здесь были вымощены камнем, имелись водопровод и канализация. Таким образом, за 1300 лет до Ашшурбанапала Ассирия уже основала несколько торговых факторий в Малой Азии.

Раскопки продолжаются. Теперь их осуществляют не только ученые европейских стран и США, но и археологи из арабских стран. Иракские ученые проводят их при активной помощи и поддержке советских археологов (Н. Я. Мерперта, Р. М. Мунчаева и др.). В настоящее время они ведут интенсивные исследования на территории древней Ассирии. В сезон 1977 г. археологическая экспедиция Академии наук СССР во главе с Р. М. Мунчаевым приступила к раскопкам нового поселения Ярым-Тепе-3. Сейчас уже раскопано более 90 жилых и хозяйственно-бытовых сооружений, представляющих собой сложные многоквартирные комплексы.

Все археологические находки экспедиций сдаются в созданный в Багдаде Государственный музей древностей — крупнейшее хранилище памятников ассирийской культуры. «Иракский музей», — пишет советский востоковед Р. Г. Ланда, — размещен в недавно построенном в стиле модерн здании. Говорят, что строительство велось при финансовой помощи нефтяного магната Гульбекяна, одного из крупных акционеров „Ирак Петролеум компании“. Если это так, то, следовательно, хотя бы часть средств, пахитых этой скапдально известной на Арабском Востоке монополией на эксплуатации природных богатств Ирака, пошла на пользу иракскому народу».

Государственный музей древностей в Багдаде содержит одно из лучших собраний археологических находок, обнаруженных в бассейне Тигра и Евфрата. Многие его экспонаты уникальны по своей значимости для изучения истории Двуречья с древнейших времен вплоть до прихода арабов. Фонды музея постоянно пополняются в результате деятельности многочисленных экспедиций.

Так, в 70-х годах нашего века во время раскопок на месте некогда существовавшего дворца Ашшурнасирапала II были обнаружены четыре мраморные плиты с росписью, изображающей мужчин в белых и черных одеяниях, обутых в красные с черным сандалии. Эти находки были переданы в Багдадский музей.

Итак, археологи всего мира сделали немало для того, чтобы приоткрыть завесу над историей древней Ассирии, изучить жизнь, быт и нравы ее народа. Однако буржуазным ученым не всегда удавалось правильно истолковать события далекого прошлого. Это смогли сделать только советские ученые, такие, как В. В. Струве, А. И. Тюменев, В. К. Шилейко, И. М. Дьяконов и др., сумевшие увидеть в судьбе древнего царства действие неизменных законов развития человеческого общества.

Глава III

АССИРИЯ В VI—II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Население Северо-Восточной Месопотамии

Благодаря археологическим раскопкам 30—50-х годов нашего столетия открылась новая страница в истории ассирийского государства.

Что же представляли собой народы (или народ), создавшие замечательные памятники неолитической и энеолитической культур? Были ли они непосредственными предками ассирийцев или только их предшественниками?

Установлено, что по своему антропологическому типу они относятся к той же ветви переднеазиатской расы, что и древнейшие обитатели Армении. Труднее определить язык (или языки), на котором (или которых) они говорили.

Древнейшие надписи (весьма короткие), обнаруженные при раскопках, оказались аккадскими. Однако имена первых правителей г. Ашшура (примерно XXII—XXI вв. до н. э.) нельзя считать ассирийскими. Два правителя Ашшура этого периода не оставили нам своих надписей, но имена их (Ушнний и Киккий) упоминаются позднейшими ассирийскими царями, считавшими и того и другого своими предками¹. Оба имени, по единогласному мнению ассириологов, относятся к субарейским. Что же касается имен правителей более позднего времени (первых веков II тысячелетия до н. э.), то они уже, безусловно, семитские (Нузур-Ашшур, Шалимахум, Илушума и др.).

Таким образом, во второй половине III тысячелетия до н. э. основным населением Северо-Восточной Месопотамии (где начинало складываться Ассирийское царство) были субареи, связанные с одним из древнейших народов Передней Азии — хурритами, основным районом расселения которых была Северо-Западная Месопотамия (главным образом бассейн р. Хабур). Отсюда хурриты несколько позже распространились по Сирии, Палестине и Малой Азии. Кроме того, хурритский язык был принят на территории к востоку от Тигра (в районе Аррапхи). Уарты, о которых речь пойдет ниже, говорили на языке, весьма близком к хурритскому².

Во второй половине III тысячелетия до н. э. наблюдается усиленная семитизация Северной Месопотамии, но хурритские традиции сохранялись на восточной окраине Ассирии, за Тигром (в частности, в Аррапхе).

Кроме субареетов, хурритов и семитов, в Северную Месопотамию проникали также шумеры. Первоначально городским богом г. Ашшура признавался глава шумерского пантеона Энлиль (бог воздуха, а позднее земли). При раскопках в Ашшуре была обнаружена шумерская надпись. Правитель Ашшура Зарикум (XXI в. до н. э.) подчинялся третьей династии Ура, при которой в Северной Месопотамии было восстановлено господство шумеров. Однако даже под властью этих поздних шумерских царей в Ассирии продолжал господствовать аккадский (семитский) язык.

Когда и откуда пришли в Северную Месопотамию семитские племена, являвшиеся основными предками ассирийского народа? К концу III тысячелетия до н. э. они добились преобладания на этой территории. Первое их проникновение должно было относиться к более раннему времени, возможно к IV тысячелетию до н. э. Проследить этот процесс в деталях пока еще невозможно, и мы не знаем даже первоначальных названий древнейших племен и народностей, надвигавшихся с юго-запада. Сами они позднее называли себя (в зависимости от своих главных центров) аккадцами, вавилонянами, ассирийцами. Общее обозначение их (семиты) дано весьма условно, по имени мифического библейского предка Сима, сына Ноя; оно и закрепилось в исторической науке и лингвистике.

Установлено, что в Месопотамию семитские племена прибывали с юга и юго-запада (скорее всего, из района сирийской степи)³.

В неолитический период климат на Аравийском полуострове становился все более и более засушливым (в связи с таянием ледников в Северной Европе и потеплением в Южной Европе и Северной Африке). Однако исчезновение растительного покрова и образование пустыни происходило постепенно. Так, например, на месте современной сирийской пустыни еще в IV—II тысячелетиях до н. э. была степь⁴.

Ухудшение климата вызвало передвижение семитских племен, которые волнами переселялись к среднему течению Евфрата и далее на север и восток.

Когда кочевники впервые появились в Месопотамии, они находились на весьма низком уровне развития: жили в палатках из шкур, которые, как и скудный домашний скот, возили с собой на ослах⁵. Но они быстро переняли у коренного населения (на севере у субареетов-хурритов, на юге у шумеров) их достижения в сфере материальной и духовной культуры (земледельческие орудия, гончарный круг, колесный транспорт, архитектуру, письменность и т. д.). Их собственный язык не имел ничего общего ни с шумерским, ни с хурритским, но они сумели применить к нему выработанную шумерами систему клинописи.

Северной группой этих семитских переселенцев были ассирийцы, тесно связанные по происхождению и языку с племенами, расселившимися в той части страны, где Тигр приближается к Евфрату, и получившими название аккадцев (позднее — вавилонян).

Ассирийцы говорили на северном диалекте аккадского (восточно-семитского) языка, отличавшемся от вавилонского диалекта главным образом произношением.

Постепенно ассирийцы расселились по среднему Тигру в местностях, гористой на севере и востоке, а на юге усеянной невысокими холмами с песчаной и каменистой почвой. Земледелием можно было заниматься только на западе, по берегам рек. Остальная часть страны представляла собой степи, занятые кочевниками.

Первый город, построенный ассирийцами (вероятно, на месте субарейского поселения⁶), они назвали Ашшуром, по имени своего верховного бога, а всю страну — землей Ашшуровой (Ашшур)⁷.

Ассирийское государство образовалось из небольших общин в Северной Месопотамии, центром которой стал Ашшур. Именно здесь молодой и энергичный народ основал свою твердыню и на протяжении многих десятков лет проходил школу жизни в постоянных войнах с окружающими его горцами и кочевниками.

Обстоятельства возникновения и сложения государства в Ашшуре в точности неизвестны. Вероятнее всего, это произошло на рубеже III и II тысячелетий до н. э. К этому времени Ашшур уже играл существенную роль в межобщинном и межгосударственном обмене Передней Азии.

Однако во второй половине III тысячелетия до н. э. Ашшур был еще слабой городской общиной и неоднократно подчинялся более сильным соседям. В XXIII в. до н. э. Северная Месопотамия оказалась во власти могучего Аккадского царства. В это время в Аккаде царствовал сын знаменитого Саргона — Маништусу, известный своей строительной деятельностью в Нипевии.

В начале XXII в. до н. э. Аккадское царство пало под ударами горного народа кутиев и на самостоятельную арену на некоторое время вышла Ассирия.

Вероятно, к этому времени относится правление в Ашшуре Итти-ти, сына Якулабы, от которого дошла до нас надпись. Он завоевал г. Гасур (Нузу), расположенный за Малым Забом (около совр. Киркука), на скрещении торговых путей, ведущих в Южную Месопотамию и Иран.

К этому же периоду следует, видимо, отнести вышеназванных правителей — Ушпию и Киккию. В конце XXII в. до н. э. Южная Месопотамия объединяется под эгидой шумерских царей из третьей династии Ура, и в следующем веке они устанавливают свой контроль в Северной Месопотамии. Правитель Зарикум из Ашшура называет себя наместником Бур-Суэна (царя этой династии).

Таким образом, на рубеже III и II тысячелетий до н. э. еще трудно было предвидеть превращение Ассирии в могучую державу. На первых порах Ашшур имеет значение главным образом как торговый центр. Лишь в XIX в. до н. э. ассирийцы выступают как завоеватели, устремляющиеся далеко за пределы занимаемой ими территории. Медленно и верно вырабатывалась отличавшая их впоследствии исключительная мужественность в борьбе с врагами.

Древняя Ассирия

Собственно Ассирия занимала небольшую территорию вдоль верхнего течения Тигра, которая протянулась от нижнего течения Заба на юге до гор Загра на востоке и до гор Масиос на северо-западе. К западу открывалась обширная сирийско-месопотамская степь, которую в северной части пересекали горы Синджара. На этой небольшой территории в разное время возникали такие ассирийские города, как Ашшур, Ниневия, Арбела, Калах и Дур-Шаррукин.

В конце XXII в. до н. э. Южная Месопотамия объединяется под эгидой шумерских царей из третьей династии Ура. В следующем веке они уже устанавливают свой контроль и в Северной Месопотамии.

Таким образом, на рубеже III и II тысячелетий до н. э. еще трудно было предвидеть превращение Ассирии в могучую державу. Лишь в XIX в. до н. э. ассирийцы делают свои первые военные успехи и устремляются далеко за пределы занимаемой ими территории, которая по мере роста военного могущества Ассирии постепенно расширяется. Так, в период своего наибольшего развития Ассирия простиралась на 350 миль в длину, а в ширину (между Тигром и Евфратом) от 170 до 300 миль. По словам английского исследователя Г. Роулинсона, вся площадь, занимаемая Ассирией, «равнялась не менее как 7500 квадратным милям, т. е. покрывала пространство больше того, которое занимают... Австрия или Пруссия, вдвое с лишним больше Португалии и немногим меньше Великобритании».

Образование древнейшего ассирийского государства

Обострение классовых противоречий неизбежно должно было привести к возникновению государства, призванного защищать классовые интересы рабовладельцев в их взаимоотношениях с рабами и беднейшими слоями населения. Государство необходимо было и для организации военных походов в соседние страны, и для ведения внешней торговли, постоянно обеспечивавшей развивающееся рабовладельческое хозяйство необходимым притоком дешевой рабочей силы — рабами, а также снабжение страны недостающим сырьем и ремесленными изделиями. Наконец, государственная власть должна была охранять границы страны от нападения соседних кочевых племен и более мощных государств.

Государственный строй древней Ассирии в конце III и начале II тысячелетия до н. э. еще во многом напоминал союз племен. Древнейшие правители Ассирии, носившие титул *ишшакум*, обладали к тому же высшей жреческой властью и ведали строительством. Наряду с ними существовала выборная должность *укуллум*,

носитель которой исполнял основные судебные и административные функции. Впрочем, ишшакум мог быть избран укуллумом и стать военачальником. Возможность совмещения различных должностей стала первым шагом к возникновению царской власти.

Наряду с ишшакумом и укуллумом значительным влиянием в Ассирии пользовался совет, называвшийся «домом города». Этот совет в период образования государства в Ассирии состоял из представителей рабовладельческой знати и поэтому в полной мере защищал их интересы как в больших городах Ассирии, так и в торговых факториях Малой Азии.

В конце III тысячелетия до н. э., после падения третьей династии Ура, некоторым правителям Ашшур удалось избавиться от зависимости от шумеров. Так, например, Шалимахум в своей надписи уже не называет себя, подобно предшественникам, слугой царя Ура. Однако в XX в. до н. э. ассирийским правителям пришлось вести упорную борьбу с амореями, основавшими Вавилонское царство.

Ассирийский правитель Илушума (около 1945 г. до н. э.) с гордостью говорит в своей надписи о том, что он дал свободу «аккадцам и их сыновьям» и «в Уре, Ниппуре, Авале... вплоть до города Ашшур установил свободу». Таким образом, Илушума подчинил себе не только южную часть Месопотамии, но и некоторые области, расположенные к востоку от Тигра. Его сын и преемник Эришум I оставил после себя также немало надписей, в которых сообщает о своей строительной деятельности. Очевидно, при нем были построены храм Ашшур и монументальная лестница для процессий, а также храм Адада.

Ассирийское государство укреплялось в постоянной и упорной борьбе с наступавшими со всех сторон врагами, что, несомненно, способствовало формированию воинственного и сурового характера ассирийцев.

Подлинный расцвет Ассирии наступил через два столетия после падения третьей династии Ура, при царе Шамшиададе I (1813—1781 гг. до н. э.). Он был первым властителем Ашшур, приписавшим царский титул, и даже именовал себя царем вселенной.

Около 1800 г. до н. э. Шамшиадад I завоевал всю Северную Месопотамию, подчинил часть Каппадокии и в своих походах дошел до берегов Средиземного моря. Шамшиадад I, опираясь на массу свободных ассирийцев, придал ассирийскому государству военный характер. Очевидно, ему помогала и Вавилония.

В одной из своих надписей он повествует о том, что установил в своей стране твердые цены на зерно, масло и шерсть. Важно при этом отметить, что они были вдвое ниже принятых в Вавилоне⁸. Шамшиадад — первый из царей древности, который в какой-то мере стал на защиту интересов широких масс земледельцев-общинников и, по-видимому, захватил власть, используя их поддержку. Опираясь на широкие слои свободного населения, Шамшиадад сильно укрепил Ассирию. Он взимал дань с побежденных царей

Тукриша (горы Загра и Нагорная страна, лежащая к северу и к востоку от Ассирии), поставил памятник в стране Лабан (Ливан) на берегу «Великого (Средиземного) моря».

Возведя своего сына Ишмедагана на трон Мари, Шамшиадад стал соперником Вавилона.

Однако силы Ассирии оказались слишком ограниченными, чтобы держать в подчинении такую значительную территорию.

После Шамшиадада Вавилония свела на нет ассирийские завоевания. Вавилонский царь Хаммурапи, захватив царство Мари, нанес, по-видимому, сильный удар и по Ассирии.

Однако Хаммурапи не сообщает в своих надписях о завоевании всей Ассирии. «На 32 году своего царствования» он овладел лишь «Манкису и прибрежной страной Тигра вплоть до страны Субарту». В то же время Хаммурапи говорит, что он «распоряжался» и в Ашшуре и в Ниневии, то есть в двух основных центрах Ассирии.

С XVIII в. до н. э. начинает падать роль Ассирии как торгового государства. В это же время Вавилония и Египет достигли такого могущества, что им уже не хватало сырья, вывозимого из Каппадокии и Ассирии. Рынок сильно расширился и охватил ведущие области древнего Востока; все нити торговли перешли теперь от Ассирии на Средиземноморское побережье, к Финикии. Имея возможность получать сырье из гористых областей к востоку от Тигра и продукты Каппадокии, Финикия могла одновременно вывозить на рынок товары всего Восточного Средиземноморья. Торговые пути благодаря этому перемещаются дальше, на юго-запад.

Вавилонское государство, основанное в значительной мере на завоеваниях, также стало непрочным. Вскоре после смерти Хаммурапи оно оказывается под властью чужеземной (касситской) династии.

В Каппадокии в начале XVIII в. до н. э. начинают усиливаться хетты. Первая попытка консолидации хеттских племен была предпринята царем города Куссара — Аниттой, который подчинил себе соседние племена. Однако это объединение было кратковременным и непрочным. Окончательно Хеттское царство сложилось в середине XVII в. до н. э. при Лапарнасе (Табарна), с царствования которого хеттская традиция начинает историю страны.

К этому времени ассирийские торговые фактории прекратили свое существование. Правда, во второй половине XVI в. до н. э. хеттское государство уже ослабло, но Ассирия не смогла этим воспользоваться для нового наступления на северо-запад, так как в это время стала жертвой завоевания митаннийского государства, сложившегося в северной части Месопотамии. Столицей его был г. Вашшуккани, который, судя по новейшим раскопкам, находился не у Рас-эль-Айна, в долине Хабура (по первоначальным предположениям), а у Тель-Хуэра, т. е. несколько дальше на юго-запад. Основным населением Митанни были хурриты. Наряду с ними

видную роль играли здесь арии, почитавшие ведийских богов. Позднее оба народа полностью слились.

Усиление торгового значения финикийских городов-государств, по-видимому, положительно сказалось на развитии митаннийского общества, владевшего Евфратом и являвшегося одновременно посредником между Средиземноморским побережьем и Вавилонией.

Таким образом, появление хеттской державы, а затем сильного царства Митанни привело к значительному ослаблению Ассирии, которая переживает после Шамшиадада I глубокий упадок, продолжавшийся до конца XV в. до н. э.

Ассирийские торговые фактории в Малой Азии

Стремясь расширить торговлю с Вавилонией, жители Ашшура примерно за две тысячи лет до н. э. начали создавать торговые поселения (фактории) в Каппадокии, а также в южной и центральной части Восточной Малой Азии, призванные поставлять в Ашшур для торговли с Вавилонией те богатства, которыми располагала Малая Азия. В первую очередь это было серебро. Но Каппадокия оказалась богатой и другими металлами и материалами — свинцом, медью, лесом и камнем. Здесь имелись также большие запасы железа, металла, которому суждено было сыграть в более позднюю эпоху крупную роль. Не случайно жители Малой Азии славились как весьма искусные мастера в кузнечном деле.

Основывая фактории, ассирийцы не создавали поселений, а образывали в местных поселках самостоятельные общины, теснейшим образом связанные со своей метрополией — Ашшуром.

Связи эти были не только деловыми; вырабатывались общая письменность, религия, календари и весьма характерный метод датировки событий. В городе-государстве Ашшуре он был изъят из ведения главы государства: летосчисление в Ашшуре устанавливалось не по годам правления главы города-государства (ишшакум, патэси — древнешумерск.), а по времени пребывания на службе особых чиновников (эпонимов), так называемых лимму, которые сменялись каждый год. Такого же рода летосчисление существовало в греческих городах-государствах и в Риме.

Из одной колонии Ашшура, Каниша (Канес), входившей в состав большого поселения, основанного на месте современного Кюль-Тепе, дошло до нас большое число деловых табличек, относящихся, вероятно, к архиву так называемого «дома города», городского совета, который играл важную роль в деле руководства торговыми делами фактории, а также осуществлял судебные функции.

Судя по этим документам, сами ассирийцы обосновались в северном квартале Каниша. Кроме них здесь жили амореи (выходцы из западносемитских областей) и хурриты. В южной части города

преобладало местное население (хетты, протохетты, лувийцы), а в центре население было смешанным.

Деловые документы и письма составлялись исключительно на ассирийском диалекте аккадского языка независимо от этнической принадлежности авторов.

Ассирийская фактория в Канише была тесно связана со своей метрополией и играла для Ашшура важную роль. С прочими факториями он сносился обычно через посредство Каниша. Все судебные дела, касавшиеся только ассирийских поселенцев, решались «домом города» Каниша.

✧ Ассирийское общество начала II тысячелетия до н. э., по данным табличек из Кюль-Тепе, было раннерабовладельческим. Так, рабы уже противопоставляются здесь свободным ассирийцам.

Рабы выполняли грубую физическую работу и помогали своим ассирийским хозяевам в ведении торговых дел, не будучи, однако, их полномочными представителями, так как ими могли быть только свободные ассирийцы. Можно было нанять раба лишь на определенный период. Кроме рабов к тяжелым работам привлекалось и свободное население. В III и начале II тысячелетия до н. э. рабы рекрутировались, очевидно, из коренного субарейского населения, а в факториях — из числа местного, хеттского. Субарейцы и хетты становились также рабами, не будучи в состоянии расплатиться с ассирийскими купцами, дававшими ссуды местному населению. Правда, долговые сделки, касавшиеся как ассирийских колонистов, так и местных жителей, формально согласовывались с царем области Кюль-Тепе. Однако тот поддерживал интересы ассирийцев и зачастую передавал целые семьи в распоряжение ассирийских ростовщиков.

✧ Политическая надстройка ассирийского рабовладельческого общества начала II тысячелетия до н. э. не была, согласно тем же каппадокийским табличкам, деспотией, как это характерно для более поздних рабовладельческих обществ Египта, Вавилонии и Ассирии. Все управление в Ашшуре было сосредоточено в руках «дома города»; здесь же хранились медь, серебро и товары. Деловые и торговые связи между «домом города» и факториями Каппадокии были очень оживленными. Ассирийцы процветали как торговцы в течение XX—XIX вв. до н. э. Они находились в тесной связи с Шумером и Аккадом как в эпоху третьей династии Ура, так и позднее — во время первой вавилонской династии. Лишь опираясь на Шумер и Аккад, город Ашшур мог сохранить свои фактории, окруженные враждебно настроенным местным населением.

Старовавилонское царство

В самом начале II тысячелетия до н. э. пало могущественное царство шумеров, во главе которого стояла третья династия Ура. Оно распалось под ударами эламитов с востока и амореев с запа-

да. Амореи были новой волной семитских переселенцев, овладевших Палестиной и Сирией и проникших затем в долину Тигра и Евфрата. Скоро в их руках оказывается вся долина Двуречья.

Расцвет старовавилонского царства и окончательное объединение под его главенством всего Двуречья, как уже было сказано выше, происходит при знаменитом царе Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.). Он одержал победу над эламитами, затем завоевал лежащее к северу от Вавилона царство Мари и, наконец, подчинил своему влиянию Ассирию, утвердившись в г. Ашшуре.

Хаммурапи построил в Вавилоне два больших храма и реставрировал храмы в других городах. При нем были возведены огромные плотины для защиты от паводков и новые каналы. В одной из своих надписей он провозглашает: «Когда боги даровали мне власть, я приказал рыть канал под названием Хаммурапи — благословение людей, чтобы в страну текла вода плодородия. Я обратил пустыню в плодородную землю, даровал воду, которая не иссякнет. Я привлек в страну толпы народа, даровав им плодородие, изобилие и мирные жилища».

Когда Хаммурапи в 1792 г. до н. э. стал царем Вавилона, город этот ничем особенным не отличался. Власть его распространилась на весьма незначительную территорию — от северной до южной границы насчитывалось около 130 км, а от западной до восточной — не более 35.

В Хаммурапи сочетались качества хитроумного дипломата, умелого полководца и опытного правителя. Он заключал выгодные ему союзы с соседними странами, а затем нарушал их, когда считал это необходимым. Ему удавалось также сталкивать другие государства, опять же не без выгоды для себя. В результате такой политики, подкрепленной успешными военными кампаниями, за сорок два года правления Хаммурапи Вавилон превратился в центр крупного по тем временам государства.

В годы правления Хаммурапи в Вавилоне сложился централизованный государственный аппарат с четко разграниченными функциями. До наших дней сохранилось 55 табличек с приказами Хаммурапи наместникам, военачальникам, послам Вавилона в различных странах и другим официальным лицам. Они касаются смещений и назначений чиновников, проведения переписи, мобилизации населения в отдельных областях, строительства сооружений, размеров вводимых налогов.

В Лувре (Париж) в одном из прекрасных залов установлена стела из черного базальта. Книзу столб слегка расширяется, а верх его украшен рельефом с изображением двух фигур. Справа на троне сидит бог солнца — Шамаш, олицетворявший справедливость. На нем длинная одежда с поперечными складками, на голове — высокая тиара; большая борода спускается на грудь. Перед ним в почтительной позе — царь Хаммурапи. На голове царя — круглая шапка; одежда — из тяжелой ткани, прямыми складками спускающаяся до самых ступней, правое плечо откры-

Клинопись из кодекса царя Хаммурапи

то. Одна рука поднята. Шамаш протягивает царю жезл и обруч — знаки царской власти. Поверхность столба, от рельефа до основания, и вся обратная сторона покрыты знаками вавилонской клинописи — здесь записаны 282 параграфа свода законов царя Хаммурапи, определяющих правовые, юридические и хозяйственные положения Вавилонского царства.

Базальтовая стела из Лувра — одна из самых любопытнейших и ценных находок в истории человечества — найде-

на в 1901 г. французскими археологами в г. Сузы.

Законодательство Хаммурапи носило ярко выраженный классовый характер. Оно охраняло права собственности рабовладельцев. Даруя некоторые льготы свободным беднякам, законодатель был беспощаден к рабам. Из кодекса мы узнаем, что наряду с земледелием в вавилонском обществе были широко развиты ремесленное производство и торговля. Об этом говорит перечень профессий, упоминаемых в кодексе: горшечники, каменотесы, кузнецы, кожевники.

«(Вот) справедливые законы, которые установил Хаммурапи, могучий царь, и (тем самым) давший стране истинное счастье и доброе управление...

Угнетенный человек, который обретет судебное дело, пусть подойдет к моему, царя справедливости, изображению, пусть заставит прочесть мой написанный памятник, пусть он услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть покажет ему (его) дело, пусть он увидит свое решение, п(у)сть (ус)покоит свое се(рд)це и пусть сильно скажет: „(Ха)ммурапи-де владыка, который является для людей как бы родным отцом“, — провозглашал царь.

По судебнику непочтение к родителям, лжесвидетельство, покушение на чужую собственность и лишение воды соседей наказывалось очень строго.

«Если сын ударил своего отца, (то) ему должны отрубить руку». «Если человек выбил зуб человеку, равному ему, (то) должны ему выбить зуб».

Иногда увечье заменялось штрафом. В сомнительных случаях обвиняемого бросали в священные воды Евфрата; если он оставался жив — наказывали обвинителя. Можно было приносить жалобы местным судьям, затем — в верховный суд и наконец самому царю.

Крупные торговые операции вели храмы и даже сами цари. Они действовали через купцов *тамкаров*, которые, в свою очередь, имели торговых агентов и приказчиков. Главнейшими статьями торговли с соседними странами были скот, хлеб, серебро, медь.

Из кодекса Хаммурапи мы узнаем о рабовладельческих отношениях в древнем Вавилоне. Особое распространение получило здесь так называемое долговое рабство. Если должник не мог вовремя вернуть долг, он обязан был отработать его либо лично, либо за него должны были трудиться дети. Кодекс Хаммурапи ограничил долговую кабалу: отдать в рабство за долги можно было теперь на три года.

Вавилонское общество в период правления Хаммурапи достигло высокого уровня развития. Однако этот расцвет продолжался сравнительно недолго. Страна подверглась ряду сокрушительных вторжений. Около 1740 г. до н. э. началось нашествие касситов⁹, захвативших северные области Вавилонии, а в дальнейшем продвинувшихся и в Южную Месопотамию.

Другим врагом оказалось сильное Хеттское царство, о возникновении которого говорилось выше. В самом начале XVI в. до н. э. хеттский царь Мурсалис I захватил и разграбил Вавилон. Правда, хетты здесь не укрепились и ушли с награбленной добычей обратно в Малую Азию. Зато касситы овладели наконец Вавилонией полностью, и в стране утвердилась касситская династия (1518—1204 гг. до н. э.).

Спустя много лет после смерти Хаммурапи войско эламитов совершило набег на Вавилонское царство. Эламский царь приказал своим войскам захватить как трофей стелу Хаммурапи и поставил ее на площади перед дворцом в своей столице Сузах.

Эламскому царю не нужны были вавилонские законы. Он захватил этот памятник только для того, чтобы, глядя на него, люди думали, как велик и могуч их царь, совершивший набег на Вавилон.

По-видимому, он даже собирался стереть текст законов и заменить его своей надписью, но уничтожил лишь несколько строк. Поврежденный памятник, к счастью, уцелел при разрушении Суз в середине VII в. до н. э. и, пролежав в земле две с половиной тысячи лет, был найден в 1901 г. французской археологической экспедицией.

Вавилон в дальнейшем не раз подвергался разгрому, но каждый раз поднимался из руин и в VII—VI вв. до н. э. вновь достиг расцвета. Только в III в. до н. э. он окончательно теряет свое значение и большая часть его жителей переселяется в возникший поблизости эллинистический город — Селевкию.

Замечательные памятники Вавилона были раскопаны археологами, что дало возможность получить наглядное представление о грандиозных сооружениях одного из крупнейших центров древнего мира.

*Ашшур — первая столица Ассирии.
Арбела*

Несмотря на то что Ассирия в XVIII—XVI вв. до н. э. после смерти Шамшиадада I отказалась на время от внешнеполитической экспансии, ее экономика развивалась и главный центр Ашшур становился все более крупным городом. Это говорило о новом возвышении Ассирии, начавшемся в конце XV в. до н. э.

Ашшур был не только первым городом Ассирии, но и резиденцией древнейших ассирийских правителей. Город расположился на правом берегу Тигра, у Нижнего Заба. Это была идеальная естественная крепость на скалистом берегу, защищенная с востока рекой от вражеских набегов.

В 1904 г. немецкие археологи открыли на кургане Калат Шергат огромный холм, местами достигавший высоты 10-этажного дома. Этот холм скрывал первую ассирийскую столицу. Было установлено, что еще за две тысячи лет до Ашшурбанапала ассирийцы жили в благоустроенном городе. Во многих жилых домах были ванны. Город имел водопровод и канализацию.

Существовал даже клинописный «путеводитель» — перечень городских храмов, наиболее значительными из которых были двойной храм богов Адада и Ану, а также храм главного ассирийского бога — Ашшура. Он содержал также описание городских стен, ворот и главных улиц, в том числе знаменитой «дороги шествий».

Раскопки археолога Вальтера Андре в Ашшуре свидетельствуют о высокой технике крепостного строительства и дают возможность наглядно представить себе, как выглядел весь ассирийский город и его отдельные здания в VIII—VII вв. до н. э.

Ашшур был обнесен стенами из сырцового кирпича высотой 15—18 м и толщиной около 6 м, возведенными на фундаменте из крупных каменных глыб. Вся наружная часть покрыта слоем глиняной обмазки, а верхняя увенчана зубцами из цветных поливных кирпичей — голубых с желтой каймой. По внешней линии стены с интервалом примерно в 20 м шли башни-контрфорсы. Наружные ворота, укрепленные фланкирующими башнями, вели в длинное, продолговатое помещение, заканчивающееся внутренними воротами с несколькими отсеками.

Среди плоских крыш домов и дворцов возвышались зиккураты¹⁰ храмов.

Исторический центр Ассирии г. Ашшур был, по-видимому, и торговым форпостом Месопотамии, обеспечивающим ввоз леса и металла в эту страну. В Ашшуре рано появились страпствующие

купцы-торговцы, которым часто приходилось братья за оружие, защищаясь от нападений горных племен на торговых путях.

Город Ашшур часто подвергался вторжению врагов. Поэтому ассирийцы должны были постоянно находиться в боевой готовности.

У предгорий Загра расположился священный город богини Иштар — Арбела (по-ассирийски Арпа-Илу — «город четырех храмов»).

Арбела — город, обнесенный крепостной стеной, считается древнейшим из всех ныне населенных городов мира. Освещенный утренними лучами солнца, город стоял на высоком холме посреди равнины. Этот, поросший травой холм образовался в результате бесчисленных напластований от перестройки различных городов так же, как постепенно повышается уровень Тель-Асмара и других городов равнины. Подобные города, однако, давным-давно прекратили свое существование и стоят покинутые, засыпанные леплом, галькой и черепками.

В городе царит тишина, нарушаемая лишь легким шелестом травы. Не слышно ни стука несущихся мимо тяжелых повозок, ни лязга металла, ни победоносных криков греческих воинов, ни слабых стонов отчаявшихся персов. А ведь именно здесь, под стенами древней Арбелы, Дарий предпринял последнюю попытку дать отпор молодому Александру Македонскому, когда тот, ослепленный мечтой создать безграничную империю, с презрением отверг мир, предложенный ему правителем Западной земли, что простиралась до самого Египта, и продолжал свои завоевания.

После победы Александра Македонского над Дарием у Гавгамел судьба Азии была, по существу, решена. Александр оставил свои богатые трофеи в Арбеле, которая стоит и по сей день высоко над равниной на руинах построек древних ассирийских храмов. В Арбелу приезжал могучий ассирийский царь Ашшурбанапал, чтобы помолиться в храме Иштар перед войной с Эламом. Здесь он произнес свою знаменитую молитву.

В Арбеле процветали ремесло и торговля, которые находились в руках ассирийцев. Кроме этого здесь жили несшие военную службу царские воины — горцы.

Арбела считалась центром ассирийской области Адиабены. В городе-крепости, начиная с I в. н. э. и до наших дней, продолжают жить ассирийцы.

Почти все важнейшие пути Передней Азии проходили в непосредственной близости от городов Ассирии или даже через них. Поэтому правители Ашшура всячески пытались взять их под свой контроль. Так государство обороняющееся начало превращаться в государство агрессивное.

Таким образом, во II тысячелетии до н. э. Ашшур стал ядром, вокруг которого сформировалась великая ассирийская держава.

Глава IV
СРЕДНЕАССИРИЙСКОЕ ЦАРСТВО
КОНЦА XV—IX В. ДО Н. Э.

Возвышение Ассирии

О последних веках существования Староассирийского царства (XVIII—XV вв. до н. э.) известно совсем немного.

Исторические источники для этого периода весьма скудны. Нам известны лишь имена трех десятков правителей, но о деятельности их мы почти ничего не знаем; первые упоминания о взаимоотношениях Ассирии с Египтом относятся к самому концу периода. Фараон-завоеватель Тутмос III в самом начале XV в. до н. э. вытеснил митаннийцев из Северной Сирии и отбросил их за Евфрат. Он хвалится получением дани не только от Митанни, но и от Вавилонии и Ассирии, территории которых египетские войска явно не достигли. Надо полагать, что дело сводилось не к взысканию дани, а к обмену подарками. Из более позднего письма мы узнаем, что ассирийский царь Ашшурнадинаххе, современник Тутмоса III, получил из Египта золото, очевидно в возмещение за поставки столь ценимого в Египте лазурита, доставляемого в Ассирию и Вавилонию с далеких гор Памира.

Ассирия в этот период была еще слаба и страдала от нападений более сильного Митаннийского царства.

К середине II тысячелетия до н. э. Митанни была уже великой державой. Главным ее центром стал город Вассугани (Вапшуккани) на р. Хабур, притоке Евфрата.

Могучий митаннийский царь Сауссадаттар примерно в 1500 г. до н. э. захватил Ассирию, объявив ее своим вассалом. Сауссадаттар увозит в свою столицу, Вапшуккани, из Ашшура богатую добычу, в частности роскошные ворота, украшенные золотом и серебром. Однако Митанни, ослабленное длительной и упорной борьбой с хеттами, постепенно теряет свое влияние в северной части Месопотамии. Международная обстановка стала благоприятно складываться для Ассирии, хотя на прямое выступление против Митанни она пока не решалась.

В самом конце XV в. до н. э. произошло резкое изменение соотношения сил в Передней Азии и началось возвышение Ассирии, которая усилилась за счет ослабления Митанни и Вавилонии.

Около 1365—1330 гг. до н. э. в Ассирии правил Ашшурубаллит I, современник египетского фараона Эхнатона (Аменхотеп IV) и могущественного хеттского царя Суппилулиумаса I.

Стремясь вернуть своей стране независимость, Ашшурубаллит I установил дипломатические отношения с Египтом, рассчитывая найти опору в борьбе против Митанни. Об этом свидетельствуют два письма, сохранившиеся в Тель-Амарнском архиве. Заключение союза Ассирии с Египтом вызвало недовольство не только в Митанни, но и в Вавилонии, которая сохраняла свои притязания на верховную власть над Ассирией, хотя фактически уже давно их не осуществляла. Вавилонский царь Бурнабуриаш II даже заявил в одном из своих писем протест фараону, но безрезультатно.

Ашшурубаллит I оказался не только умелым дипломатом, но также крупным военачальником и организатором. Он нанес поражение митаннийским войскам и освободил Ассирию от чужеземного ига. Затем направил свои удары против беспокойных горных племен, обитающих за верхним течением Тигра, и укрепил северную границу страны.

Ашшурубаллит делает даже попытку подчинить ослабевшее царство Митанни своему влиянию. Он использует смуты, наступившие в этой стране после насильственной смерти царя Тушратты. Престол был захвачен узурпатором, по имени Шуттарна, который ориентировался на союз с Ассирией и страной Альше (расположенной у истоков р. Тигра). В частности, он вернул Ашшурубаллиту ворота, захваченные сто лет назад Сауссадаттаром. Однако успехи Ассирии и Альше, стремившихся поделить между собой территорию Митанни, оказались кратковременными. В дело вмешался хеттский царь Суппилулиумас, ко двору которого бежал законный наследник митаннийского престола Шаттиваса (сын Тушратты). Этот царевич женился на дочери хеттского царя и оказался под влиянием своего тестя, который и посадил его на отцовский трон. Митанни стало вассалом Хеттского царства.

Хотя Ассирии на этот раз и не удалось подчинить себе своих бывших властителей, но по крайней мере о былом подчинении западному соседу уже не могло быть и речи. Хеттский царь Суппилулиумас не был опасен для Ашшурубаллита, так как вступил на юге в длительную борьбу с Египтом, продолжавшуюся и при его преемниках.

Еще более успешно действовал Ашшурубаллит на юге. Новый вавилонский царь Караиндаш II пошел на сближение с северным соседом. Он женился на дочери Ашшурубаллита. Сын от этого брака вступил на вавилонский престол, и ассирийский царь из вассала (хотя бы и номинального) превратился в покровителя вавилонских царей, оказавшихся с ним в родстве.

Внешняя политика его внука — Кадашманхарбе успеха не имела. Стремясь пробиться к Средиземному морю, он, миновав Северную Месопотамию, устремился в сирийскую степь, где приказал копать

колотцы, пытаясь основать военные колонии. Однако против него восстали касситы, недовольные союзом Кадашманхарбе с Ассирией, и он был предательски убит. Царем Вавилона провозгласили узурпатора Назибугаша.

Ашшурубаллит, еще не утративший своей воинственности и энергии, жестоко отомстил за убийство внука; он захватил Вавилон, разгромил Назибугаша и возвел на вавилонский престол своего несовершеннолетнего правнука Куригальзу II.

Таким образом, Ассирия стала самой могущественной державой в бассейне Тигра и Евфрата.

Не следует поэтому удивляться, что Ашшурубаллит решил присвоить себе царский титул. Правда, он проявил в этом деле некоторую нерешительность и непоследовательность. В письмах и на печатях он именуется царем Ассирии, а в торжественных надписях, посвященных своим деяниям, сохраняет по традиции более скромный титул правителя — ишшаку. Успехи прежних властителей Илушумы и Шамшиадада I не могли идти в сравнение с достижениями Ашшурубаллита.

Его преемники продолжали успешную завоевательную политику. Арикденили (ок. 1308 г. до н. э.) нанес новые удары царству Митанни и довел границы Ассирии на юго-западе до среднего течения р. Евфрат. Этот властитель начинает уже не только в письмах, но и в самых разнообразных официальных документах именовать себя царем. В дальнейшем царский титул встречается все чаще и чаще, хотя порой вспоминаются еще и старые титулы — ишшаку и укуллум.

Дальнейших успехов Ассирия достигла в царствование Ададнерари I, сына Арикденили. Он нанес сильный удар касситскому Вавилону в предгорьях Загра, где захватывает ряд городов, важнейшим из которых была Арраха.

Далее он двигается на запад, завоевывает митаннийские города, в том числе столицу Вашшуккани, и проходит до Сирии, захватив обширную территорию от Харрана до Кархемиша (Каркемыша), через который шел важный торговый путь из Двуречья в Малую Азию. Он вышел также к караванному пути, соединяющему города на Евфрате с сирийским побережьем Средиземного моря.

Ададнерари I, принявший титул «царя множеств», захватил большую военную добычу, благодаря чему отстроил столицу Ашшур. Он перестроил храмы богини Иштар и богов Ану и Адада, а также старый царский дворец.

Интересно отметить, что в царствование Ададнерари I в ассирийских надписях впервые появляется упоминание о новом народе — арамеях, с которыми этот царь столкнулся на западных границах.

Арамеи, западносемитские племена, распространились в XIV в. до н. э. по Сирии и Месопотамии.

В отличие от прежних семитских переселенцев они одомашнили верблюдов, что помогало им осваивать все более и более выс-

хавшую сирийскую степь, которая местами уже превращалась в пустыню. При Ададнерари I и его ближайших преемниках арамеи еще не играли на международной арене самостоятельной роли. Они выступали главным образом в качестве союзников Митанни. Ададнерари I нанес им сокрушительное поражение. Успехи Ассирии продолжаются и при следующем царе — Салманасаре I.

*Ассирия в правление Салманасара I
(1274—1245 гг. до н. э.)*

и Тукультининурты I (около 1244—1208 гг. до н. э.)

Больших успехов добился талантливый военачальник, ассирийский царь Салманасар I. Он вел непрерывную борьбу с северными племенами страны, покорил племена Урарту и создал там ряд ассирийских военных колоний в целях усиления и укрепления ассирийского влияния.

Весьма интересно отметить, что племена Урарту (Уруатри) еще в первой половине XIII в. до н. э. считались грозной силой и выступали не только с целью самозащиты, но и как организаторы экспедиции, направленной своим острием против Ассирии.

Надписи Салманасара I живо воссоздают яркую картину победоносного похода на Урарту: «К хребтам гор их могучих, — повествует ассирийский царь, — я поднялся. Химме, Уаткун, Баргун, Салуа, Халила, Луха и другие — всего 8 стран, их ополчения я победил, 51 их поселение я разрушил, сжег, захватил их в полон, их имущество; всех Уруатри я склонил к ногам Ашшура — моего владыки, в три дня...

Город Арина, который прежде возмущался, презрел Ашшура, — этот город я победил, разрушил, посеял над ним пепел... а прах его собрал и насыпал в воротах моего города Ашшура на будущие времена. В то время всю страну Мусра я склонил к ногам Ашшура, моего владыки».

Салманасар I вторгается в Митанни, где паголову разбивает Шаттуару — царя этой страны, союзниками которого были хетты и арамеи. Всю область, до Кархемыша, он подчиняет себе. В результате этой победы ассирийцы взяли 14 400 пленных и заняли 9 городов, в том числе столицу Шаттуары. Салманасар успешно воевал и с вавилонским царем Кадашман-Эллилем.

Найденные Г. Винклером и Богазкёе хеттские документы проливают свет на историю Вавилона и Ассирии того периода.

Хеттский царь Хаттусилис III, опасаясь усиления Ассирии в северо-западной части Месопотамии, всячески восстанавливал Вавилон против ассирийского царя. Он переписывался с вавилонскими царями Кадашман-Тургу и Кадашман-Эллилем: был с ними в союзе, как и с Египтом, на почве борьбы с общим врагом — Ассирией. В одном письме Хаттусилис пишет: «Я слышал, что мой брат созрел для мужества и имеет склонность к охоте. Я рад, что Тешуб благословил сына моего брата Кадашман-Тургу и вот, иди и раз-

громи землю врага... не медли, ступай на врага, разбей врага... выступи против страны, сильнее которой ты в два, три, четыре раза...»

Как следует из документа, опасаясь роста могущества Ассирии, Хаттусилис настраивает против нее вавилонского царя, который слепо последовал этому совету и был разгромлен Салманасаром.

Незадолго до 1300 г. до н. э. столицей своего уже большого государства Салманасар избрал основанный им город Калах на Тигре, ставший впоследствии любимой резиденцией царей.

Калах был расположен у впадения Верхнего Заба в Тигр. Здесь скрещивались важные торговые пути, шедшие на восток — в горы Загра, на север — в страну Урарту, и на северо-запад — в страну Митанни, т. е. в важнейшие районы ассирийских завоеваний.

Сын и преемник Салманасара — Тукультининурта I вел еще более значительную завоевательную политику: он совершил ряд походов на восток и юго-восток — в эламские области; на запад и юго-запад — в страны Мари, Хана; ворвался в Северную Сирию и разгромил северосирийские княжества, захватил в плен 28 800 человек.

Уже в первый год своего царствования он покорил племена Киту и Шубару на севере и востоке, разбив коалицию 40 царей Наири (у оз. Ван).

О походе Тукультининурты I против стран Наири говорят две его надписи, согласно которым Тукультининурта I увел 28 800 солдат страны Хатти «с той стороны Евфрата». Такое огромное по тем временам число хеттских воинов — около 30 тыс. упоминается не случайно. Очевидно, вместе с ассирийскими войсками хетты участвовали в покорении целого ряда новых областей, племенных территорий к северу от Ассирии, в верховьях Тигра, к югу и юго-востоку от оз. Ван. Здесь, очевидно, речь идет о странах Бабхи, Укумани, Шарнида, Мехри, многочисленных областях субарейцев — Кутмухи, Пушши, Нихани и т. д., а также о странах Наири с их 40 царями.

Таким образом, бесславно завершились попытки Хеттского царства закрыть Ассирии доступ на запад (в союзе с царством Амурру). «40 царям стран Наири, объединившимся для борьбы против Ассирии, — пишет И. М. Дьяконов, — не под силу было остановить стремительный, всеокрушающий натиск могучей ассирийской армии Тукультининурты I, который „с ними сразился, нанес им поражение, кровью их наполнил ущелья и обрывы гор. Все их страны подчинил своему игу, наложил на них дань и дары навеки“». При Тукультининурте I Ассирия достигла, как указывает В. В. Струве, своего максимального развития.

Период царствования Тукультининурты I в истории ассирийского народа знаменателен еще и тем, что древний соперник Ассирии — Вавилон — был впервые завоеван ассирийским царем силой оружия. В честь этой победы Тукультининурта заказал

кольцо-печать со своим именем и титулом, к которому были добавлены слова: «Покровитель Кардуниаша». Ассирийцы разграбили храм бога Мардука и увезли на родину в качестве трофея знаменитую статую этого вавилонского бога. Тукультининурта завершил своими походами дело, начатое еще Ашшурубаллитом. Однако Ассирия, несмотря на победу над хеттами, не была еще способна добиться полной победы над Вавилоном.

Алтарь с изображением молящегося царя Тукультининурты I из Ашшура.
Берлин. Государственные музеи

Войны ассирийских царей с соседними народами ослабили силы страны, что в конечном итоге привело к упадку Ассирии. К тому же Тукультининурте, добивавшемуся неограниченной власти восточного деспота, приходилось бороться с сильной ассирийской знатью. Он перенес царскую резиденцию из древнего центра Ашшура во вновь основанный город Кар-Тукультининурт, расположенный на левом берегу Тигра. Этим актом он хотел доказать, что освободился от контроля «великих», т. е. старейшин столицы, составлявших аристократический совет в Ашшуре. Подобная политика вызвала сильное недовольство в кругах ассирийской знати. Тукультининурта I погиб в результате заговора, во главе которого стоял его сын.

После смерти Тукультининурты ассирийская держава в течение столетия переживала сильный упадок. Вавилония возвратила себе самостоятельность и даже сделала попытки вмешаться во внутренние дела Ассирии. Весьма показательна для этого периода история перестройки храма Ану и Адада. Поскольку он пришел в ветхость, царь Ашшурдан I, правивший во второй четверти XII в. до н. э., решил снести обваливающиеся стены и отстроить храм заново. Однако внезапная смерть помешала ему выполнить свое намерение.

Сыновья царя Тукультининурты, Ашшур и Мутаккильнуску, вступили в междоусобную борьбу за престол. Победил Мутаккильнуску, прогнавший своего брата в Вавлонию. Однако после его смерти изгнанник вернул себе власть с помощью вавилонян. Впрочем, возвратиться на родину он не решился, а послал в Ассирию своего верного приближенного Ашшуршумлишира, который стал

управлять страной в качестве наместника. Вполне понятно, что при таких обстоятельствах некогда было думать о восстановлении храма Ану и Адада, который оставался в руинах еще вплоть до воцарения (1115 г. до н. э.) Тиглатпаласара I.

Это сообщение говорит об усилении Вавилонии. Впрочем, использовать в полной мере ослабление северного соседа Вавилон не мог, так как сам вынужден был постоянно обороняться от набегов эламитов. О могуществе последних говорит, например, тот факт, что и царь Элама Китен-Хутраи разгромил любимую резиденцию касситских царей — Пиппур.

В XII в. до н. э. рухнуло и великое Хеттское царство. Его сокрушили воинственные племена («пароды моря»), напавшие с запада и разрушившие хеттскую столицу — Хаттусас. На развалинах могущественной некогда державы образуется несколько мелких самостоятельных хеттских государств. Наиболее значительным из них был город-государство Кархемиш на Евфрате.

Египет в XII в. до н. э. находился в состоянии упадка и утратил свои владения в Палестине и Финикии. В египетской столице Фивах хозяйничали жрецы, сильно ограничивавшие власть фараонов. Таким образом, в Передней Азии, так же как в долине Нила, не осталось в это время ни одной сильной державы.

Правда, во второй половине XII в. до н. э. на короткое время вновь возвышается Вавилон. При энергичном царе четвертой вавилонской династии Навуходоносоре I (1126—1105 гг. до н. э.) возобновляется активная внешняя политика Вавилона как на востоке, так и на западе. Он успешно отразил вторжения эламитов, совершил победоносные походы в горы Загра, где разгромил лубеев и обосновавшихся по соседству с ними касситов, овладел значительной частью Месопотамии и успешно воевал с арамеями.

Однако современник Навуходоносора, ассирийский царь Ашшур-решиши, не только отразил нашествие вавилонян, но и нанес им поражение.

При сыне и преемнике Ашшур-решиши — Тиглатпаласаре I — Ассирия, правда на сравнительно короткий срок, вновь выступает на арену широких завоеваний и добивается крупных успехов.

Международная политика Ассирии

В 1888 г. на полпути между Фивами и Мемфисом (в Телль-Амарне), на месте бывшей резиденции фараона Аменхотепа, египетская крестьянка нашла каменный ящик с 300 глиняными клинописными табличками. Удалось установить, что таблички содержат переписку египетских фараонов 18-й династии с вавилонскими царями. Они обмениваются дарами и вступают в родство. Из переписки видно, как трудно приходилось Вавилону в борьбе с натиском соседей, особенно ассирийцев.

Сношения между племенами начались еще в глубокой древности. Однако о дипломатии в широком и подлинном смысле этого слова можно говорить лишь с развитием государства.

Дипломатия — это совокупность методов, приемов и действий в области международных сношений, путем которых то или иное государство осуществляет свои внешнеполитические цели и задачи. Как известно, дипломатия является частью политической надстройки. Ее характер определяется общественными отношениями, свойственными различным экономическим формациям, прежде всего классовой природой того государства, которому она служит.

В древнем мире дипломатия выполняла внешнеполитические задачи рабовладельческого государства.

Еще не вполне отделившееся от общинно-родового строя раннерабовладельческое государство стало основой государственных образований древнего Востока.

Внешняя политика государств древнего Востока диктовалась главным образом завоевательными интересами. В этой связи характерна деятельность ассирийского царя Ашшурбаллита I, который вступил в дипломатические отношения с далеким Египтом, направив к фараону послов с богатыми подарками.

В Тель-Амарнском архиве сохранилось два письма Ашшурбаллита I к Аменхотепу IV (Эхнатону). Он напоминает, что сношения с Египтом начались еще при его предке — Ашшурнадинахе, вероятно современнике Тутмоса III, от которого он получил 20 талантов золота, по-видимому в ответ на дары ассирийского царя, упоминаемые в анналах Тутмоса под 23-м годом («три больших куска настоящего лазурита и три куска голубого камня из Вавилона»). Он и теперь посылает фараону подарки (не только лазуритовый камень, но и коней с колесницами) и усиленно просит золота, необходимого ему для постройки дворца. Особый посол ассирийского царя доставил в Египет второе письмо, в котором Ашшурбаллит сообщал Эхнатону: «Посылаю этого посла, чтобы тебя видеть и твою страну видеть». Пусть он узнает твою волю и волю твоих страны, и пусть он тогда вернется». Таковы были первые шаги ассирийских царей на международном поприще, когда Ассирия стремилась установить торговые отношения с Египтом.

Захват земель, рабов, скота, грабеж соседних стран составляли главные цели войны. Все международные споры решались в основном с помощью войны. Но и дипломатическая деятельность начинает занимать все большее место на древнем Востоке. Все переговоры велись от лица царей. Цари имели для этой цели особых «царских слуг», чиновников, писцов и гонцов (курьеров).

В XIV—XIII вв. до н. э. история заполнена ожесточенными войнами между Египтом и хеттами, которые в одинаковой мере истощали противников. Не было никаких надежд на скорую победу ни у одной из сторон; хетты боялись нашествия ассирийцев. Дипломатические переговоры Египта с хеттами привели к взаимным уступкам. В 1296 г. до н. э. был заключен окончательный мир и подписан договор между фараоном девятнадцатой династии Рамзесом II и хеттским царем Хаттусилисом III. Для истории

дипломатии этот документ имеет большое значение как один из древнейших известных нам памятников международного права.

Значительную дипломатическую деятельность вел в этот период и Вавилон, который, опасаясь Ассирии, всячески склонял своего египетского союзника, Эхнатона, к прекращению всяких связей с Ассирией. Царь Буранбуриаш писал ему: «Зачем они приехали в твою страну? Если ты расположен ко мне, не вступай с ними в сношения. Пусть они уезжают, ничего не добившись. Со своей стороны шлю тебе в подарок 5 мин лазурита, 5 конных упряжек и 5 колесниц».

Несмотря на это, фараон, видимо, не удовлетворил просьбу своего союзника и не отказал в приеме послам ассирийского царя. Это был далеко идущий дипломатический шаг. Фараон понимал, что правители крупных соседних держав — Хеттского царства и Египта — прежде всего опасались усиления Ассирии.

В последующее столетие Египетское и Хеттское царства слабеют и постепенно теряют руководящую роль в международных сношениях Востока. Первенствующее значение на международной арене приобретает Ассирия.

Занятия древних ассирийцев

В конце XII — начале XI в. до н. э. в Ассирии царствовал Тиглатпаласар I. Теперь ассирийцы под влиянием постоянных войн все больше времени уделяли военному делу и завоевательным походам.

В 1224 г. до н. э. Вавилония была захвачена ассирийцами. Это владычество продолжалось около семи лет. С тех пор более 500 лет ассирийские цари вели перманентные войны с Вавилоном до тех пор, пока Ассирия и Вавилон не объединились в единую державу.

Ассирийцы называли себя сынами Ашшура. По своему облику они напоминали семитов. Вот как писал о них акад. М. В. Никольский: «... перед нами голова ассириянина. Большой, низко спускающийся нос, густые брови над черными большими глазами, длинное, овальное лицо, обрамленное завитою в кольца бородою, тщательно закрученными усами и густыми гофренными волосами. Так завивались и гофрились ассирийские цари и вельможи; но если разгладить завитые и нагофренные волосы, снять с головы золотую повязку, то перед нами остается неизменный характерный тип тех семитов. изображения которых мы уже видели на старинных шумерийских рисунках».

Из века в век ассирийцы сохраняли одни и те же обычаи. Их суровый характер сложился под влиянием природы их страны и той жизни, какую пришлось им вести.

Ассирийцы — отличные скотоводы. Когда ассирийские цари совершали свои завоевательные походы, они всегда стремились захватить стада крупного рогатого скота и табуны коней из побежденных стран.

Когда ассирийский царь-завоеватель Тиглатпаласар I совершил свой победоносный поход в страну Наири, он угнал в Ассирию многочисленные стада крупного рогатого скота и табуны коней. Характерно, что на побежденную страну была наложена дань скотом.

Ассирийцы занимались и скотоводством. Ближе к горам губительные ветры пустыни ощущались меньше. Пастбища здесь были лучше, трава более сочная, влаги много.

В предгорьях и горах густо рос кустарник. Здесь в зарослях подились дикие кабаны, олени, львы, нападающие на стада и наносящие им большой урон. Суровые условия жизни вынуждали пастуха-ассирийца заниматься охотой. В борьбе с дикими зверями он закалялся, становился бесстрашным, ловким, презирал опасность. Все эти качества передавались из поколения в поколение.

Особой популярностью пользовался у ассирийцев Гильгамеш — герой вавилонского эпоса — отличный и бесстрашный охотник. К числу его подвигов отпосилась и борьба со львами. Ассирийские художники всегда изображали его с убитым львом в руках.

Охота на львов была вынужденной необходимостью, борьбой за существование. Но ассирийцы не чуждались и других видов охоты. Изловить дикого быка и осла, убить медведя и леопарда в горах было для них обычным делом.

Ассирийские охотники с юных лет без устали рыскали по горам в погоне за дичью. Благодаря этому они становились лихими стрелками, неутомимыми ходоками, ловкими и находчивыми в опасные минуты, дисциплинированными, воинственными солдатами.

Горы, прилегающие к Ассирии, были богаты залежами различных металлов и камня (базальта, алебастра, мрамора), источниками нефти и асфальтовой смолы, которая в Месопотамии при строительстве заменяла цемент. В соседних горах, ближе к Курдистану, в те далекие времена ассирийцы могли добывать медь, свинец, а позднее железо и другие металлы.

Эти богатства ассирийцы не только свободно использовали для своих нужд, но и сбывали в Вавилон все излишки. Таким образом, они очень рано стали еще и купцами. «В одной руке, — пишет М. В. Никольский, — они несли меч, а в другой — весы и гири».

Вначале ассирийцы, сильные своей сплоченностью и единством, служили одному богу и покорялись одному правителю. Конечно, существование иных богов, считавшихся покровителями других племен, не подлежало сомнению, но поклоняться полагалось лишь богу своего племени, защищающему своих почитателей¹. Вскоре, однако, сближение и слияние с другими племенами привело к почитанию нескольких богов.

Широко распространился культ вавилонских богов Эа, Ану, Иштар, Мардука, Нуску, Набу и др.

Ашшур был племенным богом. Он продолжительное время не считался связанным с явлениями природы. Он изображался чаще

всего в виде охотника с луком, вместе с быками, любимыми животными ассирийцев. Ашшур считался вначале богом-покровителем охоты, которая, как было сказано выше, составляла чуть ли не главное занятие ассирийцев. Впоследствии же, когда началась эпоха постоянных войн, Ашшур стал главным образом богом войны. С этого периода в гимнах своему богу ассирийцы стали торжественно восхвалять богатырскую силу Ашшура; все свои победы и достижения ассирийские цари приписывали ему. Они уже не говорили: «Я победил», а провозглашали: «Ашшур победил». Супругой Ашшура в эпоху ассирийских завоеваний была провозглашена богиня Иштар.

Отождествляя себя с племенным богом, называя себя его пародом, ассирийцы верили, что они находятся под покровительством Ашшура и в мирное и в военное время. Имя его постоянно помещалось первым в списке «великих богов». Так, Тиглатпаласар I говорил: «Ашшур, одарив меня силою и могуществом, повелел мне расширить пределы его земли и отдал в мои руки свое всемогущее оружие — вихрь битвы. Земли, горы, города, враждебные Ашшуру, я покорил!..»

На изваяниях, изображающих сцены из жизни ассирийского царя, которого всегда можно узнать по богатому наряду и высокому головному убору (тиара), бог Ашшур часто как бы парит в воздухе над царской головой или же носится перед ним. Обычно его изображали в образе человека, ниже бюста которого был пояс в виде птичьего (голубиного) хвоста, заключенного в колесо или круг с крыльями. Так выглядит эмблема верховного бога, когда он появляется над священным деревом или над жертвенником. Поза бога всегда соответствует характеру и условиям обстановки, где он появляется, чтобы охранять и освящать личность царя.

Если идет война, Ашшур натягивает лук перед царем; стрела, пущенная им, должна поразить неприятеля. Если идет торжественный прием послов, совершается религиозный обряд или триумфальное шествие, тогда лук опущен и одна рука поднята в знак приветия. Бывает иногда и так, что лука вообще нет; в этом случае одна рука протянута в венок. Это знак мира и счастья, так как венки в древности носили только на пирах и празднествах.

Иногда на эмблеме нет человеческой фигуры, и она состоит лишь из крылатого колеса или круга, непременно с голубиным хвостом (голубь у ассирийцев считался священной птицей).

Первая империя Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.)

К концу XII в. до н. э. относится первый знаменательный период ассирийских походов и побед. Он связан с именем полководца и крупнейшего деятеля Ассирии Тиглатпаласара I.

Тиглатпаласар I — последний из могущественных царей Ассирии II тысячелетия до н. э. Он был не только незаурядным организатором, но и дальновидным царем. Сведения о нем дошли до нас благодаря сенсационной находке при раскопках большого кургана в Калат Шергате (древний Ашшур). Из четырех угловых ниш фундамента там были извлечены четыре цилиндра восьмигранной формы, высотой около 50 см. Они содержали тексты с именем Тиглатпаласара I, которые сообщали, что на этом месте в большом храме бога Ашшура стоял перестроенный царем придел, посвященный Ададу.

Помимо этого цилиндр содержал подробный отчет о первых пяти годах царствования Тиглатпаласара. Данным, которыми мы теперь располагаем, человечество обязано предусмотрительности ассирийского царя, уложившего этот исторический документ под четырьмя углами дома «на вечные времена», как он провозглашает в последнем параграфе.

Первые годы своего правления Тиглатпаласар I посвятил восстановлению святилища богов Ану и Адада, завершив его в течение пяти лет.

Одновременно с этим по приказу царя в Ашшуре были построены новые дворцы, несколько крепостей и государственных хлебных складов. Наряду со строительными работами Тиглатпаласар уделял большое внимание военному делу, которое при его царствовании достигло больших успехов. Таким образом, первые годы своего правления он посвятил укреплению внутреннего положения страны и создал крепкий тыл для достижения побед в последующих завоевательных походах.

Тиглатпаласар и его преемники стали оставлять надписи на местах своих побед, которые вырезали на камнях на какой-нибудь возвышенности или горе, недалеко от захваченного города, обычно в таком месте, куда было трудно добраться.

В дальнейшем персидские цари стали подражать этому примеру. Так, например, бехистунская надпись, выбитая ими на недоступной скале, сохранилась до наших дней.

Благодаря надписям ассирийских царей и рельефным рисункам, которые на них вырезались, мы узнаем о их военных походах и победах.

Много походов совершил Тиглатпаласар I в разные страны. Первый из них — против воинственного племени мушков, которые пришли в начале XII в. до н. э. из Каппадокии (где они участвовали в разгроме хеттской державы) и поселились в верхнем бассейне Тигра, в непосредственной близости от главных ассирийских центров.

В труднодоступной горной области Тиглатпаласар I разбил пять племенных вождей мушков, собравших 20-тысячную армию. Он так говорит о своих победах: «Я увез все их имущество, несметную добычу, шесть тысяч воинов сдались мне в плен на мою милость. Я всех их увел и причислил к жителям моей страны». Самым

тяжелым был четвертый поход — в северные страны, к Армянскому нагорью, обширной горной стране, расположенной к югу, западу и востоку от оз. Ван. Ее народам пришлось близко узнать ассирийских завоевателей, которые неоднократно обрушивались на них, подвергая грабежу и разорению их селения и города, угоняя в Ассирию десятки тысяч пленных. Ассирийцы и называли эту страну Наири. Здесь в южной и юго-западной части обширного горного края, который простирается между цепями Кавказа и Тавра с их отрогами, лежат два красивейших озера — Ван и Урмия. Ван находится на высоте свыше 1500 м, а Урмия — около 1000 м над уровнем Средиземного моря; вода в них соленая. Г. Роулинсон так описывает оз. Урмия: «Удельный вес воды вследствие количества соли, которой она насыщена [в нем], очень велик; так велик, что судно, имеющее вместе с грузом сто тонн веса, погружается не более чем на три или четыре фута. Вследствие тяжести воды и бури не производят в озере большого волнения. Самый сильный ветер поднимает волны лишь на несколько футов, и как только буря утихнет, волны снова впадают в свой тяжелый, глубокий, мертвенный сон». Озера Ван и Урмия хорошо знали ассирийцы. Здесь и проходило войско Тиглатпаласара I. Следы его похода сохранились до наших дней.

Несколько западнее от оз. Ван на гладко обтесанной скале изображен этот великий царь с протянутой рукой, как бы указывающий победный путь своему воинству. В надписи Тиглатпаласар I пишет: «В те дни послал меня мой владыка — бог Ашшур в далекие царства на берегах Верхнего моря², которые не знали доселе ига. И вышел я в поход. По трудным дорогам, крутым переходам, в которые не проникал дотоле ни один царь, по непроложенным путям, по невиданным подъемам пришлось мне идти. Через горы... перешел я, по хорошим дорогам — ехал я на боевой колеснице, по плохим — прокладывал путь ударами топора... Мосты для прохода войска моего я прекрасно поставил...».

Основываясь на анналах Тиглатпаласара, можно предположить, что маршрут знаменитого похода 1114 г. до н. э. начинался в районе Диярбекера и далее был проложен на север, вплоть до южных берегов Черного моря.

Осторожно, поодиночке пробирались воины, опираясь на копьё, цепляясь за выступы скал одной рукой, а другой придерживая тяжелый круглый щит, неотъемлемую часть вооружения любого ассирийского воина. Много выдержки, ловкости и находчивости проявляли они во время таких тяжелых и изнурительных переходов.

Когда ассирийские войска достигли страны Наири, им пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением. «Двадцать три царя страны Наири собрали свои колесницы и войска, — рассказывает Тиглатпаласар I, — и выступили сражаться со мною... 120 колесниц их взял я в бою, 60 царей стран Наири преследовал я до берегов Верхнего моря... Их укрепленные города завоевал

я, их стада бесчисленных коней, мулов и телят и все бесчисленное достояние их пастбищ взял я...»

Укрепления в стране Наири воздвигали на недоступных вершинах гор и скал. Таким городом-крепостью был, например, Тушпа (совр. Ван) у оз. Ван. Он прилепился к подошве почти отвесной скалы. Единственная дорога поднималась здесь высеченными в породе уступами. Там, где природной защиты оказывалось недостаточно, искусство человека создавало стены с бойницами, поднимающиеся до самой вершины скалы.

Первые упоминания клинописных документов о Тушпе относятся к IX в. до н. э., но возник город, вероятно, раньше, возможно, еще во времена Тиглатпаласара. Окружающую местность урарты называли страпой Биаипа (отсюда название современного озера и города Ван).

У истока Тигра на скале были высечены рельефное изображение Тиглатпаласара I и краткая надпись о третьем походе в Наири. В то же время это один из древнейших из найденных до сих пор образцов ассирийского ваяния.

Тиглатпаласар I прошел западнее оз. Ван, обойдя недоступные твердыни на его берегах. Он был беспредельно горд своими походами, тем, что «прошел через стремительные ущелья, внутренность которых ни один царь до него не видал», что ходил «далеко и высоко», туда, где вообще не было никаких дорог.

Время от времени царь продолжал преследовать независимые государства в горах верховьев Евфрата и Тигра. Печальная участь постигла горные племена. В лесах на склонах гор лежали трупы местных жителей, были разрушены и разграблены селения. Царские семьи вместе с десятками тысяч пленных угнаны в Ассирию. Надписи Тиглатпаласара I говорят о богатой добыче: золотой и серебряной посуде, конях, колесницах, скоте и т. д.

Каждый их отрывок заканчивался обычно следующими словами: «Я увез их имущество, сжег селения их огнем, потребовал от них заложников, дани», или «Я наложил на них тяжелое ярмо моего владычества и повелел им каждый год мне приносить дань в мой город Ашшур», или «Я присоединил их земли к своей родной земле...», или, наконец, «Я помиловал их, наложил на них дань и привел под власть Ашшура, господя моего». Из одной покоренной страны он увез статуи «двадцати пяти богов» в свой город Ашшур.

Походы Тиглатпаласара I на север закончились успешно. По мнению И. М. Дьяконова, он был, по-видимому, единственным из ассирийских царей, дошедших до Черного моря, так как после образования государства Урарту такие походы были уже невозможны.

Далее Тиглатпаласар повествует о том, что все цари стран Наири живыми попали в руки ассирийцев. Однако царь поступил «великодушно» с пленными. Он «их помиловал, спас им жизнь... освободил их от плена и уз и заставил их принести присягу своим

богам на будущее время, навеки, на рабство». Он забрал в заложники лишь «сыновей, произведение их утробы», но после выплаты ими дани (1200 коней и 2000 голов крупного рогатого скота) также «отпустил в их страны».

Иначе сложилась судьба Сени — царя страны Дайаэни. Если цари остальных двадцати двух стран Наири покорно приняли владычество Ассирии и были также «помилованы и освобождены от плена», то Сени, «который не склонился перед богом Ашшуром», взяли в плен, связали и увели в Ассирию, в город Ашшур.

Правда, Тиглатпаласар впоследствии помиловал Сени и отпустил в Наири, чтобы он славил «великих богов» Ассирии за спасение своей жизни.

Покорив обширную территорию 23 стран Наири и 37 племен их причерноморских союзников, Тиглатпаласар I двинул свои войска в страну Мусру. Путь на Мусру проходил по труднодоступной местности, между горами Эламуни, Тала и Харуса. Военный поход ассирийцев осложнился еще и тем, что войска соседней страны Кумани пришли на помощь стране Мусру.

На горе Тала произошло ожесточенное сражение между войсками ассирийцев и куманийцев. 20-тысячная армия куманийцев — разгромлена. Ассирийцы преследовали врага до горы Харуса.

Обобщая результаты своего победоносного похода, Тиглатпаласар сообщает: «Обширными странами Наири до всех пределов их я овладел (и) склонил их к моим ногам».

На западе царь пересек Евфрат и покорил Амурру (т. е. Сирию), включая финикийское побережье. На обратном пути он получил дань от Илу-Тешуба, царя «Великой Хатти»³.

«Я не имел соперников в бою... — провозглашал Тиглатпаласар I. — Всего сорок две страны с их царями, от лесистых окраин, что за Нижним Забом, до земли Хатти за Евфратом и вплоть до Верхнего моря Заката (Средиземное море выше устья Оронта), рука моя покорила от начала моего царствования до пятого года моего владычества. Я заставил их говорить на одном языке, принял от них заложников и обложил их данью».

Тиглатпаласар I был не только царем-завоевателем, но также и дальновидным политиком. В результате победоносных военных походов он расширил границы своего государства и улучшил экономическое положение страны. Было построено много жилищ, царские склады наполнились зерном; на пастбищах паслись огромные стада диких коз, оленей, антилоп.

Много внимания и заботы проявлял царь, украшая свою столицу. Даже в периоды военных походов он отбирал лучшие породы деревьев и приказывал бережно выкапывать их из земли и в больших корзинах отправлять в Ассирию, где их сажали в царских садах и парках. [«Деревья эти (имеется в виду кедр), которые при царях, отцах моих, никто не сажал, я взял и посадил в садах моей родной земли; еще привез я драгоценные лозы садового винограда, каких у нас до этого не было, и обогатил ими земли Ашшуровы»].

Тиглатпаласар I строил дороги, остатки которых сохранились до наших дней. Горы и долины Ассирии, а также соседних стран в те далекие времена изобиловали дикими зверями, на которых царь устраивал большие охоты. Как явствует из его надписей, он лично убил четырех диких быков, а рога и шкуры увез «на память» в Ашшур. 120 львов убил, «стоя на своих ногах», а 800 — с колесницы. Охотился Тиглатпаласар и на слонов и даже ловил их, что считалось по тем временам исключительным подвигом. Не менее трудным делом была охота на страусов. Показательно, что шесть веков спустя греческие наемники, приведенные к берегам Евфрата персидским царевичем Киром, тщетно пытались нагнать во время охоты хотя бы одного страуса.

Тиглатпаласар I дошел до Финикии, захватил торговые города Библ, Сидон, Арвад и наложил на них дань. Он совершил плавание на арвадских кораблях по Средиземному морю. Это была первая морская прогулка в открытом море. В то время она имела большое политическое и международное значение. Ассирийский царь как бы вступал на путь освоения нового, морского плацдарма для достижения будущих военных целей.

Выдающиеся способности и энергия Тиглатпаласара I, его военные походы и завоевания укрепляли авторитет ассирийского царя. Его вынужден был признать даже фараон Египта: он прислал в дар Тиглатпаласару I крокодила и бегемота, очевидно с целью пополнения зверинца в столице Ассирийского царства.

Успехи Тиглатпаласара I, впрочем, оказались непрочными. Царь Вавилонии Мардукнадинахе обратил ассирийские войска в бегство, преследуя их до самой Ассирии, и захватил в городе Экаллатсе статуи богов, которые удалось вернуть лишь 418 лет спустя царю Синаххерибу. Однако, совершив несколько победоносных походов в Аккад, Тиглатпаласар I сумел захватить Сиппар и Вавилон.

Самые опасные враги Ассирии таились в обширных степях, расположенных к западу от Тигра, главным образом на восточных берегах Евфрата. Это были кочевые племена арамеев, которые еще и раньше угрожали Ассирии, а с этого времени стали совершать на нее свои опустошительные набеги. Тиглатпаласару удалось одержать над ними победу, оттеснить их на западный берег Евфрата.

Этими походами можно заключить повествование о деятельности одного из наиболее значительных царей Ассирии.

* * *

Преемники Тиглатпаласара I не сумели, впрочем, закрепить его успехи, и вскоре после смерти царя Ассирия приходит в упадок. Страна, ослабленная постоянными военными походами, была уже не в силах оказывать активное сопротивление вражеским набегам кочевников, утратила свое бывшее могущество и в течение 200 лет не занимала ведущего положения в Месопотамии.

От этого времени сохранилось очень мало надписей и памятников.

Хотя нам известны по именам все одиннадцать царей, правивших в XI—X вв. до н. э. (от смерти Тиглатпаласара I в 1077 г. до воцарения Ададнерари II в 911 г. до н. э.), но о внешней и о внутренней политике большинства из них мы почти ничего не знаем. Очевидно, ассирийским летописцам этой эпохи нечем было гордиться и они ограничивались краткими, стереотипными записями.

После смерти Тиглатпаласара I царем провозгласил себя узурпатор Ашареданпалкур. Однако законный наследник, сын Тиглатпаласара Ашшурбелкала, после упорной борьбы сумел овладеть престолом.

Период царствования Ашшурбелкала (1074—1057 гг. до н. э.) характеризуется рядом удачных военных походов в страну Наири. На третьем году его правления ассирийцы совершают победоносный поход на север и завоевывают страны Химме и Баргун (Машгун) ⁴.

Затем войска Ашшурбелкала пошли на северо-восток, пересекли Большой Заб где-то в его верховьях и здесь, на караванной дороге, ведущей к оз. Урмия, захватили Мус (Мусасир) с городом Аринун (Арину).

Позднее Ашшурбелкала совершает ряд походов против Уруатри (Урарту), в те же области, которые были завоеваны еще Салманасаром I, так как племенное объединение уруатри, воспользовавшись временным ослаблением Ассирии, стало вытеснять ассирийцев с территории, лежавшей к югу и юго-востоку от оз. Ван.

Ашшурбелкала победоносно закончил войну с Вавилоном и вновь установил над ним верховную власть Ниневии. Однако эти успехи были непрочными, и в дальнейшем его завоевательная политика сошла на нет.

О наследнике Ашшурбелкалы, его младшем брате Шамшиададе IV, известно лишь то, что он восстановил один из разрушившихся храмов. Краткие строительные надписи сохранились и от последующих царей. Из более поздних источников мы узнаем, что Ассирия утратила в эти годы все свои завоевания и царям IX в. до н. э. приходилось вновь покорять области, которыми владел когда-то Тиглатпаласар I.

Особенно опасными врагами Ассирии в этот период оказались арамеи. Эти воинственные кочевники прошли через всю Месопотамию, отрезая ассирийские военные колонии на верхнем Тигре от основных центров страны.

Что касается Вавилонии, то после Мардукнадинахе она приходит в упадок и подвергается опустошительным набегам со стороны тех же арамеев, а также появляющихся на исторической арене халдеев. Последние были семитскими элементами, пришедшими из Восточной Аравии и обосновавшимися на северном побережье Персидского залива, по соседству с Эламом. Основателями вави-

лонских династий XI—X вв. до н. э. были, как предполагают, вожди арамейских и халдейских племен.

Хеттской державы к этому времени уже не существовало, а Египет переживал глубокий упадок: к власти здесь приходили то фиванские жрецы, то ливийские наемники. В этой обстановке в Палестине и Сирии возникают новые государства, которые пользуются ослаблением великих держав и пытаются играть самостоятельную роль. Так, в Палестине возвышается Израильско-Иудейское царство, а в Финикии — торговая колония Тир, объединившая южную часть страны. К концу X в. до н. э. видную роль начинает играть сильное и богатое Дамасское царство, созданное арамеями.

Глава V

ВТОРОЕ ВОЗВЫШЕНИЕ АССИРИИ (НОВОАССИРИЙСКОЕ ЦАРСТВО)

Завоевательная политика ассирийских царей конца X в. до н. э. Тукультининурта II (890—884 гг. до н. э.)

В анналах двух ассирийских царей конца X в. до н. э. — Ашшурдаяна II и Ададнерари II — рассказывается о страшных бедствиях, которые принесли ассирийскому народу все предшествующие неудачные войны, сопровождавшиеся вторжением арамейских кочевников. Они вырезали все взрослое население, детей продавали в рабство, угоняли лошадей, забирали зерно. Однако нападения арамеев на государство слабых преемников Тиглатпаласара I приводили вместе с тем к тому, что при этом объективно создавались предпосылки нового возвышения Ассирии. Арамси постепенно оседали здесь, ассимилируясь с местным населением.

Во второй половине X в. до н. э. Ассирия вновь начинает выходить на историческую арену. Ее престол один за другим занимают могущественные цари¹.

Уже Ашшурдаян II (934—912 гг. до н. э.) и Ададнерари II (911—891 гг. до н. э.) с помощью ряда мероприятий сделали попытку преодолеть тяжелые последствия предшествующего столетия. Они строили города и укрепления, возвращали ушедших на чужбину ассирийцев и оказывали помощь крестьянству, снабжая его сельскохозяйственными орудиями, создавая большие запасы зерна и увеличивая поголовье лошадей.

Ададнерари II положил конец смутам, укрепил столицу Ашшур и двумя победами над вавилонскими царями, Шамашмудаммиком и Набушумукином I, решил в пользу Ассирии пограничные споры с Вавилоном.

Походы Ададнерари II, так же как Ашшурбелкала, начинались на севере, в районе гор Нибур (совр. Джуди-Даг). В 911 г. до н. э. его войска наносят сокрушительный удар по куманийцам, затем переправляются через Тигр и завоевывают Катмух, довольно развитую скотоводческую область с 40 поселениями. Здесь наряду с пленными и имуществом Ададнерари захватил также стада крупного и мелкого рогатого скота. Область Катмух вошла в состав Ассирии.

В октябре — ноябре 910 г. до н. э. Ададнерари начинает военный поход, на этот раз в страну Хабхи, в ходе которого ассирийцы покоряют Бази, Сорбалну, Дидуану и ряд других поселений страны Мехри, расположенных на берегу р. Руру (Мехри находилась, по-видимому, у истоков восточного Хабура, севернее Кумани).

Военные походы Ададнерари II на севере проходили по двум главным направлениям, причем в обоих случаях конечным пунктом была территория Кумани (в долине восточного Хабура).

Покорив эту страну, войска Ададнерари II двинулись дальше на запад, пересекли Тигр и победоносно вступили в область Катмухи. Затем они дошли до истоков Тигра, вступив на территорию области Алзи (Альше).

Таким образом, Ададнерари осуществлял свою завоевательную политику как на западе, так и на севере Месопотамии.

«Следует отметить, — пишет советский исследователь А. В. Арутюнян, — что походы Ададнерари II на север во всех случаях были направлены, очевидно, против могущественного племенного объединения Наири — Уруатри...»

Ожесточенные столкновения между войсками Ададнерари и наири-уруатритских вождей проходили, очевидно, с переменным успехом. Прекрасным подтверждением тому может служить признание самого Ададнерари, что он «четвертый раз ходил на страны Наири».

Сын Ададнерари II, Тукультининурта II (890—884 гг. до н. э.); также совершал походы на север. У истоков Тигра, как сообщает его сын Ашшурнасирапал II, он поставил столб со своим изображением рядом с рельефом Тиглатпаласара I. Тукультининурта II продолжает военные походы против племенного объединения Наири — Уруатри.

Первый его поход (885 г. до н. э.) в Наири проходил в трудных горных условиях. Выступив из Ниневии, армия ассирийского царя перешла через горы Кашйари, затем направилась к северу и северо-западу, прошла по западному берегу Тигра, продолжая наступление вплоть до страны Бит-Замани с центром Амеду (совр. Диарбекир). К северу от Бит-Замани ассирийские войска, по-видимому, встретили упорное сопротивление войск противника. В ожесточенной битве Тукультининурта II нанес сокрушительное поражение армии страны Бит-Замани, разрушил ее поселения, захватив богатую добычу. Аммебала, царь Бит-Замани, чтобы спасти свою жизнь, вынужден был «обнять ноги» Тукультининурты.

И царь Ассирии оказал ему «большую милость», разрешив вновь заселить покинутые поселения. В качестве дани и подати Бит-Замани передал Тукультининурте II бронзу, свинец, железо, а также коней и мулов. В анналах царя говорится и о том, что он получил из Наири серебро.

Покоренные Тукультининуртой II территории простирались от страны Шубару до Наири, т. е. от верховьев Тигра (начиная с гор Кашйари) до страны Бит-Замани с главным городом Амеду.

Девять походов Ашшурнасирапала II
(883—859 гг. до н. э.)

Энергичным ассирийским царем и видным полководцем был Ашшурнасирапал II. В первые годы своего правления Ашшурнасирапал подавил ряд больших восстаний некоторых арамейских племен, царьки которых вынуждены были платить дань Ассирии и принимать участие вместе с ассирийцами в военных походах против враждебных племен.

Ашшурнасирапал II принял ряд мер, чтобы обезопасить северные границы Ассирии и закрепить завоеванные территории.

Первый поход Ашшурнасирапал совершил на северо-восток, в страну Киррури, расположенную в верховьях Большого Заба. Отсюда он угнал стада, а также захватил медные сосуды и значительное количество вина.

Второй раз он двинулся на северо-запад, к истокам Тигра, в южную окраину страны Наири.

У реки Субнат, где были высечены изображения царей Тиглатпаласара I и Тукультиниурты II, Ашшурнасирапал приказал увековечить и себя в камне. Он восстановил также укрепления могучей ассирийской крепости Тушки на южном берегу Тигра.

Третий и четвертый походы были направлены на восток, в страну Замуа (верховья Малого Заба), а пятый — в страны Кутмухи, Хабхи и Замани (бассейн верхнего Тигра).

Шестой поход (879 г. до н. э.) Ашшурнасирапала II имел целью подавить мятежное арамейское племя Бит-Халупи (Бат-Хадиппи) на р. Хабур. Осуществив это, Ашшурнасирапал спустился по течению Хабура к Евфрату, овладел странами Хиндуни и Сухи (на границе с Вавилонией). Он подчинил Ассирии племена, населявшие эти области, и обложил их данью.

В Сухи Ашшурнасирапал столкнулся с войсками вавилонянина Набуаплаиддина, который считал эту страну своей провинцией. Вавилонские войска были разбиты, и спорная территория закреплена за Ассирией. Однако вскоре здесь вспыхнуло восстание, и ассирийский царь должен был снарядить седьмой поход для его подавления.

Восьмой поход он совершил в Бит-Адини (на запад от р. Хабур). Овладев штурмом могучей крепостью Капраби, Ашшурнасирапал учинил жестокую резню ее защитников. Правитель Бит-Адини, Ахуни, подчинился Ассирии и уплатил дань.

Теперь ассирийцам была открыта дорога к Средиземному морю. Туда и был снаряжен следующий, девятый поход. Переправившись через р. Евфрат при помощи плотов из надувных мехов, ассирийское войско вошло в город Кархемиш, столицу небольшого, но богатого царства. Его царь, Сангара, покорился без боя и уплатил огромную дань изделиями из золота, 20 талантами серебра, 100 талантами меди и, главное, 250 талантами железа. Последнее об-

стоятельство свиде-
тельствует о том, что
здесь уже начался же-
лезный век.

Кроме того, асси-
рийскому царю были
преподнесены ложа и
кресла из самшита, до-
рогие одежды, пурпур-
ная шерсть, бивни сло-
нов и много других
ценных даров.

В дальнейшем Аш-
шурнасирапал также
не встречал сопротив-
ления. Его походы бы-
ли подобны триум-
фальному шествию.
Цари и князья торопи-
лись откупиться от ас-
сирийцев дарами и по-
корно предоставляли
свои войска в распоря-
жение царя Ассирии.
Богатые финикийские
торговые города — Тир,
Сидон, Библ и Арвад —
также прислали ему
дань.

Перейдя Оронт, Аш-
шурнасирапал превра-
тил г. Арибуа в ас-
сирийскую военную ко-
лонию, призванную
защищать пути к Сре-
диземному морю. Затем
он поставил себе стелу
у р. Нахр-эль-Кельб
рядом с рельефами еги-
петского фараона.

На стеле высечены
слова: «Я прошел вдоль
Ливана, я пошел к Ве-
ликому морю страны
Амурру. В Великом мо-
ре омыв свое оружие...
я принял подать царей
морского берега: Тира,

Статуя царя Ашшурнасирапала II. Лондон.
Британский музей

Сидопа, Библа, Махаллата, Маиса, Кайца, Амурри и Арада, что внутри моря, из серебра, золота, свинца, меди, сосудов бронзовых, пестрых тканей, полотна, большого и малого зверя, стволов клена и боксита...»

О Дамаске, бывшем в то время мощным торговым и вольным городом-государством, Ашшурнасирапал не упоминает. Он умышленно двигался на запад северным путем, чтобы обойти владения Дамаска, не желая вступать в борьбу с могущественным гегемоном Сирии. Ассирийские войска не вступили в пределы Палестины, так как она находилась под защитой Дамаска.

У Ашшурнасирапала мы впервые встречаем упоминание о халдеях («успехи моего оружия наполнили ужасом землю халдеев»). Халдеи населяли области, примыкающие к Персидскому заливу, и разделялись на множество малых патриархальных объединений, управляемых родовыми шейхами, которые, очевидно, первоначально были старейшинами родов. Самое крупное объединение образовал род «Бит Якин» («Дом Якина»). Владыки этого «дома» превосходили всех прочих богатством и влиянием. Поэтому, когда вспыхнуло восстание, эти владыки были признаны вождями. Трудно установить, когда именно все племена халдеев сплотились в одно, под предводительством единого вождя. Скорее всего, это произошло примерно в XI в. до н. э., когда Ассирия вновь на время ослабла. Клинописные документы говорят нам о том, что Ново-Вавилонское царство, в котором господствовала халдейская военная знать, сумело к этому времени добиться высокого экономического и культурного расцвета.

Ашшурнасирапал II царствовал 25 лет. Это был талантливый военачальник и вместе с тем один из самых жестоких правителей. В своей борьбе он преследовал те же цели, что и его предшественник Тиглатпаласар I.

Академик В. В. Струве так писал об Ашшурнасирапале: «Арамейские кочевые племена и их борьба за господство над городами Сирии и следовавшая за захватом власти эксплуатация оседлого населения сопровождалась большими жестокостями и вели вместе с тем к культурному регрессу... Поэтому понятны также и ответные жестокости Ашшурнасирапала Второго и его преемников в борьбе с кочевниками и их союзниками. Во всяком случае, походы ассирийских царей ослабили натиск на культуру Ассирии и Сирии от грозившего ей упадка».

Была найдена подробная летопись деятельности Ашшурнасирапала. Вот как он говорит в ней о себе: «Я царь, господин могучий, почитаемый господин, первый отважный лев и богатырь Ашшурнасирапал, могущественный царь и владыка Ашшура».

В Государственном Эрмитаже в Ленинграде хранится рельеф, изображающий Ашшурнасирапала II. Он могуч, суров, выражение его лица жестоко. Фигура его напоминает ассирийского богатыря: руки кулачного бойца, сильные ноги, могучее тело. На рельефе он изображен шествующим впереди главного бога — Аш-

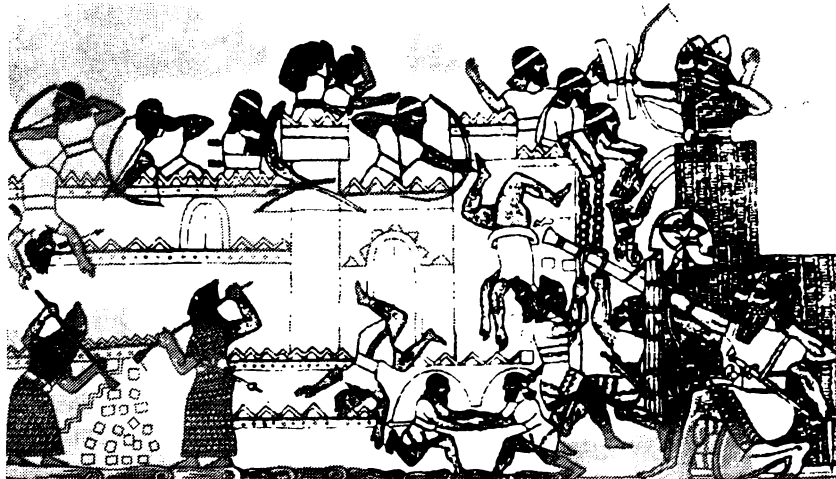

Данники. Рельеф из дворца царя Ашшурнасирапала II в Калахе.
Лондон. Британский музей

шура. Царь — в воинском одеянии, в одной руке он держит лук, в другой — стрелы, а за поясом у него торчит кинжал.

Благодаря завоеваниям Ашшурнасирапала владычество Ассирии утвердилось на севере, а на западе значительно расширились ее границы. Это позволило сыну и преемнику Ашшурнасирапала, Салманасару III, направить свои устремления в Сирию, которая открывала путь к Палестине.

Энергичные действия Ашшурнасирапала внушили страх жителям покоренных им областей. Они уже не отваживались сбросить с себя гнет Ассирии.

Осада крепости. Рельеф из дворца царя Ашшурнасирапала

*Строительная техника, культура и быт Ассирии
при Ашшурнасирапале II*

Завоевательные походы ассирийцев привели к обогащению Ассирии. Старый город Ашшур показался теперь ассирийским владыкам бедным и маленьким.

Ашшурнасирапал решил перенести свою резиденцию в новое, более удобное место. Он обратил внимание на старинное местечко Калах (Кальху), стоявшее на р. Тигр, выше впадения в него широкого и полноводного Большого Заба. Оно было основано еще в XIII в. до н. э. Салманасаром I, но выстроенный здесь дворец ко времени Ашшурнасирапала разрушился.

Ашшурнасирапал предпринимает в Калахе обширные строительные работы. Остатки старых сооружений были снесены, на их месте создана большая площадь, которую застроили великолепными сооружениями. Здесь вырос царский дворец, храмы богам и высокий зиккурат.

Все здания дворца в Калахе занимали квадратную площадку, размером примерно 70×70 м, в центре находился также квадратный двор (30 м^2). По сторонам группировались большие залы, представлявшие в плане продолговатые, узкие прямоугольники, а также маленькие комнаты. Центральный фасад выходил на север. Отсюда открывался вход в главный зал, предназначенный для торжественных жертвоприношений, о чем свидетельствует большой жертвенник. Позади него тянулся второй зал, меньшего размера, также ритуального назначения.

На восток от центрального двора находился зал для пиршеств

и комната, служившая, по-видимому, «рабочим кабинетом» царя. В северо-восточном углу располагалась небольшая царская спальня.

В западной части дворца размещался, как предполагают, гарем, а в южной находилась баня, о чем свидетельствуют плиты с отверстиями для стока воды и остатки трубопроводов.

Во время строительства соблюдались все принятые в те времена церемонии. Прежде всего с помощью гадания определялся наиболее удобный для начала постройки день. Ответ богов считался решающим, и в указанный ими день назначалась закладка, сопровождаемая религиозным церемониалом. В торжественной процессии воины несли на щитах статуи всех главных богов: Ашшура, Иштар, Эа, Адада и др. Жрецы и остальные воины сопровождали процессию, исполняя гимны и играя на музыкальных инструментах. После этого начиналось жертвоприношение богам. Богослужение было особенно пышным: поэтому его совершал сам царь, он же верховный жрец, одетый в парадную форму. Жрецы помогали царю, передавая ему предметы для жертвоприношения, которое совершалось по очереди перед каждой статуей бога.

Первый жертвенник напоминал своей формой стол и был богато украшен золоченой резьбой. На этот жертвенник ставили сосуды с хлебом и плодами. Особые жертвы приносились богу из плодов той земли, которую он дал служителю своему, царю Ассирии.

Второй жертвенник — высокий светильник, на котором ярко пылал священный огонь бога Нуску, истребителя всяких демонов и наводнений. Здесь сжигали фимиам, жир и мясо жертвенных животных.

Третий жертвенник — своеобразная чаша, на которой приносили жертвы божеству возлиянием священной воды (она содержалась во всех храмах в огромной медной чаше), масла и вина.

Чаша для священной воды ставилась на 12 ножках в форме крылатых быков. Они символизировали 12 созвездий, через которые в течение года проходит солнце и на которых покоится небесный океан, вместилище священной воды.

Сам царь Ашшурнасирапал I становился перед жертвенниками в молитвенной позе. В одну руку он брал светильник, зажигая его от священного огня, а в другую — чашу для возлияний. Поднимая молитвенно руку к небу, он громко и властно произносил традиционную молитву: «О Ашшур, мой господин, могучий царь богов, всеведущий вершитель судеб! Будь со мною, пока я буду созидать этот дом, укрепи меня, Ашшурнасирапала, царя, который построил тебе вечные храмы, продли царство мое на долгие дни!» Потом царь черпал священную воду из чаши, которую подносил ему стоящий позади жрец, и совершал возлияние божеству, произнося положенную молитву. Хор жрецов и музыкантов исполнял торжественный гимн Ашшуру, повторяющийся после каждого последующего жертвоприношения.

Царь Ашшурнасирапал II, совершающий возлияние.
Фрагмент рельефа из дворца Ашшурнасирапала в Калахе.
Лондон. Британский музей

После бескровных жертв начинались жертвы кровавые. Жрецы вели к жертвеннику быка; он упирался, но сильные руки хватали его, ловким ударом рассекали горло. Отчаянный рев животного заглушался звуками музыки. Опытные жрецы разделявали тушу, вынимали трепещущее еще сердце и печень и рассматривали их. Царь брал из рук жрецов куски мяса и жира, полагающиеся богу, и сжигал их на жертвенном огне, произнося при этом молитвы. После этого к жертвеннику вели овец и козлят. Лилась кровь, смрадный чад от сжигаемого жира и мяса наполнял воздух угаром. Только после этой процедуры начиналась закладка фундамента.

По углам фундамента и под пороги клали разные фигурки, похожие на изображение демонов. Их назначение — отгонять своим страшным видом от будущего здания злых духов, всякие болезни и напасти. В фундамент закладывались глиняные цилиндры и небольшие камни разной формы, на которых высекали заклинания против тех же демонов, а также каменные плиты с надписями о времени закладки и именем царя, в правление которого сооружалось здание.

После этого приступали к строительству. Строительного материала у ассирийцев было гораздо больше, и он был прочнее, чем у вавилонян или шумеров. Западные склоны Загра находились на

территории Ассирии, так что никто не мог воспрепятствовать ассирийским царям добывать оттуда камни в неограниченном количестве.

Однако в Ассирии камень использовался в сравнительно небольшом количестве. Доставка каменных глыб в столицу была трудоемким делом, требовала больших расходов и рабочей силы.

Поэтому камень шел главным образом на фундаменты, внутреннюю облицовку стен, изготовление статуй богов, гениев и героев, которые должны были охранять и украшать сооружения.

Стены же дворцов и храмов, как у шумеров и вавилонян, возводились из кирпича, смешанного с соломой и высушенного на солнце; в небольшом количестве изготовлялся обожженный кирпич без применения соломы, который шел на облицовку.

Дворец выстроен. Теперь его необходимо защитить от демонов. Для этого у дверей и по углам стен выставляли вызывающие страх фигурки, а на стенах писали заклинания.

Однако ассирийские цари этим не довольствовались. Мало было не допустить к новому сооружению злых духов, надо еще принять такие меры, чтобы в нем поселились и все время оберегали его духи добрые. Мы уже знаем, что вера в таких домашних духов-покровителей существовала с древнейших времен, их часто призывали в гимнах богам Ану, Баэлу и в заклинаниях.

В развалинах дворца Ашшурнасирапала, а также его преемников было найдено несколько статуй и множество рельефов на камне. Чудовищные по своим размерам статуи поражают тщательностью и изяществом отделки. Тонко обозначены линии шеи, перьев, из которых составлены крылья, завитки бороды и усов, кольца хвоста у гениев-хранителей. Но особенно тщательно подчеркивались мускулы ног.

У крылатых чудовищ не четыре ноги, а пять. Это делалось для того, чтобы зритель, с какой бы стороны он ни смотрел, видел непременно четыре ноги. Если смотреть сбоку — крылатое чудовище идет; если смотреть спереди — стоит. Так всегда поступали художники, высекавшие статуи для дворцов ассирийских владык. Не только фигуры гениев, но и львов, найденные в одном из ассирийских дворцов, имеют пять ног. Крылатые быки считались гениями — стражами ворот. Размеры их были огромны, но морды — добродушны.

Во дворце Ашшурнасирапала была найдена статуя гения-покровителя. Это чудовище (хотя и не таких больших размеров, как быки), крылатая фигура которого имеет тело человека и голову орла или ястреба; в одной руке у него корзина, в другой — плод, который чудовище как бы протягивает царю. На корзине изображено дерево жизни, плоды с которого собирают и кладут в корзиночки два гения, — копии того, что высечен на большом камне.

Таким образом, крылатый дух с головой ястреба должен был изображать хранителя жизни царя. С дерева жизни могли вкушать

плоды только боги; но ведь ассирийские цари считали себя сыновьями богов, подобными им, и верили, что они так же достойны этих плодов, как и боги.

Мастеров было немало. Резчики работали над отделкой фигур крылатых быков, львов и над гением дерева жизни, полировали каменные плиты для украшения стен дворца и вырезали на них рельефные картины.

Одна из них изображала осаду крепости, к которой придвинули таран, окованный спереди медью и заканчивающийся изображением головы дикого зверя; под разрушительными ударами тарана в стене крепости образовалась огромная брешь. На другом рельефе осажденные ловким маневром сумели зацепить таран крюками и отвести его в сторону. А вот завершающая сцена сражения: враги бегут, но безуспешно; меткие стрелы ассирийцев поражают одного за другим.

На заключительных рельефах — торжество победителей. Ассирийские воины вырубают после победы драгоценную пальмовую рощу, а побежденные несут дань победителю. Здесь есть буквально все, начиная от простой муки и зерна и кончая обезьянами.

Ашшурнасирапал любил охоту. Поэтому художники, украшающие рельефами дворец ассирийского царя, часто изображали охотничьи сцены, которые им особенно удавались. Они были необычайно реалистичны по своему исполнению, полны жизненной правды, великолепны в деталях. Особенно естественны дикие звери, которые оставляют большое художественное впечатление. Они воспроизведены точнее, чем люди, мускулы у них нарочито выпуклы, фигуры всегда даны в профиль.

Любовь художников к природе, их глубокие знания, приобретенные в походах, где на месте событий они находили и изучали сюжеты будущих изваяний, — все это способствовало созданию ими прекрасных работ.

Ассирийский царь изображался пешим и на колеснице. Он — мужественный охотник, стремительно нападающий на диких зверей. Телохранители царя — далеко позади; они зорко наблюдают за ходом охоты, держа наготове копьа и стрелы, готовые в любую минуту прийти на помощь своему повелителю.

Вокруг царского дворца и храмов, которые были обнесены высокой стеной с башнями и медными воротами, расположились дома жителей Калаха. Превратившись из маленького местечка в царскую резиденцию, Калах привлек множество народа. Большая слобода заселилась людьми, состоящими у царя на службе, воинами, чиновниками и мастерами всякого рода. Но в Калахе стало селиться и немало торговых людей, отчасти из Ассирии, но больше всего из Вавилона и Сирии. Огромная военная добыча, состоявшая из всевозможных предметов и продуктов, не складывалась ассирийцами в сундуки: они старались как можно скорее продать все, что только возможно было обратить в драгоценный металл.

На улицах Калаха всегда шел оживленный торг. Приезжие и

местные купцы запасались самыми разнообразными товарами, скупая ассирийскую военную добычу, и сбывали свои товары, по большей части предметы первой необходимости и домашнего обихода, различные продукты, материю. Владельцы ткацких мастерских в Борсиппе и Вавилоне были одними из самых частых посетителей Калаха. Воины составляли себе продажей добычи целые состояния, которые тут же обращались в дело: у судей и торговых посредников («нотариусов») постоянно толкались посетители, оформлявшие куплю-продажу земель, домов, садов, занимавшие и дававшие в долг деньги, закладывавшие и принимавшие в залог имущество. Некоторые воины, напротив, стремились положить серебро и золото на хранение в безопасном месте и получать с них проценты. Для этого приходилось отправляться в Вавилон или в Ниппур, где существовали большие банкирские дома; либо в храмы, жрецы которых охотно занимались ростовщичеством.

Среди съезжающихся в Калах купцов можно было встретить людей из разных мест, немало было здесь и представителей плененных народов, переселенных после ассирийских набегов на берега Тигра.

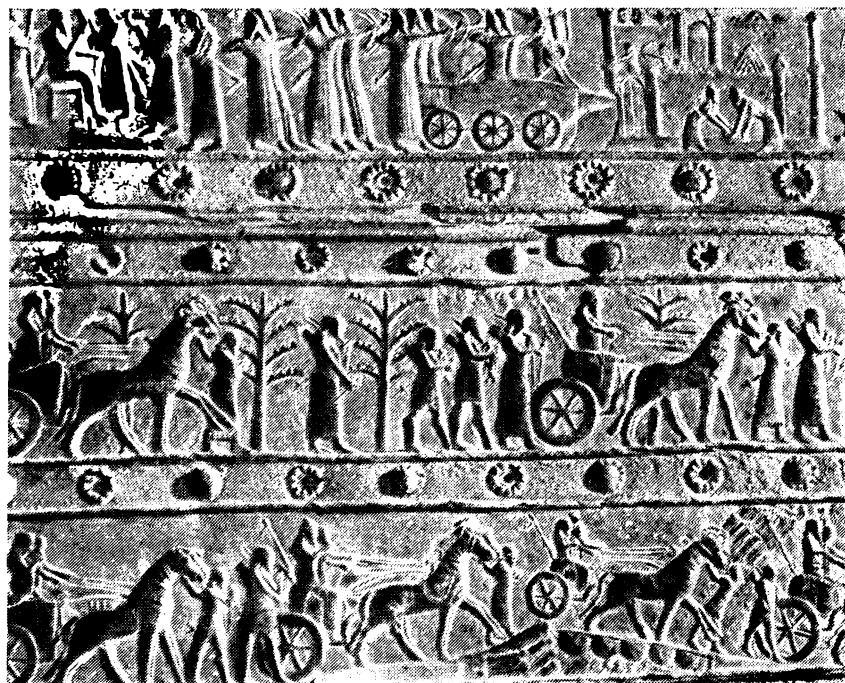
Ашшурнасирапал прорыл большой канал для подачи чистой ключевой воды с гор прямо в город и на окрестные поля через созданные плотины и шлюзы.

Новая столица росла быстро: на огромном строительстве работали десятки тысяч пленных, привезенных из-за Евфрата. Вот как представлял себе это Г. Роулинсон: «Дворец за дворцом воздвигались на высокой платформе, блистая позолотою, живописью, глазуровкой, ваянием и резьбою, стремясь затмить великолепием все прежние постройки, между тем как каменные львы, обелиски, храмовые башни и святилища разнообразили и скрашивали убийственную монотонность местности. Высокий зиккурат, вздымавшийся над этой массой дворцовой и храмовой архитектуры, придавал ей художественное единство. Тигр, огибая всю западную сторону платформы, отражал все эти строения и, оптическим обманом удваивая высоту их, сглаживал единственный недостаток ассиро-вавилонского зодчества. Когда закат зажигал в небе те пышные краски, которые можно видеть только на Востоке, Калах должен был казаться путнику, впервые созерцавшему его с долины, видением из волшебного мира».

*Правление царя Салманасара III
(858—824 гг. до н. э.).*

Походы Шамшиадага V и Ададнерари III

Завоевания царя Ашшурнасирапала были в значительной мере превзойдены его сыном Салманасаром III. Подобно своему отцу, он регулярно совершал военные походы то на север — в Наири, то на восток — в Мидию, то на юг — в Халдею и, наконец, в Сирию

Поход царя Салманасара III в Северную Сирию.
Фрагмент рельефа ворот дворца в Балавате

и Амман. Здесь он даже продвинулся дальше, чем его предшественники. Ассирия при Салманасаре достигла наибольшего могущества. Она простиралась от истоков Тигра до Ливанских гор и Средиземного моря.

В течение 34-летнего царствования Салманасар III совершил 32 похода. Как и другие ассирийские цари, он вел борьбу на всех границах Ассирии. Прежде всего это были северные племена Наири. Объединившись, они образовали государство Биайну во главе с царем Араму, которое в ассирийских летописях именуется Урарту. Об этом сообщает Салманасар III уже в первый год своего правления. Образование централизованного государства создало благоприятные условия для роста военной мощи Урарту. Уже в период правления царя Араму растет сопротивление ассирийцам урартского объединенного войска. Однако молодое урартское государство не в состоянии еще было противостоять Ассирии, которая наносит ей одно поражение за другим. Так, в 859 г. до н. э. ассирийская армия совершает ряд победоносных походов против Урарту. На севере Салманасар захватил укрепленный город Ариду. Ассирийцы жестоко расправились с войсками и населением этого города, после чего все соседние племена поспешили принести по

Поход царя Салманасара III в Северную Сирию.
Фрагмент рельефа ворот дворца в Балавате

винную Салманасару. Здесь, в Ариду, ассирийский царь принял дань от семесийцев, улашийцев и представителей других племен и областей.

После Ариду Салманасар продолжает свой поход к западу от оз. Урмия, двигаясь по труднодоступным горам Джелу-Даг и Акаран-Даг. В этом тяжелом походе ассирийцы проявили исключительное мужество, выносливость и силу. Успешно перевалив через горы, армия Салманасара вступает в область Хубушкиа — владение Урарту. Все население этой огромной территории (на юг, юго-запад и запад от оз. Урмия) не оказывает Салманасару никакого сопротивления. Отсюда ассирийцы продвигаются в глубь страны, захватывают крепость Сугуни и предают огню 14 окрестных поселений. Еще не окрепшее войско Араму снова потерпело крупное поражение, понеся большие потери в живой силе.

Походы Салманасара продолжались и в последующие годы его правления. Так, через три года, в 856 г. до н. э., Салманасар во главе своей армии снова совершает поход на север и северо-запад, покорив целый ряд областей Наири.

Надпись Салманасара на монолите из Тушхана повествует о том, что он захватил всю область Энзите. Здесь же был изготовлен

огромный обелиск Салманасара III с надписью, свидетельствовавшей о его подвигах, который был установлен в поселении Салуру, недалеко от места слияния р. Арацани с Евфратом.

Самое крупное и тяжелое поражение войска Араму понесли в горах Аддуру. Здесь после ожесточенного сражения ассирийцы нанесли сокрушительное поражение урартской армии. 3400 воинов-урартцев было убито. Салманасар разрушил военный лагерь царя Араму, увел его колесницы, всадников, лошадей, мулов, а также захватил богатое имущество. Царский город Арзашку был сожжен.

Многочисленные военные походы Салманасара в Урарту и жестокое поражение армии еще не окрепшего государства сильно расшатало его основы. Подлинное возвышение этого государства началось позднее и было связано с именем знаменитого царя Урарту Сардури I. В период правления Сардури появились первые надписи урартских царей на ассирийском языке. Создание же Урарту открыло новую эру в истории объединенного молодого государства.

Согласно летописям Салманасара, в 859 г. до н. э. он перешел Евфрат на плотах и собрал дань с царей Сирии. В течение последующих четырех лет было совершено еще четыре похода, которые завершились победой над царем Ахуна. Он был взят в плен, а его царство прекратило существование.

Салманасар же продолжал свои завоевательные походы. Он опустошил оба берега Евфрата и, захватив укрепленные города, переселил их жителей в Ассирию. Названия захваченных городов были изменены, а во главе их поставлены ассирийские наместники.

«В свой десятый поход,—сообщает в летописи царь,— я в восьмой раз перешел Евфрат, разрушил Кархемыш, я истребил их войска. 12 царей выступили против меня, чтобы сразиться со мной, я вступил с ними в бой и победил их. Я взял в плен их колесницы, их конницу и их оружие. Цари разбежались, чтобы спасти свою жизнь...» Этот поход был особенно важным, так как г. Кархемыш имел большое стратегическое и торговое значение. Царь Кархемыша не только признал власть Ассирии, но и послал Салманасару богатые дары золотом, серебром, бронзой, тканями и скотом, а также свою родную дочь вместе с дочерьми ста высокопоставленных вельмож.

После этого, перейдя реку Оронт, ассирийцы двинулись через всю Северную Сирию и, преодолев Аманские горы, спустились в Киликию. Вскоре царь с богатой добычей возвратился обратно к Евфрату, где получил присланную дань от «заморских царей» и царей берегов Евфрата. Далее в летописи сказано, что Салманасар восемь раз «рубил кедр в горах Амана», двадцать четыре раза лично перебирался с войсками через Евфрат, причем даже в период большого половодья, что, естественно, создавало дополнительные трудности войскам («...В одиннадцатый поход вышел я из Ниневии, в девятый раз перешел Евфрат на плотах. Я пошел к го-

рам Амана, захватил 92 города и увел оттуда пленных жителей. 10 тысяч воинов врага пали от удара моих воинов...»).

В ожидании нового ассирийского нашествия цари и князья Сирии и Финикии вновь создают коалицию против Ассирии. Во главе ее стал властитель могущественного Дамасского царства — Ададидри. Его союзниками были: царь Хамы — Ирхулина, царь Израиля — Ахав, царь Арада — Матипбаал, царь Сиены — Адонибал, царь арабов — Гиндибу и царь Киликии. Этот оборонительный союз решил упорно сопротивляться наступлению ассирийцев на западе.

Царь Дамаска Ададидри выделил 12 000 колесниц, 12 000 всадников и 10 000 пехотинцев; царь хаматский поставил 700 колесниц, 700 всадников и 10 000 пехотинцев; израильский царь — 21 000 всадников и 10 000 пехотинцев. Кроме этого еще девять царей (арвадский, аравийский, аманский и др.) снарядили свои отряды, направив с ними 1000 верблюдов. Страх перед Ассирией был так велик, что даже египетский фараон решил помочь новому союзу, прислав 1000 воинов. Коалиция была очень мощной, хорошо вооруженной и единодушной в своем стремлении добиться победы над Ассирией. Их вера в эту победу была так велика, что они сами решили начать войну и двинулись навстречу ассирийским войскам.

Салманасар лично руководил военными действиями против коалиции. Взяв г. Алеппо, торговый центр, славившийся своими замечательными садами, он преследовал войска союзников до г. Каркар, недалеко от р. Оронт, у степ которого в 854 г. до н. э. началась ожесточенная битва. Против ассирийцев выступило 60 тыс. воинов союзнических армий. Вот как описывает Салманасар битву при Каркаре: «Могучею, дарованною мне владыкою Ашшуром ратью, сильным оружием, представляемым мне моим заступником, богом Нергалом, я сразился с ними. На пространстве между Каркаром и Гильзаном я нанес им поражения. 20 500 войска их победил я оружием своим, подобно богу Ададу, я разгромил их».

На самом деле победа, которую приписывал себе Салманасар III, была весьма сомнительной. О своих потерях ассирийский царь благоразумно промолчал, но, по-видимому, они были весьма велики. Ассирийские войска не только не двинулись далее на Дамаск, но вынуждены были вернуться обратно, в Ассирию. Поэтому некоторые историки считают, что битва при Каркаре фактически окончилась поражением Ассирии.

Через некоторое время Салманасар вновь пошел на Дамаск. Ведь он был ключом к Палестине, завладев которой можно было захватить богатую долину Нила в Египте. Однако несколько последующих походов не дали желаемых результатов.

В это время среди врагов Ассирии начались раздоры. Ахав — царь Израиля — вышел из союза и был убит во время сражения с царем Ададидри при Рамот-Гилеаде. Несколько лет спустя сын и преемник Ахава — Йорам был свергнут и убит в результате дворцового переворота, а все его многочисленное семейство (70 чело-

лек) уничтожено. Новый царь Израиля Иегу (Ииуй) подчинился Ассирии и прислал Салманасару III богатые дары.

Вскоре смерть настигла и Ададидри. Один из его приближенных, по имени Газаил, воспользовавшись тяжелой болезнью царя, придушил его мокрым одеялом. После этого убийце удалось захватить престол.

Таким образом, коалиция против Ассирии оказалась непрочной, не выдержала испытаний временем и распалась. Этим обстоятельством Салманасар не замедлил воспользоваться и вновь обрушился на Дамаск. В 834 г. до н. э. во главе 120-тысячной армии он перешел Евфрат и двинулся на город.

Вот как повествует царь в своей летописи об этом походе: «На восемнадцатом году своего правления я в шестнадцатый раз переправился через Евфрат. Газаил Дамасский уповал на многочисленность своей рати, которую он собрал в большом числе. Он окопался на Сенире, одной из горных вершин Ливана. Я вступил с ним в бой и победил его. 6000 воинов его я перебил при помощи оружия, 1121 боевую колесницу и 470 всадников вместе с их лагерем я отобрал у него. Чтобы спасти свою жизнь, он бежал. Я же преследовал и осадил его в столице Дамаске. Окружавшую город рощу я повелел вырубить. Бесчисленное множество городов разрушил, опустошил я, и без числа была моя добыча, а именно: серебро, золото, золотые чаши, золотое жертвенное блюдо, золотые кубки, золотые ведра, свинец, драгоценное дерево разных сортов (пород)».

Дамаск не пал, но сильно был ослаблен. Израиль, Тир и Сидон покорились Салманасару и принесли ему дань. Даже египетский фараон признал могущество Ассирии, прислав царю в дар двух верблюдов и бегемота, а также других диковинных животных.

Больших успехов добился Салманасар в борьбе с Вавилоном. Его поход в Вавилонию завершился в Приморской стране у берегов Персидского залива. Таким образом, вся страна была покорена.

Племена страны Наири, несмотря на успех первых походов туда Салманасара, продолжали упорную борьбу с Ассирией. В трудных горных условиях ассирийским полководцам приходилось воевать с сильными войсками царя Сардури. Несмотря на то что 50 городов Урарту были преданы грабежу и разрушению и ассирийские войска вторглись в пределы страны, они так и не одержали окончательной победы. Это был последний, тридцать второй поход Салманасара.

Салманасар стремился установить свое господство во всей Передней Азии. Об этом говорит воздвигнутый им в Калахе большой четырехгранный обелиск из черного диорита, высотой выше двух метров. На всех его четырех сторонах вырезаны надписи о многочисленных завоевательных походах ассирийского царя и различные связанные с ними изображения. Обелиск дает нам

возможность судить о военных походах и мирной деятельности Салманасара III.

На нем изображены послы иноземных стран со всех четырех стран света, приносящие разнообразную дань ассирийскому царю. В пяти рядах рельефных изображений проходят перед нашими глазами все покоренные народы. Их представители ведут слонов, верблюдов, быков, обезьян, львов, несут дань в корзинах, на лотках, на плечах. Надпись сообщает подробные сведения об этой дани.

Здесь слитки золота, серебра, свинца, куски железа, кожи, металлические изделия, леп, льняные изделия, слоновая кость, драгоценное дерево кедр.

Всю эту дань принимает лично царь в сопровождении двух своих телохранителей. Среди данников мы видим посла израильского царя, который также вынужден поклоняться ассирийскому владыке.

Владельцем всей добычи, захваченной в военных сражениях, был сам царь. И он уже делился ею со своими воинами по установленному в Ассирии порядку. Каждый участник похода — воин получал часть добычи в соответствии со своими заслугами, а заслуги устанавливались по числу голов, отрезанных солдатами у убитых врагов.

Ранее было уже сказано, как Лэйярду и Рассаму удалось откопать этот обелиск в центре Нимрудского кургана.

Салманасар III оставил потомкам еще один чрезвычайно интересный и единственный в своем роде памятник — Балаватские ворота. О. Рассам так описывает этот памятник: «В 1887 г. в кургане, по названию Балават, километрах в 15-ти на восток от Мосула и около 9-ти от Нимруда я нашел несколько полос мед-

Балаватские ворота. Реконструкция

ной обшивки с какого-то мне неизвестного ассирийского памятника. Медь (вернее, бронза) была сильно повреждена от долгого лежания под землею. Верхняя часть была на глубине 3—4 футов над поверхностью земли, нижняя — в 15-ти. Предмет этот теперь находится в Британском музее. Полагают, что эта обшивка огромных двухстворчатых ворот толщиной, должно быть, в четыре дюйма, как видно по загибу гвоздей, которыми листы были прикреплены к дереву.

На обшивке Балаватских ворот изображены рельефы и сцены из военных подвигов армии Салманасара. Могучее ассирийское войско было отлично организованной, военной армией, с прекрасным вооружением и крепкой воинской дисциплиной, в которой воплощалась сила и победоносность ассирийской военной организации. Этот памятник имеет важное историческое значение и весьма интересен с художественной точки зрения».

Жестокость ассирийского войска вызывала у побежденных народов жгучую ненависть к поработителям. При первой же возможности покоренные народы восставали, и ассирийцы были вынуждены усмирять их.

Так, в 832 г. до н. э. жители Хаттины (государства на Оронте) свергли своего царя Лубарну, сторонника Ассирии. Салманасару пришлось послать туда своего полководца и поставить нового царя. В основном же дальнейшее царствование Салманасара было спокойным. Вавилон стал вассалом Ассирии; сыновья его царя — Набуаплаиддина, воевавшего с Ашшурнасирапалом, перессорились между собой. Один из них признал Салманасара и был посажен на вавилонский престол.

Последние годы своей жизни Салманасар провел в Калахе, занимаясь строительной деятельностью. Он закончил зиккурат, сооружение которого началось еще при его отце.

Но мир в стране продолжался недолго. Старший сын Салманасара, Ашшурданинаплу, поднял в 827 г. до н. э. восстание против отца, охватившее более 27 городов царства. Смуты эти, по-видимому, были поддержаны земледельцами, которые испытывали большие тяготы из-за непрерывно продолжавшихся войн.

Ашшурданинаплу не удалось удержать власть в своих руках. Престол захватил другой сын Салманасара — Шамшиадад V (823—811 гг. до н. э.).

Утвердившись на престоле и подавив восстание своего мятежного брата, он возобновил активную завоевательную политику на северной и восточной окраинах своей державы.

Главным противником Ассирии оставалось царство Урарту, которое значительно усилилось в правление его нового царя — Ишпуини. Этот властитель окончательно объединил разрозненные урартские племена и пытался овладеть территорией Западного Ирана, к югу от оз. Урмия.

Шамшиададу V удалось сломить сопротивление Ишпуини (хотя этот властитель и отрицал успехи ассирийцев) и проникнуть

далеко в глубь Ирана. Он перевалил через хребет Загра в районе горы Куллар, овладел Мидией и страной Парсуа. Ассирийцы захватили огромную добычу, состоявшую главным образом из скота, в частности лошадей и двугорбых верблюдов.

Столь же энергично действовал Шамшиадад и на юге, где ему пришлось бороться с вавилонским царем Мардукбалассуикби, пытавшимся свергнуть верховную власть ассирийского царя с помощью эламитов и халдеев. После смерти Шамшиадада V пять лет правила его вдова Шаммурамат², которую сменил на престоле их сын — Ададнерари III (810—783 гг. до н. э.).

Его царствование было весьма успешным и продолжительным. Наибольшие успехи были достигнуты им на западе. Ададнерари окончательно завершил покорение Сирии, взяв ее почти неприступную столицу Дамаск, что не удалось в свое время Салманасару. Одолеть Дамасское царство Ададнерари III удалось главным образом потому, что оно было ослаблено тяжелыми войнами с соседями (Израилем, Хаматом и др.). Овладение Дамаском, славившимся своей шерстью и металлическими изделиями, имело огромное значение для ассирийской экономики. Это был крупный центр, лежавший на скрещении караванных путей, ведущих из Месопотамии к приморским городам Финикии и из Малой Азии в глубь Аравии.

Среди добычи, захваченной Ададнерари, фигурирует небывалое количество железа (5000 талантов). Это свидетельствует о том, что железо приобретает в IX в. до н. э. все большее и большее значение. В Дамаск оно доставлялось из Малой Азии и, очевидно, перерабатывалось в здешних мастерских. Не случайно в более позднее время столь славилась дамасские клинки.

Ададнерари так сообщает о своих походах: «На запад от Евфрата я покорил землю Хатти, всю землю Финикии, Тир, Сидон, Бит Хумри (т. е. Израильское царство), Эдом и Филистию вплоть до моря Заката (Средиземное море) и наложил на них дань и подати». Надо, впрочем, сказать, что все эти приморские города не решились на войну с Ассирией и добровольно прислали Ададнерари богатую дань, признав, таким образом, свою зависимость.

Добровольное подчинение Эдома (к югу от Иудеи) и страны филистимлян (на побережье Средиземного моря, южнее Финикии) приблизило ассирийцев почти вплотную к границам Египта.

Легенда о Семирамиде

В IX в. до н. э. в анналах упоминается вавилонянка царица Шаммурамат, жена Шамшиадада V. Она занимала необычайное для ассирийской царицы положение. Под ее влиянием в Ассирии был введен культ бога Набу. Шаммурамат — единственная царица в многовековой истории Ассирии, правившая вполне самостоятельно. В период ее правления происходили частые войны с мидянами и народами севера. Мидяне впервые познакомились со всем

Триумфальная процессия. Царица Семирамида
отправляется на поклонение богине.
Рисунок художника Н. Каразина

блеском ассиро-вавилонской культуры, вследствие чего у них сложилась легенда о Семирамиде, прообразом которой была Шам-мурамат.

Суть этой легенды такова. В Азии с очень древних времен существовали цари, но ничего примечательного они не оставили для потомства, пока не выделился славный воин, царь Асси-

рии Нин. Он покорил Вавилон, Армению, Мидию, а также все земли вокруг Черного и Каспийского морей, включая Скифию, и все земли нынешних Ирана и Аравии. В течение 17 лет Нин благодаря своим победоносным походам стал владыкой всех стран между Средиземным морем и Индией. После этого он построил себе великолепную столицу и назвал ее по своему имени — Ниневией. Городу он придал форму продолговатого четырехугольника. Самые длинные стены его имели 150 стадий, а короткие — 90, вся площадь равнялась 480 стадиям, или 89 км. Башен, защищавших город, было 15 тыс., каждая высотой 70 м. Кроме ассирийцев, составлявших богатейшую часть населения, Нин принял в свою новую столицу большое число иноземцев; вскоре Ниневия стала величайшим и самым цветущим городом древнего мира.

Царю Нину служил воинственный князь Сирий Оанис. Он женился на дочери сирийской богини Деркото — красавице Семирамиде, которая выросла в каменистой пустыне, недалеко от Асколона. Семирамида последовала за своим мужем на войну. Переодевшись в одежду простого воина, она помогла мужу штурмом взять крепость и с ее стены подала сигнал Нину о своей победе. Нин, пораженный ее храбростью и отвагой, сделал Семирамиду своей женой. Оанис с горя покончил с собой. Став царицей, Семирамида обворожила царя так, что перед смертью он назначил ее своей преемницей, несмотря на то что у них был сын. Завняв престол, Семирамида дала простор своему предприимчивому уму и незаурядным организаторским способностям.

Она якобы выстроила царский город Вавилон, который занимал площадь в 66 км. С висячими садами, гигантскими стенами, башнями, великолепным мостом через Евфрат и прекрасным храмом Бэла. По ее приказу был прорыт туннель в горе Оронт, чтобы проложить дорогу в Мидию, где она построила столицу Экбатану с роскошными царскими дворцами, куда воду подавали через туннель из горных озер. Недалеко от древнего города Бегистана находилась большая скала. Семирамида приказала обтесать ее лицевую сторону, чтобы покрыть изваяниями со своим изображением и изображениями ста ее телохранителей.

Военные успехи Семирамиды затмили походы ее талантивого супруга. Она покорила Египет, Эфиопию, Ливию и готовила поход на Индию, но была встречена огромной индийской армией и потерпела поражение. Вернувшись в свои владения, она узнала о заговоре своего сына Ниния против нее и добровольно передала ему власть. Сама же Семирамида превратилась в голубицу и улетила из дворца со стаей голубей. С тех пор ассирийцы начали почитать ее как богиню, а голубь стал у них любимой птицей.

Шаммурамат действительно построила несколько интересных сооружений в Вавилоне. Поэтому с именем Семирамиды и связаны прекрасные зеленые висячие сады Вавилона, которые причисляют к семи чудесам света.

Глава VI

ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ АССИРИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ДЕРЖАВЫ

Тиглатпаласар III (744—727 гг. до н. э.) и организация военного дела в Ассирии

В период временного упадка Ассирии в стране произошло несколько восстаний. Они подрывали могущество ассирийского государства. Покончить с ними удалось царю Тиглатпаласару III, который вступил на ассирийский престол в тяжелое для страны время. Северные владения были почти целиком потеряны, границы Ассирии по среднему Тигру подвергались постоянным нападениям соседей. Некоторые области отпали от Ассирии.

Тиглатпаласар III был сторонником наступательной внешней политики. Ему удалось вернуть Ассирии ее былую славу и превратить ее в могущественную державу. Он возобновляет завоевательные походы ассирийских царей IX в. до н. э. Реформы Тиглатпаласара III предусматривали увод в плен населения завоеванных стран в значительно больших масштабах, чем это было ранее. Иногда число пленных, переселенных в другие области, доходило до 200 тыс. человек.

Свою деятельность Тиглатпаласар III начал с коренной реорганизации военного дела. Ассирийское ополчение, выступавшее в случае крайней опасности, грозившей стране, состояло из всего взрослого мужского населения, способного носить оружие. Кроме того, была создана постоянная регулярная армия, не нуждающаяся для ведения завоевательных походов в призыве ополчения.

Постоянное войско называлось «узлом царственности» и состояло главным образом из иноземцев.

Кроме этого существовала личная гвардия царя, охранявшая его особу. В армии вводится однотипное вооружение, войска формируются по родам оружия (с определенной численностью в подразделении).

Ассирийское войско делилось на пехоту, конницу, воинов на колесницах и вспомогательные части. Самым привилегированным родом войск, в состав которого входили зажиточные люди, были колесничие. Ассирийские колесничные войска наводили ужас на врагов. Колесница запрягалась парой коней; третий конь — обычно пристяжной — использовался как запасной. Новая легкая колесница ассирийцев имела только два колеса.

В ассирийской армии пачинает впервые применяться в больших масштабах конница, которая имела большое значение, особенно при преследовании врага. Позднее (наряду с колесницами) она нашла широкое распространение и в других странах Востока.

В походах через горные местности колесничие покидали их и садились верхом на коней. Воины, вступающие в бой на колесницах и конях, были вооружены копьями и луками со стрелами, которые использовали в зависимости от хода сражения.

Самой многочисленной в ассирийском войске была пехота, которая делилась на тяжеловооруженную и легковооруженную. В составе пехотинцев преобладали лучники.

Обязательной принадлежностью всех воинов, независимо от рода войск, были панцири, щиты и шлемы. Панцирь изготовлялся из тонких металлических пластинок. Щиты спасали воинов от стрел и ударов копьем (во время боя они прикрывали ими лицо и грудь), голову защищал медный шлем.

Совершенствование военного дела требовало организации боевых соединений. Поэтому войско по родам оружия в дальнейшем имело такое соотношение: на одного колесничего приходилось два всадника; на одного всадника — два тяжеловооруженных пехотинца и на одного тяжеловооруженного пехотинца — два лучника.

В ассирийской армии впервые появились и войсковые вспомогательные части, которые занимались прокладкой дорог, сооружением простых и понтонных мостов и лагерей-крепостей.

По сохранившимся рельефным изображениям можно судить о высоком для того времени развитии в Ассирии фортификационного искусства. Ассирийцы строили большие и хорошо защищенные стенами и башнями лагеря крепостного типа, которым они придавали прямоугольную или овальную форму. Такие крепости потребовали применения противником осадных орудий.

Наряду с вспомогательными «инженерными» отрядами у ассирийцев появились специальные осадные подразделения, которые можно считать прообразом будущих артиллерийских соединений.

«Артиллерия» ассирийцев применяла «орудия», из которых с помощью сильно закрученных, а потом отпущенных канатов из воловьих жил выбрасывались на осажденные города огромные камни. Эти военные новшества ассирийской армии давали большой эффект: их «орудия» метали камни примерно до 10 кг на расстояние 500—600 м.

Сохранилось ассирийское изображение подобной осадной машины для метания камней наподобие римской баллисты. Весьма вероятно, что эти осадные орудия были впоследствии заимствованы у ассирийцев иудеями, персами, греками и римлянами.

Кроме катапульта в Ассирии применялись и стенобитные орудия, тараны на колесах. Ударной их частью были большие балки, которые раскачивались десятками воинов. Таким образом пробивали бреши в стенах осажденных городов.

Завоевательная политика ассирийцев способствовала значительному прогрессу военной техники. Полководцам Ассирии были знакомы фронтальные и фланговые атаки и сочетание этих видов нападения при наступлении развернутым фронтом на противника.

Разделенная на отряды под командованием десятников, пятидесятников, сотников, под предводительством самого царя выступала в поход ассирийская армия. Она отличалась превосходной выучкой, храбростью, воинской дисциплиной.

На стенах царских дворцов сохранилось много изображений на военную тематику. Вот стройная колонна воинов идет нога в ногу под звуки музыки; с копьем или луком в правой руке и щитом в левой пехотинцы стремительно взбираются по крутым штурмовым лестницам; конные стрелки мчатся во весь опор и на скаку стреляют из луков, не держа за поводья.

У ассирийских воинов был хороший глазомер. Быстрота и натиск — главное в военной стратегии ассирийцев. Ассирийская армия двигалась быстро; цари предпочитали не давать противнику времени для подготовки к сражениям, а полководцы всегда старались только наступать и заканчивать сражение решительным, молниеносным ударом, окружив врага с тыла и флангов, не давая ему опомниться. Нередко они применяли и «военную хитрость»: практиковали внезапные ошеломляющие ночные налеты на противника.

Особое значение ассирийцы придавали разведке и шпионажу. Ассирийские цари уделяли большое внимание разведыванию планов и намерений соседних стран, особенно тех, на которые готовились напасть. Специально обученные лазутчики и шпионы пробирались в тыл врага, сеяли среди населения панические слухи, изучали настроение народа и одновременно вели агитацию в пользу Ассирии, ее могучей армии. В то же время лазутчики запугивали население, стремясь морально подавить дух сопротивления ассирийскому войску. Велась война и на измор противника. Ассирийские подвижные части занимали дороги и горные перевалы, уничтожали колодцы, переправы на реках. Противник лишался при этом возможности подвозить продукты, воду, получать подкрепление. Армия стремилась избегать обходов, двигаясь в основном в прямом направлении.

Ассирийские цари тщательно и всесторонне готовились к каждому походу. Войска всегда запасались провиантом и всеми необходимыми инструментами.

Когда на пути попадались водные рубежи, их форсировали с помощью мехов, изготовленных из кожи. Ассирийские воины быстро надували их воздухом, крепко завязывали и подвязывали себе под живот, что давало возможность быстро и легко переправляться на другой берег.

Если река была не очень широкая, воины наводили мост. Походные мосты строились быстро и остроумно. Те же надувные ме-

хи связывались друг с другом в несколько рядов, потом перебрасывались через реку, сверху паскоро клался настил из местного подсобного материала, а иногда остов даже покрывали хворостом. Построив переправу, мост также быстро снимали, и войска стремительно продвигались вперед.

Многочисленная, хорошо вооруженная сухопутная армия Ассирии своими смелыми атаками наводила ужас на неприятельскую пехоту и обращала ее в бегство. Войну вели продуманно, учитывали все мелочи, которые могли способствовать победе, весь накопленный ранее военный опыт. Благодаря этому ассирийская армия превратилась в могучую военную силу. Горе было стране, на которую обрушивалась ярость ассирийского царя.

В Библии встречается довольно подробное описание походов ассирийской армии. Так, о воинах Ассирии сообщается следующее: «...они не знают усталости и дремоты, нельзя заметить ни у кого распущенного пояса или развязанного ремня у сандалий... Скачут по вершинам гор, как горцы, бегут они и, как храбрые воины, взлетают на стену, и каждый идет своей дорогой, и не сбивается с пути своего, и не давят друг друга, даже падая на конья, остаются невредимыми...»

Завоевательные войны Тиглатпаласара III и Салманасара V (726—722 гг. до н. э.)

Став на путь новых походов и завоеваний, Тиглатпаласар III сам возглавил свое войско. Ему не только удалось вернуть Ассирию ее величие, но и начать новую яркую эпоху в ее истории.

Захватнические войны Тиглатпаласара III приобретали все более систематический и организованный характер.

Недовольное население насильственно переселялось в отдаленные области империи.

В дальнейшем переселение из одной области в другую стало системой, оно проводилось в огромных масштабах и имело далеко идущие цели. В среднем 30—35% населения покоренных областей переселялось либо в центральную часть страны, либо в другие провинции, а на освобожденные земли переселенцев селили другие народы. Аристократия Дамасского царства, например, была переселена в Напри.

Проводя свою тактику, Тиглатпаласар III преследовал две цели: 1) ликвидировать постоянные очаги восстания в покоренных областях и создать себе там крепкую опору в лице переселенцев; 2) лишить разноплеменные народы опоры и единства в борьбе за свою независимость.

Массовое переселение преследовало также и политические цели. В новых округах жители создавали себе и новые семьи, разноплеменные народы, объединяемые Ассирийской империей, смешивались, что, в свою очередь, уменьшало опасность каких-либо

восстаний и смут. В дальнейшем эти расчеты далеко не всегда оправдывались, но на первых порах известная стабилизация была достигнута.

На рельефных изображениях этого времени нередко встречаются сцены переселения населения покоренных стран на новые земли. Мы видим, как женщины с детьми и домашним скарбом движутся на своих ослах и повозках; мужчины идут пешком, а стадо и повозки следуют за ними. Переселенцев сопровождает ассирийский военный конвой.

Отношение к военнопленным было иное — более строгое. Они двигались со связанными руками и с кандалами на ногах. Их сопровождали и погоняли ассирийские воины. Благодаря этой системе ассирийское войско получило новые многочисленные резервы.

Тиглатпаласар III по-новому организовал и управление завоеванными областями. Во главе вновь образованных округов ставились наместники, которым подчинялись ассирийские военные гарнизоны. По своим размерам эти новые округа были более мелкими, чем в прежние времена, что облегчало управление ими. Таким образом, в каждом округе была создана твердая опора царю; особые чиновники исправно собирали для него подати и поступающую добычу и занимались созданием новых военных подразделений. Кроме этого Тиглатпаласар установил порядок обеспечения провиантом ассирийских гарнизонов в завоеванных областях. Воины приписывались к отдельным крестьянским дворам, которые были обязаны их кормить.

Каждый округ, и в том числе его столица, вносил в государственную казну определенные налоги. Устанавливалась строгая, дисциплинированная централизованная власть Ассирии над захваченными народами.

Ассирийская империя при Тиглатпаласаре III была главным образом торговой, перекачивающей богатства Западной Азии в Ассирию. Само собой разумеется, что мирная торговля не исключала и прямого грабежа, служившего дополнительным источником обогащения ассирийской рабовладельческой державы.

Благодаря реорганизации армии и новым реформам Тиглатпаласар III мог приступить к новой завоевательной политике.

Тиглатпаласар III ставил своей задачей полностью покорить западные владения Урарту, затем пространство между Евфратом и Средиземным морем, Сирию, Финикию, Палестину, Аравию и Египет, захватывая новые торговые пути для дальнейшего обогащения Ассирии.

Первый удар Тиглатпаласар III наносит на юге против стран, угрожавших ассирийским границам. Царем Урарту в это время был Сардури II (сын Аргишти I). Он разработал грандиозный план с целью отрезать Ассирию от Средиземного моря. Сардури предполагал привлечь на свою сторону противников Ассирии и, объединившись в единую мощную коалицию, нанести удар. Этим планам, однако, не суждено было сбыться.

В 743 г. до н. э. Тиглатпаласар разгромил объединенные войска Сардури и его союзников. Противники вынуждены были отступить в горы.

После этой крупной победы ассирийцев Тиглатпаласар получил дань не только от побежденных стран, но и от правителей Дамаска, Тира, Куэ и Кархемыша.

В последних походах царя был покорен целый ряд стран и поселений. В результате в состав Ассирии вошли завоеванные обширные территории между Тигром и Евфратом, от северных гор Кашиара на юго-востоке до района слияния реки Арацани с Евфратом на северо-западе.

После второго сокрушительного поражения Урарту в районах Хальбу и Киштаном Урарту было отрезано от Средиземного моря. Ассирия в результате этой победы намного расширила свою территорию и обезопасила себя от беспокойных горных соседей.

Последующие годы ушли на подготовку похода на запад, в Сирию, где ставилась цель подчинить город Арпад. Осада этого города продолжалась три года (с 741 по 739 г.). Вокруг Арпада были расположены мелкие арамейско-хеттские царства, которые в какой-то степени связывали Сирию с Малой Азией. Эти царства по-разному относились к Ассирии. Например, царь Самала был лоялен к Ассирии, остальные поддерживали Сардура.

В 738 г. ассирийский царь одержал победу над неугодными ему царствами. Девятнадцать сирийских городов он превратил в новую ассирийскую провинцию, доходившую до моря у Библа, с центром в Симице. Первым наместником новых провинций был назначен сын царя и наследник ассирийского престола — Салмапасар V.

Вся северная часть Сирии, т. е. долина Оронта с побережьем, была захвачена Тиглатпаласаром. Население этих земель переселили в Наири.

В 735 г. до н. э. Тиглатпаласар III совершил новый поход в глубь Ванского царства, чтобы разделаться со все еще опасным северным противником. Сардури был разбит, нижняя часть города Ван разрушена, но крепость, где заперся царь, взять не удалось. После своего поражения в 735 г. до н. э. царство Урарту потеряло большую часть территории в верховье и у истоков Тигра, а также между оз. Ван и районом слияния р. Арацани с Евфратом.

В стране Уллуба Тиглатпаласар построил новый город. Он назвал его Ашшурикиши, в стране Куллимери водрузил свою статую. Затем Тиглатпаласар снова готовит поход на запад, где против Ассирии создалась коалиция во главе с царем Дамаска Рецином и израильским царем Пекахией. На стороне Дамаска и Израиля стоял Ганнон, правитель Газы и правитель Эдома.

К коалиции не примкнул иудейский царь Ахаз, который сообщил Тиглатпаласару о планах враждебных ему царей. Ахаз жаловался на соседние государства, которые «теснят его со всех сторон», и умолял ассирийского царя о помощи: «Раб твой и сын твой я,—

сообщал он, — приди и защити меня от руки царя сирийского и царя израильского, восставших против меня». Свою просьбу Ахаз подкрепил золотом и серебром. В 734 г. до н. э. Тиглатпаласар двинул свои полки на помощь Ахазу. Ганнон вынужден был сбежать в Египет, но вскоре вернулся и принес богатую дань ассирийскому царю. Израильское царство было покорено, весь север его отторгнут, и часть населения уведена в плен.

Крупнейшим успехом Тиглатпаласара III было взятие Дамаска, который пал в 732 г. до н. э. Царя Рецина казнили. Пекахия пал жертвой бунта. Затем правил Факей, но в 732 г. до н. э. на его место был посажен ставленник Ассирии — Осия. Цари Тира и Сидона, Эдома и Амона, Газы и Асколона покорились ассирийскому владыке, направив ему богатые дары золотом и серебром.

Разгром некогда могущественного Дамасского царства имел большое политическое значение: прекратило свое существование арамейское государство в Сирии, а создавшаяся обстановка предопределила и конец Израильского царства, которое стало беспомощным, окруженное ассирийскими владениями.

В 729 г. до н. э. Тиглатпаласар III захватил Вавилон и присоединил Вавилонию к своему царству. После смерти в 734 г. до н. э. вавилонского царя Набонасара, Тиглатпаласар сам стал царем Вавилона, под именем Пулу.

В 727 г. до н. э. Тиглатпаласар III умер. Он оставил своему сыну Салманасару V огромное и богатое наследство. Благодаря своим победоносным походам Тиглатпаласар стал владыкой почти всей Сирии и Палестины. Путь к Средиземному морю был открыт. Ассирия возвратила себе первенствующую роль в Передней Азии.

За свою короткую жизнь Салманасар V совершил ряд военных походов. Еще при жизни отца он был наместником Северной Финикии, хорошо изучил народ этой страны, знал о готовившемся здесь восстании, душой которого были царь Финикии и Сидона энергичный Элулай Тирский и его союзник израильский царь Осия.

Салманасар не допустил возникновения восстания, обязав царя Финикии уплатить дань. Он добился также того, что от Тира отпали береговые города Сидон и Акко. Но стоило Салманасару временно оставить Финикию, как Элулай и Осия, опираясь на Египет, вновь восстали против ассирийского царя.

Для подавления восстания в 724 г. до н. э. Салманасар совершил два похода против Тира и Израиля, завершившихся успешно. Ассирийские воины нанесли сокрушительное поражение израильтянам, осадили островную крепость Тир и Самарию, которые считались неприступными.

Салманасар V, как и его отец, правил Вавилоном под именем Улулай. Он вообще старался продолжать дела своего отца и последовательно проводил его внутреннюю и внешнюю политику.

Салманасар V стремился покончить с привилегиями старой знати и с этой целью отменил податные, налоговые льготы, которые имели древние города Ассирии и Вавилонии: Ашшур, Вавилон,

Сиппар. Уравнивая население Ассирии, царь нанес сильный удар аристократии. Естественно, что эта реформа вызвала большое недовольство и сопротивление влиятельных слоев ассирийского общества. Они выжидали лишь удобного момента, чтобы организовать заговор против царя.

В это время столица Израиля Самария, рассчитывая на поддержку египетского фараона, отказалась платить обычную дань ассирийскому царю. Когда Салманасар V узнал об этом, он приказал захватить и бросить царя Осию в темницу. В решающей битве войска Израиля были разбиты, и ассирийцы подступили к Самарии, которая считалась неприступной. Осада длилась три года и стоила ассирийцам огромных жертв. Салманасару так и не удалось взять город. Его противники в Ассирии подняли восстание, свергли Салманасара V и возвели на ассирийский престол, вероятно, его младшего брата, родоначальника новой линии — династии Саргона II.

Глава VII

ДИНАСТИЯ САРГОНИДОВ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ VIII—VII в. до н. э.)

Время правления Саргонидов считается самым блестящим периодом в истории Ассирии, эпохой ее экономического, политического и культурного расцвета.

Царь Ассирии Саргон II (721—705 гг. до н. э.)

Завоевательную политику своего отца Тиглатпаласара III продолжил новый царь Ассирии — Саргон II. Имя Саргон (по-ассирийски — Шаррукин) означает «царь Законный» или «царь Истинный». Возможно, царь хотел этим подчеркнуть, что он законным путем получил власть, хотя на деле она была насильственно отнята у старшего брата.

В первый же год своего царствования Саргон взял Самарию, пленив царя Осию и разгромив Израиль. 27 280 человек были переселены в Мидию, Месопотамию, Ассирию, в г. Калах. На их место, в Израиль, переселили колонистов из завоеванных провинций нижнего Тигра. Новой ассирийской провинцией правили ассирийские наместники и чиновники.

В одной из своих первых записей в летописи Саргон провозгласил: «В начале моего царствования я осадил и взял... город Самарию. 27 280 человек обитателей его я увел. Я взял 50 колесниц на мою царскую долю. Я увел пленных в Ассирию и на их место послал людей мною побежденных стран. Я поставил над ними моих чиновников и наместников и обложил их такой же данью, как их обкладывали прежние ассирийские цари».

Упорное сопротивление Саргону оказал г. Тир, хотя в распоряжение ассирийского царя поступил финикийский флот, предоставленный теми финикийскими городами, которые соперничали с Тиром, в составе 60 судов и 8000 гребцов. Тир же располагал только 12 кораблями. Финикийцы настойчиво оборонялись. Тогда ассирийские войска заняли скалистый остров, на котором раскинулся город, выставив засады вдоль берега, у устья реки и у всех источников воды. Однако лишить воды город не удалось: население стало копать колодцы и устраивать водоемы на острове. Только в 719 г.

до н. э. после тяжелой, почти трехлетней осады Тира Саргону удалось добиться того, что его царь Элулай подчинился Ассирии и уплатил большую дань.

В 720 г. до н. э. две могущественные державы древнего мира впервые столкнулись у г. Рафии, несколько южнее Газы. Царь этого города Ганнон примкнул к Египту, переживавшему в этот период упадок, Ассирия же превращалась в мировую державу. Борьба эта закончилась полным поражением Ганнона и египетских войск.

В 720 г. до н. э. под ударами ассирийских войск прекратило свое существование царство Самал. Наконец, победив Писириса, царя г. Кархемыша, на Евфрате и превратив этот важный торговый центр, бывший последним остатком Хеттского царства, в ассирийскую провинцию, Саргон II прочно закрепился на пути к Таврским горам.

В последующие восемь-десять лет Саргон развернул кипучую деятельность по укреплению своего тыла и подготовке к новым завоеваниям. Он обратил свое внимание на Вавское царство. В 20-х годах VIII в. до н. э. отношения Урарту с Ассирией носили мирный характер, так как Салманасар V был занят внутренними делами страны и походами на запад.

С 720 г. до н. э. эти отношения резко обостряются. В период временной передышки в Урарту возникли новые заговоры, образовался союз царей севера и северо-востока, ставивший своей главной задачей освобождение от ассирийского владычества. Саргон тщательно готовил свой поход в Урарту. В первую очередь он выступил против энергичного царя Урарту — Русы I.

Со времен Тиглатпаласара III ванские цари, оттесненные на север, владели Мусасиром, где утвердилась зависимая от них династия. Руса I пытался восстановить урартское господство на восточной окраине страны, в местностях, прилегающих к оз. Урмия. Поэтому Саргону пришлось двинуться на помощь к Иранзу, царю Манны, расположенной в этом районе. Тогда Руса I со своими союзниками разбил Иранзу, а затем убил его преемника Азу. Новый царь Манны, Уллусун, переходит на сторону Русы, так же как и мидийский правитель Дейок.

Однако в 715 г. до н. э. Саргон разгромил эту коалицию. Дейок был пленен и поселен в Хамате. Руса I потерял 22 крепости. Через год Уллусун также становится данником Ассирии.

В 714 г. до н. э. Саргон совершает свой знаменитый восьмой поход против Урарту. Ассирийские войска выступили из города Калаха. Пройдя по территории Манны, Саргон обходит оз. Урмия с востока и сходу наносит новое поражение Русе I, который считал себя в горах в полной безопасности. Пройдя по окраинным землям Урарту, ассирийцы разграбили и опустошили все на своем пути. Труднодоступные горы не послужили преградой войскам Саргона II. После сложнейшего марша ассирийцы осадили и разграбили город Мусасир, священный для Урарту, где находился храм их вер-

ховного бога Халди. В Мусасире Саргону досталась богатая добыча, в числе которой — статуи ванских царей. Руса I потерял 430 крупных селений в 7 областях. После этого похода ванские цари уже не представляли опасности для Ассирии. Царь Урарту Руса I завершил свою жизнь ударом кинжала.

Саргон II посвятил своему восьмому походу большую надпись, где, между прочим, перечисляется полученная добыча: «34 таланта 18 мин золота, 167 талантов $2\frac{1}{2}$ мины серебра, бронзы, свинца, сердолика и лазурита, жезлы из слоновой кости и эбенового дерева и самшита в золотой оправе, царские регалии, сосуды разных наименований из драгоценных материалов, 13 бассейнов из бронзы, 120 предметов из бронзы местного производства, 130 разноцветных одежд и льняных рубах из Урарту и Хабхи. В храме бога Халди кроме золота, серебра, бронзы и меди найдено 6 золотых круглых щитов, прибитых к стене и издававших ослепительный блеск. Среди них были щиты с изображением собачьих голов весом 5 талантов 12 мин золота, 12 серебряных щитов с головами драконов, львов и диких быков, золотые замки, ключи, мечи, копья (93), 33 серебряные колесницы, 393 серебряных сосуда ассирийского, урартского и хабхийского производства, печать богини Багбарту (супруги Халда), 25 212 бронзовых щитов, 305 412 бронзовых мечей, 607 бассейнов для омовения из бронзы, огромный куб, вмещающий 80 мер воды, употребляемый царями Урарту для возлияний вина перед Халдом, 4 бронзовые статуи в тиаре со звездами весом 60 талантов, статуя Русы с надписью: „С двумя конями и возницей мои руки покорили царство Урарту“ и многое другое».

В своей летописи Саргон повествует и о том, что он «побойще устроил Урсе [Русе] урартскому, захватил 260 членов его дома, его всадников». Над Урарту сгущаются тучи. Ассирийская армия Саргона добивается здесь решающих побед, лишив ванское государство целого ряда высокоразвитых земледельческих и скотоводческих областей, расположенных в бассейне озер Урмия и Ван.

Потеряв в войнах с ассирийцами большую часть своих владений, ванское государство влачило жалкое существование. Ассирия же стала рассматривать остатки этого мощного когда-то государства как защитный вал против беспокойных народов севера. Строго говоря, уже с VII в. до н. э. урарты как активная сила перестают играть какую-либо роль и в конце концов лишаются своей независимости.

Саргон вел свою завоевательную политику и в других областях Передней Азии. Он был первым ассирийским царем, который имел непосредственные военные столкновения с фараонами Египта. Большие трудности встретил он в борьбе за упрочение своей власти на юге, за обладание Вавилонией, так как вынужден был воевать с халдеем и Эламом, которые часто объединялись против Ассирии.

В 721 г. до н. э. халдейский правитель Мардук-апал-иддин (Меродах Баладан) одержал победу над ассирийцами при Даре и

овладел Вавилоном, где правил 11 лет. Затем военное счастье перешло на сторону Саргона, который в 710 г. до н. э. добился победы над войсками Мардук-апа-иддина и стал царем Вавилона, где ему была оказана (конечно, его сторонниками) пышная и торжественная встреча как «освободителю».

Таким образом Саргон II расправился со всеми своими врагами. К Саргону пожаловали даже цари далекого Киира и о-вов Дильмун (Персидский залив) с почетными дарами. На Кипре найдена стела Саргона, хранящаяся сейчас в Берлине. Надпись, начертанная на этой стеле, гласит: «Семь царей кипрских, обитающих за 7 дней пути среди моря, неизвестные даже по именам его предкам, услышав об его подвигах, поразились и привезли в Вавилон ему дары: золото, серебро, мебель из дорогих пород дерева».

В своей политике Саргон II опирался на привилегированную верхушку ассирийского общества, выдвинувшую его на престол, а также на командный состав армии, всадников и колесничих. Жрецы также поддерживали Саргона, чтобы с его помощью вернуть храмам преж-

Царь Саргон II.
Фрагмент из рельефа
дворца Саргона II
в Дур-Шаррукине. Турин.
Египетский музей

ние льготы и привилегии, отнятые Салманасаром V. Это была та сила, с помощью которой Саргон совершил переворот. В то же время ему не хватало пехотинцев.

Поэтому Саргон вынужден был стать на тот же путь, по которому пошел господствующий класс в Египте в эпоху XIX династии, когда армию начали пополнять наемниками. Ассирийское государство увеличивает число наемников в армии, рекрутируя их из варваров еще не завоеванных стран или из отрядов, которые выделяли ассирийцам захваченные ими страны. И те и другие наемники были тесно связаны с царем и в то же время оторваны от окружающего их ассирийского населения, а потому могли служить верной опорой господству Саргона и стоявшей за ним верхушки.

Опираясь на эти силы, Саргон восстанавливает все привилегии старинных ассирийских и вавилонских городов, отмененные Салманасаром. Об этом свидетельствует дошедшая до нас любопытная надпись Саргона, которая сообщает о восстановлении старых вольностей г. Ашшура, древнейшего в ассирийском государстве. В ней говорится: «На Ашшур — город, имеющий вольности, древний священный город, прославленный богом Ашшуром, его владыкой в целом мире, и жители которого не ведают принудительных работ и повинностей, — Салманасар, не боящийся вседержителя, поднял к своей же беде свою руку, наложил на его граждан принудительные работы и повинности и обращался с ними, как с бедняками. Когда владыка богов в гневе своего сердца низложил его царство, он меня, Саргона, призвал в цари, возвысил голову мою, даровал мне жезл, престол и венец...»

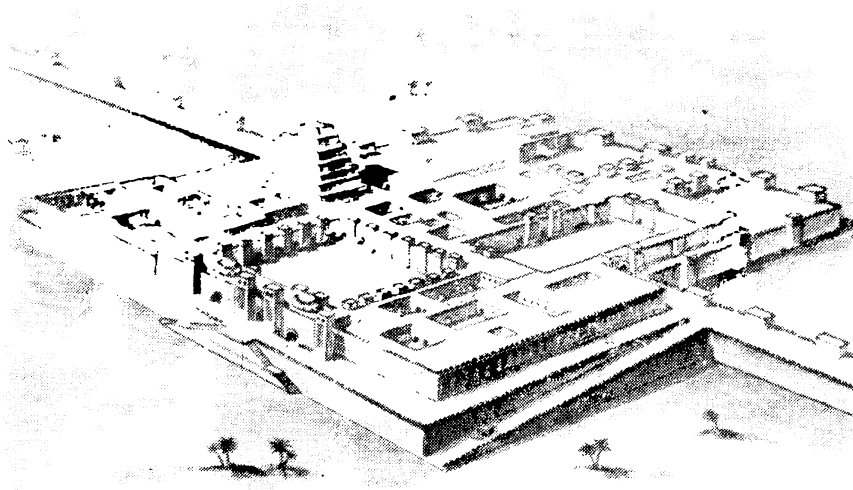
Такие же декреты царь выпускал также в пользу других древних городов и храмов, которые были лишены соответствующих привилегий при Салманасаре.

Таким образом, Саргон определенно ставит себя в оппозицию к своему предшественнику и не останавливается перед тем, чтобы говорить о нем, как о низложенном гневом богов.

Первые 16 лет своего царствования Саргон провел в непрерывных войнах. Он сильно расширил территориальные пределы ассирийской державы, завоевал: Израильское царство (Ефрема), о-в Кипр, самые дальние острова в Персидском заливе (Дильмун). Между ассирийской державой и царством египетских фараонов остался небольшой клочок земли Иудейского царства. На севере ассирийская держава простиралась до пределов Урарту, на востоке — глубоко врезалась в горы Загра, на юге — граничила с Персидским заливом, открывавшим путь в Индийский океан.

Дур-Шаррукин — столица Саргона II

Саргон считал себя великим и ни с кем не сравнимым, а в Калахе — столице Ассирийской державы — каждое строение, каждый кирпич и рельеф напоминали ему о предшественниках. Поэтому

Дворец Дур-Шаррукин царя Саргона II. Реконструкция

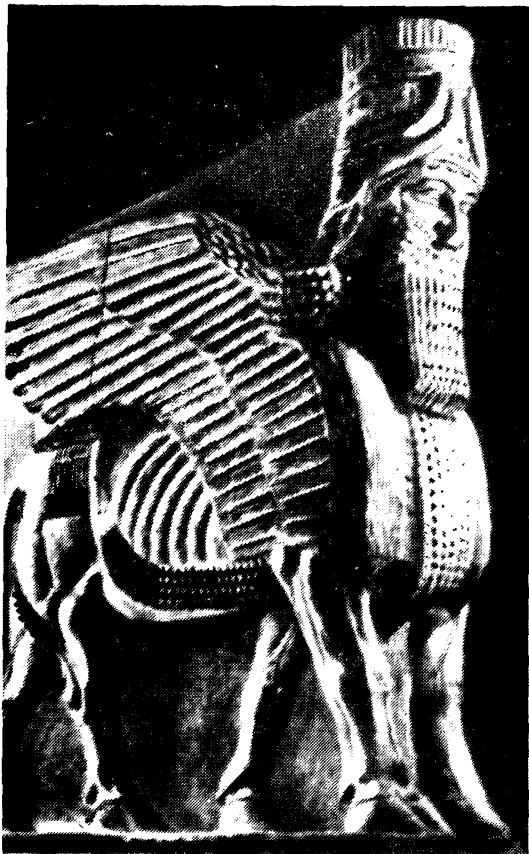
он решил построить себе новый город. Для него он выбрал место вдалеке от Ниневии.

В своей надписи Саргон так описывает историю строительства новой резиденции: «Триста пятьдесят царей до меня владели страной Ашшура и прославляли могущество Бэла; но никто из них не исследовал этого места и не думал о том, чтобы сделать его обитаемым, не пытался вырыть там канал... Я думал день и ночь о том, чтобы сделать обитаемым это место, чтобы освятить его храмы, жертвенники великим богам и дворец, где обитает мое величество... Я повелел приступить к основанию его... Днем и ночью работал я для счастья и удовлетворения моего сердца...»

Местом для строительства Саргон избрал деревушку Маггапубба, расположенную к северо-востоку от Ниневии, в широкой равнине. Земля здесь давала два урожая в год.

Саргон произвел отчуждение необходимых для застройки участков. Одним владельцам он выплачивал полную их стоимость серебром и медью, которая была вписана в купчую, другим, по их просьбе, вместо денег выделял участки земли в другом месте из своих поместий. Эти сделки были совершены, если верить документам Саргона, с большой справедливостью, так что они не вызвали ни малейшего недовольства у переселенцев.

Однако Саргон во всем действует в интересах поставившей его на трон ассирийской знати. Правда, эту политику он проводит чрезвычайно осторожно. В своей надписи, которая повествует о построении столицы, он указывает, что, освобождая территорию для постройки своего дворца, не нанес никакой обиды бывшим ее владельцам.

Статуя крылатого быка у входа
во дворец царя Саргона II в Дур-Шаррукине.
Фрагмент. Париж. Лувр

Перед началом строительства царь сам составил план будущего дворца, определил длину и высоту его стен, дворов и других помещений. На всем протяжении работ он давал указания художникам, как размещать статуи божеств и гениев, входил во все мелочи. На строительство было привлечено много тысяч военнопленных, которые работали до конца строительства дворца. Он был заложен в 712 г. до н. э., а Саргон поселился в своей новой резиденции-крепости в 707 г. до н. э. Саргон повествует: «Я поселился во дворце вместе с начальниками областей, с наместниками, с мудрецами, учеными, с вельможами... Я повелел сложить там золото, серебро, вазы из золота и серебра, драгоценные камни, камни различных цветов, железо, льняные и шерстяные материи, материи голу-

бые и пурпурные, жемчуг, сандал, черное дерево; повелел поставить там коней, ослов, мулов, верблюдов и быков. Да благословит Ашшур, отец богов, эти чертоги на долгие, долгие дни!...»

Новая резиденция царя не простояла так долго, как желал того царь, ибо близок уже был день гибели ассирийской державы. Но город не разрушили так жестоко, как Ниневию и Калах. Поэтому раскопки развалин крепости позволили довольно точно восстановить его план, используя также надписи и изображения, точно определяющие назначение различных помещений. Как всегда, углы дворца обращены на четыре стороны света, а сам дворец воздвигнут на искусственной террасе, обложенной кирпичами. Главный вход находился на юго-востоке. Прямо к нему на террасу вела двойная лестница со ступенями из каменных плит.

Всего ворот было восемь, по двое со всех четырех сторон; ворота помещались между двумя башнями и занимали весь пролет. Каждая пара посвящалась одному из богов города и называлась его именем: Бэла, Набу, Ану, Иштар. Со стороны поля прикрытием служил небольшой замок, углы которого защищала низкая, шириной 12 м башня. Через пять ворот в столицу входили люди и прогоняли скот. Каждое утро здесь проезжали возы, груженные всякой зеленью и плодами.

Главные ворота Дур-Шаррукина величественны. Они состояли из трех входов: центрального и двух боковых. Центральный открывался лишь в самых торжественных случаях, когда через него входил сам царь во всем своем великолепии, со свитой. Боковые были всегда открыты для многочисленных посетителей, приходящих по разным делам во дворец.

Царский вход очень красив. На посетителя строго смотрят шесть фигур огромных крылатых быков с человеческими головами, подобные тем, какие стояли в царских дворцах Калаха. Это гении — стражи ворот. По два быка располагались друг против друга по бокам входа у стены, обратив свои лики ко входящему во дворец, а два других, головою выше первых, стояли в сводчатом проходе, по обеим сторонам, и также смотрели вперед.

Эта «стража» должна была охранять дворец и его обитателей от всякой напасти. Между первой парой гениев стояли две гигантские фигуры ассирийцев, руки которых обхватывали львов. Это, безусловно, знатные люди: бороды, усы, волосы и даже брови завиты, роскошное платье расшито. Художник не ограничился тем, что тщательно выделил мускулы ног и рук; всем фигурам он придал сверхчеловеческие размеры.

Об охоте на львов говорят и их великолепные изображения из эмали на капителях башен, поднимающихся над входом. Между башен, над аркой входа, хорошо видна картина из цветной эмали, изображающая самого царя Саргона, торжествующего победу. Боковые входы также охраняются крылатыми быками, но меньших размеров. Между парами гениев стоят две гигантские фигуры Гильгамеша. Обе они одинаковы. Гильгамеш изображен в виде знатного ассирийца. Борода, усы, волосы и даже брови завиты, роскошное платье расшито. Высота статуи Гильгамеша — более 4 м, в правой руке он держит короткий кривой меч, а в левой — за одну переднюю лапу убитого льва. Лев этот настолько мал в сравнении с фигурой самого Гильгамеша, что кажется незначительным. Герой старинного шумеро-вавилонского эпоса недаром занял почетное место между гениями — стражами ворот. Он первый и самый сильный охотник на львов. Поэтому ассирийские цари считали его своим покровителем, как и охоты на львов вообще.

Перенести и поставить на свои места эти каменные гиганты было, конечно, делом нелегким. Вначале надо было вырубить каменные глыбы в горах Ассирии и на территории современного Курдистана. Потом наскоро обрабатывали их, для того чтобы об-

легчить вес, придать форму быка с человеческой головой и спустить к берегам Верхнего Заба. После этого быков ставили на сани, и несколько сот пленников поднимали их с помощью канатов и рычагов на пьедестал; затем скульпторы завершали свою работу.

Дворцовые помещения и храмы занимали площадь около 10—11 га. Все это огромное пространство было застроено разнообразными апартаментами, разделявшимися друг от друга дворами. Главный вход вел в самый большой из 30 дворов дворца, само число которых говорило о его величине. Этот двор занимал площадь около гектара и был открыт для всех приходящих во дворец. Это центр хозяйственной жизни дворца. Направо от двора, на северо-восточной стороне, расположились хозяйственные помещения. Здесь — кухни и кладовые, конюшни и стойла для лошадей, верблюдов, ослов и быков, а также большие сараи для многочисленных колесниц царя, его жен, царевичей и свиты. Тут же находились помещения для многочисленного обслуживающего персонала царя и остальных обитателей дворца. Вдоль юго-западной стороны двора (между ним и гаремом) — множество маленьких кладовых. В одной из них обнаружено огромное количество железных изделий (топоры, ломы, цепи, гвозди и т. п.). Конечно, продолжала использоваться и бронза. Из нее изготавливались сосуды, украшения и другая утварь (гораздо реже — оружие). Для бронзовых предметов отведено особое хранилище. В остальных кладовых хранились глазурированные плитки, глиняная посуда и т. д.

Прямо против главного входа широкий коридор вел в парадные помещения; его также охраняли крылатые быки.

Если идти этим проходом, никуда не сворачивая, то попадешь в главный двор, а затем в парадный зал дворца, где происходили торжественные приемы послов и сановников, устраивались великолепные пиры и празднества. Стены зала украшали рельефы, изображающие события из военной охотничьей жизни Саргона: все те же знакомые нам картины кровопролитных битв, жестоких осад крепостей, стремительных преследований врагов и торжества победителей. Художники и скульпторы не высекали, однако, на этих картинах надписи. Согласно существующим канонам, они использовали для этих целей обратную сторону рельефов и т. д. Ведь самому царю надписи не нужны: он сам был участником всех тех событий, которые изображались на картинах.

Кроме картин стены украшали орнаменты, которые обычно состояли из цветов лотоса (в египетской манере) и спиральных линий. Свет падал в зал сверху, прямо с неба — ведь крыши над ним не было.

В этом зале появлялся во всем великолении царь, окруженный блестящей свитой. За поясом у него — меч и два кинжала, на голове — высокая шапка. Он величественно шел под большим зонтом, который нес над ним евнух; другой служитель держал опахало и отгонял от царя мошек и мух.

Царя встречали торжественной музыкой: придворные музыкан-

ты играли на флейтах, арфах и тимпанах. Он мог выйти из дворца и другим ходом — через большой двор, ворота которого выходили прямо на «дорогу шествий». Саргон пользовался ею только в праздничные дни.

В южном углу дворца, на женской половине, также было несколько дворов, в которых гаремные затворницы проводили время со своими детьми. Между дворами расположены спальни жен царя. Главный вход в гарем — в центре, из него три двери, увенчанные башенками, вели в различные помещения.

Между этим двором и зиккуратом находилась спальня царя. Она отделана драгоценными породами черного дерева с золотой резьбой по нему; свод над ней украшен орнаментом из розеток, а на стенах изображены крылатые быки и гении с орлиной головой, призванные охранять царский сон «от наваждения». С главным двором гарема спальня царя соединяется особым коридором.

Царские палаты обращены на юго-восток, фасадом к гарему и главному двору. Здесь ворота соединяются с городской стеной. Царь добирался до входа в свои покои, не сходя с колесницы или коня.

Саргон занимал около 20 комнат. В этих помещениях барельефы из гипса, расписанные яркими красками, отражают придворную жизнь дворца. Они расположены вдоль стен широкими полосами.

У царя Саргона было три жены (помимо множества наложниц); главной считалась та, которая первая родит ему сына. Она носила почетный титул царицы, остававшийся за ней даже после смерти царя. Ее жизнь в гареме была непохожа на скучное прозябание менее счастливых товарок. Те были навсегда заперты в гареме и вели тоскливый, однообразный образ жизни. Им оставалось только примерять новые платья да прихорашиваться: румянить лицо, красить брови, ресницы и глаза, целыми днями вертеться перед бронзовым зеркалом.

Положение царицы было намного лучше. Она могла показываться вместе с царем на пирах и торжественных приемах и видеть не только надоевших ей евнухов и рабынь гарема. Кроме нарядов и туалета у нее были и другие заботы: царь дарил ей большие поместья, которыми она управляла лично с помощью великого визиря. Он часто приходил к царице с докладами, и она беседовала с ним даже о государственных делах и политических новостях.

Царица иногда оказывала немалое влияние на своего супруга. Поэтому к ней обращались обиженные, ищущие выгодных должностей просители, добивающиеся милости у царя. Она могла свободно принимать просителей на своем дворе и иногда удовлетворяла их просьбы, что, впрочем, не исключало тайного надзора со стороны евнухов и слуганок.

У каждой из трех жен царя были свои особые покои, состоящие из залы, передней и спальни. Стены здесь выкладывались разноцветными кирпичами; у входа в спальню были изображены роскош-

ные гирлянды из пальмовых ветвей, считавшихся эмблемой плодovitости.

Все три покоя располагались один около другого в южном углу дворца, примыкая к двум маленьким дворикам. Весь этот комплекс составлял особую изолированную часть дворца. Доступ сюда тщательно контролировался.

Царица и другие жены царя редко жили в мире друг с другом. Постоянные ссоры и интриги, вечная забота об этикете — все это раньше времени старило затворниц гарема. Но вот подрастали сыновья, и жены уходили из гарема, чтобы поселиться в отдельных апартаментах. Тогда и исчезала у них последняя улыбка. Материнские заботы несколько скрашивали и заполняли пустоту жизни, но теперь и этого уже не было. Тупая злоба, хитрость, мстительность были характерными чертами гаремных затворниц и порождали иногда страшные преступления.

Сын Саргона II — Синаххериб, его первенец, был уже взрослым, когда построили Дур-Шаррукин. У наследника престола был свой двор, свой штат слуг: он мог жить совершенно самостоятельно. Из его апартаментов был особый ход наружу, с северо-восточной стороны, увенчанный двумя башенками, такими же, как у входа в царские комнаты. Отсюда можно было пройти в западный угол дворца особым ходом. Он выходил на большую площадь, где стоял храм.

На крепостных стенах располагались сторожевые башни, на которых постоянно дежурили часовые. Таким образом, Дур-Шаррукин по своей планировке был гораздо сложнее и асимметричнее, чем дворцы Ниневии.

Саргон не собирался ограничиваться только дворцом, он хотел **построить** вокруг него город — столицу своего царства. Для этой цели Саргон скупил вокруг Дур-Шаррукина огромное количество земли и составил план будущей столицы. Всю территорию обнесли 7-километровой стеной, которая начиналась от северо-восточной и юго-западной стен дворца. Северная его часть выходила в поле, а южная примыкала к территории будущего города. В ближайших к дворцу кварталах были отведены участки для домов царских сановников, вельмож, купцов, а также ремесленных мастерских. Когда Саргон переехал из Ниневии в свой новый дворец, то вслед за ним потянулось множество торговцев и ремесленников.

Дорога, ведущая в Дур-Шаррукин, перерезает Хусур как раз при выходе из Ниневии и потом почти все время идет по левому берегу реки. Это настоящее каменное шоссе. Ширина его около 19 м. Вдоль всей дороги, через определенные промежутки, расставлены каменные верстовые столбы. После многочисленных поворотов дорога приводит к воротам Иштар, в юго-западной стене города.

Укрепления Дур-Шаррукина сохранились такими же, какими были при Саргоне. Городская стена выходит на равнину, через каждые 27 м ее венчают квадратные башни, которые господст-

вуют над ней своими зубчатыми верхушками и образуют выступы в 4 м. Высота стен над уровнем почвы — 20 м, а ширина так велика, что по дороге, которая проходит по ней вокруг всего города, могут скакать в семь рядов колесницы, не задевая друг друга.

На огромной дворцовой площади собирались подданные царя: купцы, торговцы, ремесленники. Несколько тысяч человек (казначеев, писцы, евнухи, военачальники, слуги, повара) обслуживали особу царя и управляли его делами.

Кладовые занимали три стороны двора: погреба для вина и масла, склад оружия, помещения для хранения меди, драгоценных металлов и камней, царская сокровищница и т. д. Здесь же располагались кухни и хлебопекарня.

Улицы Дур-Шаррукина, ровные и широкие, шли от ворот дворца до окраин города. Они были вымощены и пересекались под прямым углом. Дома — главным образом одноэтажные. Иногородние останавливались обычно на постоянных дворах, которые мало чем отличались от обыкновенных домов. Они образовывали обширные прямоугольные дворы с колодцами посередине. Вдоль стен двора в несколько этажей располагались небольшие комнатки со спальнями для приезжих, помещения для стойл вьючных животных и склады для товаров. В центральной части города дома были красивее и роскошнее.

Саргон II переселил в свой город жителей с «четырех концов света», с горных стран и равнин, из городов и пустынь.

Святыни богов расположены в северо-западном углу, недалеко от дворцовых садов. Стены храмов выкрашены в белый цвет. Фрески, как правило, представляют собой животных или символических гениев.

Саргон II, как и остальные ассирийские цари, чтил Ашшура, Шамаша и других богов. Однако это не означало, что он допускал жрецов к участию в делах управления. В Ассирии дворец главенствовал над храмом как своими размерами, так и убранством. Царь и его двор занимали гораздо больше места во дворце, чем жрецы. В Египте же храмы возводили из гранита или тесаного песчаника с расчетом на долговечность, а дворец — из легких материалов, которые не выдерживали разрушительного влияния времени.

Однако святыням в Дур-Шаррукине придавалось большое значение. Строились многоэтажные башни — зиккураты, сложенные из кирпичных блоков таким образом, что каждый последующий этаж занимал своим основанием меньшую площадь. Все они соединялись между собой общим пандусом, идущим по широкому карнизу каждого этажа, от самого нижнего до верхнего. Башня Дур-Шаррукина возвышалась на 43 м над эспланадой. Она состояла из семи этажей, каждый из которых посвящен божеству одной из семи планет. Все этажи имеют цвета своих богов: первый — белый, второй — черный, третий — пурпуровый, четвертый — синий, пятый — ярко-красный, шестой — цвет серебра, а последний — золота. Верхняя платформа башни имела позоло-

Царь Саргон II, несущий жертвенного козленка.
Фрагмент рельефа из дворца Саргона II
в Дур-Шаррукине. Париж. Лувр

ченный купол. Статуя Иштар, ложе и жертвенные принадлежности составляли всю утварь этого миниатюрного капища. Кроме царя и жрецов, сюда никто не смел проникнуть, чтобы не совершить святотатство.

Впрочем, Саргону II недолго пришлось царствовать у себя в городе, где все говорило о его величии. Через несколько лет после построения дворца и города Дур-Шаррукина в Ассирии вновь возникают восстания. Саргон, согласно хронике, был убит во время похода на Табал. Преемник Саргона Синаххериб переехал в Ниневию. Дур-Шаррукин стал лишь загородным дворцом и вскоре совсем запустел.

Царствование Синаххериба (705—681 гг. до н. э.)

Имя Синаххериб в буквальном переводе означает: «бог луны Син — приумножил братьев». Он был известен нам еще по сообщениям Геродота. Клипописные же тексты этой эпохи сообщили много новых интересных фактов о царствовании Синаххериба.

Узнав о смерти могущественного царя Саргона II, покоренные им царства восстали. Государства и княжества Сирии, Финикии и Палестины при поддержке Египта образовали союз против Ассирии. Положение Синаххериба стало еще более сложным, когда халдейский царь Мардук-апла-иддин II, пользуясь поддержкой эламского царя, после двухлетней войны захватил Вавилон.

Надо было принимать срочные меры, чтобы предотвратить новые неожиданные сюрпризы со стороны вавилонской знати и ее эламских союзников. Вавилон становится лютым врагом Синаххериба, возненавидевшего вавилонское аристократическое общество.

Основными чертами внешней политики Синаххериба кроме проведенной им сирийской кампании, направленной главным образом против Египта, были войны с союзными войсками Элама и Вавилона.

Прежде всего Синаххериб решил нанести удар по врагам у г. Киша, недалеко от Вавилона. В 703 г. до н. э. он разбил вавилонского царя Мардук-апла-иддина II и его эламского союзника и овладел Вавилоном. После этого он совершил опустошительный поход по стране халдеев и по областям Вавилонии. «В моем первом походе, — сообщает Синаххериб, — в окрестностях Киша я нанес поражение Мардук-апла-иддину, царю Кардуниаша, и войску Элама, помощнику его. В середине сражения он (Мардук-апла-иддин) покинул свой лагерь и в одиночестве бежал, спасая свою жизнь. Колесницы, лошадей, повозки, мулов, которых он бросил при натиске сражения, захватили мои руки. Я радостно вступил в его дворец, что внутри Вавилона, и открыл его сокровищницу. Золото, серебро, золотую и серебряную утварь, драгоценные камни, всякого рода добро и имущество без числа, тяжелую дань, наложниц его дворца, вельмож, приближенных, певцов и певиц, всех ремесленников, сколько их было, утварь его дворца я вынес и счел добычей».

Силою Ашшура, моего господина, 75 городов его могучих крепостей, что в Халдее, и 420 мелких селений, что в их окрестностях, я окружил, завоевал и захватил их добычу».

Далее следует список добычи и пленных: «208 тысяч людей, малых и больших, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий рогатый скот без числа — тяжелую добычу — я заполнил в Ассирию».

Мардук-апла-иддин царствовал второй раз не более полугода. Теперь он вынужден был искать себе убежище в родных местах, болотах Бит-Якина. На вавилонский престол был посажен Белибни — молодой и знатный вавилонянин, воспитанный при ассирийском дворе.

Свой новый, второй поход Синаххериб направил в первую очередь против страны Кашшу. Описание похода сохранилось на стеле в самой неприступной части гор Загра. Судя по ней, эти племена «еще никогда не склонялись перед ассирийскими царями».

Поход в дикие, непроходимые и неизведанные места был очень опасен. Об этом говорит и сам Синаххериб: «Ашшур, владыка мой, внушал мне мужество. Через леса из высоких деревьев, по труднопроходимым местам я ехал верхом; колесницу мою на плечах я заставил пести. На неприступные крутизны я взбирался на своих ногах...»

Страна Кашшу и родственное ее жителям племя ясубигалаи были разгромлены. Три города — Бит-Кидамзах, Хардишпи и Бит-Кубатти — оказались в руках ассирийцев. Синаххериб велел сжечь шатры горцев, разбросанные по отдаленным горам, и переселил их жителей в Хардишпи и Бит-Кубатти, передав под наблюдение властителей провинции Аррапхи. Основной добычей были табуны лошадей и стада ослов и мулов.

Затем Синаххериб двинулся в страну Эллипи, расположенную между владениями касситов и северной границей Элама. Десятки городов были опустошены. Царь покоренной страны Исабара бежал «в отдаленные места». Главным городом захваченной территории был объявлен Элензаш, переименованный в Кар-Синаххериб («Вал Синаххериба»).

Подводя итоги своего второго похода, Синаххериб отмечал: «...на моем обратном пути я принял тяжелую дань из земли дальних мидян, имени которых никто не слышал в дни царей, отцов моих... Они покорились моему владычеству».

В это время иудейский царь Езекия, ориентируясь на помощь Египта и отбросив всякую осторожность, отказался платить Ассирии дань и позволил жрецам, знатым людям и простому народу города Экрона заковать в цепи их властителя Пади за то, что тот выполнял договоры и соблюдал присягу в верности ассирийскому царю. После этого Езекия стал готовиться к обороне. Он решил лишить воды войска Синаххериба. Библейские источники повествуют об этом так: «...и собралось множество народа, и засыпали все источники и потоки, протекавшие по стране, говоря: да не най-

дет царь ассирийский, пришедши сюда, много воды... И стену городскую поправили везде, где она была поломана, укрепили цитадель, изготовили оружие и щитов великое множество, и царь поставил военачальников над народом, и собрал их к себе на площадь у городских ворот, и обращался к сердцу их...»

В 701 г. до н. э. Синаххериб начал свой новый, третий поход, теперь уже на Иудейское царство.

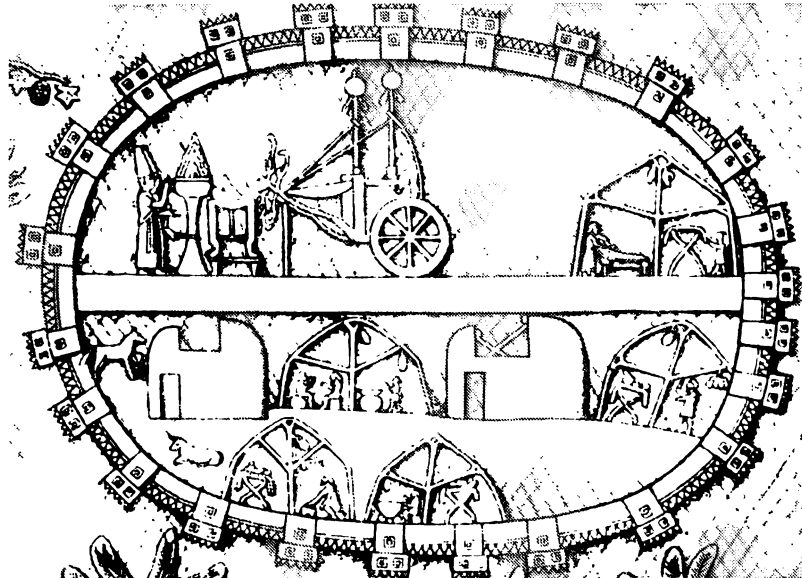
При его приближении сидонский царь Элулай бежал на о-в Кипр. Тир был осажден ассирийцами, но не был взят. Тогда Синаххериб, будучи ловким дипломатом, решил возвысить вечного врага Тира, г. Сидон, и на царский престол в Сирии посадил сидонянина Тубаала.

Финикийцы и частью филистимляне покорились Ассирии. Аскалонский царь Цидки за попытку оказать сопротивление лишился своего престола и был уведен в плен. «А [что касается] Цидки, царя Аскалона, который не склонился под мое ярмо, (то) богов дома его отца, его самого, его жену, его сыновей, его дочерей, его братьев, семя дома его отца я исторг и увел в Ассирию», — сообщает Синаххериб.

К счастью для Иерусалима, Синаххериб простоял некоторое время в Сидоне, чтобы лично принять присягу и дань от финикийских, аммонутянских, моавских и других владык. Только после этого Синаххериб послал отряд, чтобы наказать восставших против него иудеев, а сам с главными силами армии пошел на юго-восток. При г. Алтаке, близ Экрона, Синаххериб наголову разбил преградившую ему путь египетскую армию, состоявшую из пехоты, колесниц и конницы. Сыновья египетского фараона были взяты в плен. После этого ассирийский царь двинулся к Лахишу, овладел им и другими иудейскими городами. «46 городов его, [Езекии], могучих, — сообщает Синаххериб, — крепостей и мелкие селения, что в их окрестностях, которым нет числа, 200 150 человек, малых и больших, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий рогатый скот без числа я вывел из них и счел добычею».

Далее войска Синаххериба двинулись на Иерусалим и осадили его со всех сторон. Иудейский царь Езекия попал в Иерусалиме в капкан, из которого не было выхода. Жители города голодали, но все еще надеялись на помощь Египта. В это время в ассирийской армии вспыхнула чума. Но и иудейский царь, потеряв надежду на помощь Египта и желая облегчить судьбу горожан, решился принести повинную. «И послал Езекия к царю ассирийскому в Лахиш сказать: „Виновен я, отойди от меня; что наложишь на меня, я спешу“».

Мир был заключен, осада Иерусалима снята. Езекия откупился. Синаххериб обложил его данью, равной приблизительно 2 млн. золота и 1 млн. серебра. Чтобы собрать такую сумму, Езекия должен был не только опустошить свою и храмовую казну, но и снять с дочерей и пилястров храма золотую обшивку. Все эти драгоценно-

Лагерь ассирийцев, окруженный кирпичной стеной с башнями.
Рельеф из дворца царя Синаххериба в Ниневии

сти он отправил в Лахис вместе с освобожденным царем г. Экрона, Пади, которого Синаххериб вновь восстановил на престоле. Земли же, захваченные у Иудеи, он разделил между тем же Пади и оставшимися ему верными властителями Ашдода и Газы.

В Куянджике среди развалин дворца Синаххериба был найден ассирийский барельеф, изображающий царя перед иудейским городом Лахишем, где велись переговоры о снятии осады Иерусалима.

Осада же самого Лахиса со всеми подробностями изображена на одном из великолепнейших стенных барельефов, занимающем целый ряд плит в этом дворце. Особенно удачен барельеф, отображающий последнюю сцену осады. На высоком троне, спинка которого увешана драгоценной тканью и позади которого стоят слуги с огромными опахалами от мух, восседает Синаххериб. Трон стоит на небольшой возвышенности среди фруктовых деревьев и виноградных лоз. Несколько ниже — царская колесница с возницей; у головы лошадей стоят конюхи, у одного колеса — слуга с царским зонтом, а сзади воин держит под уздцы боевого коня Синаххериба. Бой еще не прекратился, но ему уже представляют множество пленных; одни кланяются до земли, другие простирают с мольбой руки. Над головой царя надпись: «Син-ах-хериб, царь народов, царь ассирийский, восседая на высоком престоле, принимает добычу города Лахиса».

Таким образом, Синаххериб захватил в Иудее огромную добычу, но взять одну из самых мощных крепостей того времени, Иерусалим, ему так и не удалось.

Это было вызвано не только эпидемией, вспыхнувшей в ассирийском войске, но и обстоятельствами, заставившими Синаххериба возвратиться в Вавилон. Там его противники решили избавиться от ассирийского господства и подняли восстание. Негодованию Синаххериба не было предела. Он считал виновниками восстания вавилонскую знать и жречество, которые по каждому поводу создавали недовольство, желая ослабить влияние ассирийского государства на Вавилон и его области. Синаххериб, в свою очередь, старался подорвать значение Вавилона, свести на нет его роль, ибо историческая слава и привилегированное положение этого города тормозили последовательное проведение в жизнь его планов. Тем более что союз Вавилона с Эламом при поддержке Египта часто угрожал безопасности ассирийского государства.

Синаххериб вел дальновидную политику. Планируя завоевание Египта, он ставил своей целью направить торговый путь на Восток, минуя Вавилонию, чтобы свести на нет ее роль как торгового центра почти всей Передней Азии.

Вавилоняне, естественно, оказывали сопротивление этим планам. И даже ставленник Синаххериба Белибни под влиянием своих соотечественников в конечном счете откололся от Ассирии и вступил в союз против нее с халдеями.

В 700 г. до н. э. Синаххериб нанес поражение союзу Вавилона и Халдеи и снова захватил Вавилон. Учитывая, что Белибни был лишь слепым орудием в руках вавилонской верхушки, он ограничился возвращением его обратно в Ниневию. На вавилонский престол Синаххериб поставил своего старшего сына, Ашшурнадин-шума, а сам выступил против Мардук-апла-иддина.

Мардук-апла-иддин был одним из самых опасных врагов Ассирии. Вытесненный в 703 г. до н. э. из Вавилона, он отступил в свои наследственные владения, защищенные болотами, казавшимися непроходимыми, в халдейскую область Бит-Якин, на берегу Персидского залива. Однако и тут в 700 г. до н. э. его настигли войска Синаххериба. Мардук-апла-иддин не решился оказать сопротивление. Погрузив на корабли небольшое количество воинов и захватив с собой статуи богов, он пересек Персидский залив и добрался до южного побережья Элама. Синаххериб не пытался его преследовать, ибо не имел флота, и удовольствовался захватом в плен халдеев, оставшихся на берегу (в том числе брата и сыновей Мардук-апла-иддина).

Мардук-апла-иддин получил от эламского царя Халлудуша-Иншупинака II город Нагиту, «лежащий посреди моря», т. е. на одном из островков Персидского залива. Здесь он считал себя в полной безопасности.

Действительно, Синаххериб на шесть лет оставил своего злейшего врага в покое. Он подчинял воинственных горцев, обитавших

на северо-восток от среднего течения Тигра, а затем перебросил свои войска на северо-запад, в Киликию, где в 696 г. до н. э. было усмирено восстание наместника Кируа. На следующий год Синаххериб покорил соседнее царство Тиль-Гаримму в восточной части Каппадокии.

Только в 694 г. до н. э. Синаххериб решил возобновить борьбу с Мардук-апла-иддином и окончательно расправиться с этим непримиримым врагом Ассирии. Добраться до его новой резиденции, г. Нагиту, можно было только морем, и Синаххериб стал создавать флот.

Вот как описывает строительство флота и эту первую единственную ассирийскую морскую экспедицию известный французский историк XIX в. Г. Масперо: «Синаххериб во время своих походов в Иудею видел моряков Сидона Великого, успехи, достигнутые ими в морском деле, безукоризненную ловкость в управлении их морскими конями (так называли финикийцы свои суда). Ему не стоило труда найти в числе своих пленников достаточное количество финикийцев для постройки судов. Он учредил две мастерские: одну — в Тил-Барсипе, на Евфрате, где пустили в ход лес из Амануса и Ливана, другую — на Тигре, в самой Ниневии, для леса из Курдистана.

Суда строились в каждой из них по особому образцу: в Тил-Барсипе, где преобладало финикийское влияние, — по финикийскому образцу, в Ниневии — по халдейскому, но измененному на финикийский лад. Избранный вид был самый совершенный, какой видали до сих пор, диэра, судно в два восходящих один над другим ряда весел. Кузов ее длинный, глубоко сидящий в воде, на круглом киле. Корма поднимается очень высоко и загибается внутрь, как у старинных египетских галер. Нос плоский, срезанный отвесно, с остроконечным водорезом, который крепко приделан к килю и служит для пробивания неприятельских судов. Два ряда гребцов размещаются горизонтально, один над другим. Первый опирает весла о борт судна, второй продевает их в отверстия, сделанные в стенках. Палуба на вертикальных стойках идет с одного конца до другого и образует над гребцами этаж, отведенный для воинов и остального экипажа; круглые щиты в легкой деревянной раме тянутся вдоль бортов вроде укреплений. Стоящая посредине мачта вделана в киль; ее поддерживают две подпорки, расходящиеся от верхушки ее к носу и корме. Четырехугольный парус держится на рее, которую по желанию можно поднимать и спускать. У судов второго образца нет водореза, а нос и корма поднимаются очень высоко, причем нос украшен конской головой, что оправдывает название морского коня. Мачты у них нет вовсе, они крыты палубой и приводятся в движение двумя рядами весел: это старые суда, превращенные в диэры.

Встреча обоих отрядов была назначена в Баб-Салимети на Евфрате, еще на некотором расстоянии от моря. Эскадра Барсипа спустилась прямо по течению: река судоходна везде и во всякое

время, и плавание не встретило никаких затруднений. Эскадра ниневийская вышла из Тигра в Упи, чтобы избежать арамейских союзников Элама, всегда более или менее враждебно настроенных, даже не будучи в открытой войне с Ассирией. Она направилась в большой канал Арахту, соединяющий Тигр и Евфрат и проходящий через Вавилон. Этот канал давно уже плохо содержался, и если он удовлетворял еще нуждам орошения и движения мелких лодок, то был местами слишком засорен илом и слишком зарос чужеродными растениями, чтобы не представлять серьезных препятствий для крупных судов. Тем не менее, удалось их преодолеть, а промежуток от Вавилона до Баб-Салимети был уже вопросом нескольких дней. Каждый из отрядов запасался по дороге войсками — людьми и конями, колесницами, припасами, осадными орудиями, рассчитанными на длительные военные действия. Синаххериб присоединился к эскадре со своей почетной стражей и разбил свой лагерь на берегу канала. Это было неосторожностью, которой он бы не сделал, если бы лучше был осведомлен о свойствах моря. Приливы и отливы, неизвестные на Средиземном море, довольно значительны в халдейском заливе и распространяются довольно далеко в глубь страны; действие их особенно страшно в равноденствие, в пору больших разливов. Набегающие воды встречаются тогда с течением реки; столкновение двух потоков размывает берега, сносит их и, прорывая дамбы, сооруженные для защиты страны, заливают значительные пространства. Это именно и произошло в тот год, к ужасу и крупным убыткам ассирийцев. Их шатры были окружены и опрокинуты волнами; царю с его свитой пришлось наскоро спастись на суда и оставаться там в заключении целых пять дней, „как в большой клетке“.

Тогда Синаххериб вспомнил, несколько поздно, что забыл совершить предохранительные обряды, без которых пускаться в океан неблагоприятно, и приписал свою неудачу гневу богов. Лишь только вода спала, он спустился к самому месту слияния речных вод с морем и, стоя на самом носу главной галеры, совершил жертвоприношение верховному богу Эа. Синаххериб совершил возлияние из золотого кубка перед лицом всего войска, а потом бросил кубок в воду вместе с образцом судна из золота и изображением рыбы тоже из золота. Боги успокоились и суда при кликах радости развернули паруса. Экипаж состоял не только из тирцев и сидонцев, но и из греков, живущих на Кипре, которые спорят с финикийцами ловкостью и смелостью: они быстро свыклись с морем и повели суда к Нагиду. Берег опасный для высадки, жители бежали, вооруженные, и стоят наготове; но Синаххериб высадился, взял город и увез с собой беглецов. Ни один из ассирийских государей не предпринимал ничего подобного; ни один из них не повторил этого. Многие одержали и более крупные сухопутные победы, чем он, но он единственный победитель на море»¹.

Итак, последнее убежище Мардук-апла-иддина было подвергнуто разгрому и вслед затем опустошены соседние области Южно-

го Элама. Множество халдейских пленников (беглецов из Бит-Якина), а также эламитов было уведено в Ниневию. Однако среди пленников не оказалось самого Мардук-апла-иддина. Очевидно, ему удалось ускользнуть. Больше мы ничего о нем не знаем. Надо полагать, что он умер в изгнании. Так завершилась 30-летняя борьба Ассирии с халдейским претендентом на царский трон Вавилона.

Однако эламский царь Халлудуш-Иншутинак II и его преемник, Кудур-Наххунте, не оставили мысли об отторжении Вавилонии от Ассирии и превращении ее в государство, зависимое от Элама. В Вавилоне появляются новые ставленники эламитов (Нергалушезиб и позднее Мусезибмардук).

Опустошив южные области Элама, Синаххериб пытается нанести врагу новый удар и в 693 г. до н. э. направляется в северо-западные горные области Элама. Этот поход начался удачно. Тридцать четыре эламских города с окрестными селениями были разорены и спорные пограничные районы присоединены к ассирийской провинции Дер (на восточном берегу Тигра). Эламский царь Кудур-Наххунте покинул свою укрепленную резиденцию Мадакту и удалился в отдаленную горную твердыню — Хидалу. Синаххериб двинулся через горы по направлению к покинутому «царскому городу» Мадакту, но его поход из-за неблагоприятных погодных условий был внезапно прерван. Наступил месяц кислим (ноябрь-декабрь). В горах Загра разразились стремительные ливни, а затем начался снегопад. Горные ручьи разлились, и переправиться через них не было никакой возможности. Синаххериб «успугнулся» (как он сам откровенно признает) не противника, отказавшегося от сопротивления, а разбушевавшейся стихии и повернул назад.

Вскоре он получил радостную весть. Царь Элама, Кудур-Наххунте, внезапно скончался. На престол вступил его младший брат — Умман-Менан. Однако и новый царь решил продолжить безнадежную борьбу с Синаххерибом за господство в Вавилонии.

В это время в Вавилоне престол захватил халдей Мусезиб-Мардук. Опираясь на «беглых арамейцев, бунтовщиков, кровожадных убийц и разбойников», как сообщается в ассирийских анналах, он организует оборону столицы. Новый эламский царь двинулся к нему на помощь.

В 691 г. до н. э. войска Вавилона, халдеев и Элама соединились и смело пошли навстречу ассирийцам, чтобы дать бой. В кровопролитном, ожесточенном сражении при Халуле, на Тигре (к северу от Вавилона), Синаххериб разгромил этот союз. Но от похода на Вавилон временно пришлось отказаться. Мусезиб-Мардук еще год оставался царем Вавилона.

В знаменитой библиотеке Апшурбанапала сохранился для потомков документ с красочным описанием битвы при Халуле. Это живое и яркое повествование о знаменитом сражении со всеми подробностями боя — великолепный образец ассирийской исторической литературы, дошедшей до нас. Описание это так полно жизни,

движения, подробностей, что его смело можно причислить к лучшим литературным образцам. Приведем его полностью: «Подобно тому как налетает саранча, они спешили мне навстречу — сразиться со мною. Пыль от ног их поднималась передо мной: так могучая буря застилает широкий лик небес чреватými дождем тучами. Близ города Халула, на берегу Тигра, они выстроились в боевом порядке и сделали перекличку своим войскам. Я же молился богу Ашшуру, Сину, Шамашу, Бэлу, Набу и Нергалу, Иштар Ниневийской и Иштар Арбельской, моим небесным хранителям, да даруют они мне победу над сильным врагом. В добрый час они вняли моим мольбам и пришли мне на помощь. Подобный разъяренному льву, я облекся в броню; шлемом — боевым украшением — я покрыл свою голову. На мою высокую колесницу, сметающую с пути моего врагов, я поспешно вскочил в пылу гнева сердца моего. Могучий лук схватил я, данный мне Ашшуром, и палицу мою грозную, всеокрушающую. Я устремился против всех бунтовщиков словно буйный лев; я гремел, подобно Ададу. По велению Ашшура, великого владыки, господя моего, я носился против врага из конца в конец поля, подобно шумному грозовому ливню. Оружием, данным мне Ашшуром, господом моим, и страшным моим напором я вселил ужас в сердце врагов и нагнал на них страх великий. Палицей мой и стрелами я редил их строй, и трупы их, словно снопы, ложились передо мной по земле. Хумбанундаша, воеводу царя эламского, главною опору его, мужа высокого звания и редкого разума, вместе со многими знатными вождями — у всех за поясом золотые кинжалы, а на руках запястья из чистого золота, — я увел, как связанных дюжих быков, и пресек их жизнь: перерезал им горло, как ягнятам... подобно свиреной буре, я раскидал по полю их стяги и шатры, изорванными в лохмотья. Благородные кони, запряженные в мою колесницу, шагали по лужам крови... дышло и колеса моей боевой колесницы были забрызганы кровью, и перед нею сторонились и исчезали всякие преграды. Равнина вместо травы покрылась трупами врагов. В виде победных доспехов я отрезал у них руки и снимал с них запястья из блестящего золота и серебра; палицей я разбивал их вооружение; золотые и серебряные кинжалы я вырывал из-за поясов их. Остальные вельможи, а также родной сын Мардук-апла-иддина, Набу-шумэр-еш, убоявшись моего оружия и собрав свои войска для отступления, были захвачены живыми среди битвы моей собственной рукой. Много колесниц я забрал на поле боя; сражавшиеся с них воины попадали с них; возницы тоже исчезли, и кони мчались наудачу. Я снарядил погоню и приказал резать беглецов на протяжении двух казбу. Самого Умман-Менана, царя эламского, вместе с царем вавилонским и его союзниками из земли Калду яростный напор моих войск разбил вконец. Они покинули свои шатры и, спасая жизнь, бежали; они топтали трупы собственных воинов, метались боязливо и быстро, как молодые ласточки, спугнутые с гнезда... Я гнался за ними в колеснице, за мною скакала конница. Беглецов же, кото-

рые разбрелись во все стороны, закалывали копьями, где бы ни настигали их».

Текст, повествующий об окончании этой блестящей кампании, содержится в надписи, высеченной на поверхности отвесной скалы в дикой и живописной местности Бовиань, в горах северо-восточнее Хорсабада. Этот памятник, вокруг которого на разных скалах найдено еще несколько изваяний, более или менее поврежденных, принадлежит к несколько позднему времени, чем приведенный выше документ. Здесь кратко упоминается о кампании, окончившейся победой при Халуле, и в заключение сообщается о том, что эламиты были до того запуганы поражением и впали «в такое уныние», что ушли в свои горы, «словно орлы», и долго не предпринимали никаких экспедиций, уклоняясь от всяких военных действий.

В это время на западной границе Ассирии начались новые волнения. Иудейский царь Езекия и североарабские царьки снова попали под влияние египетского фараона эфиопской династии Тахарки.

Синаххериб же, в свою очередь, не отказался от своего плана покорения Египта. В 690 г. до н. э. он снова у стен Иерусалима. Однако эта осада не дала желаемых результатов. Взять город на этот раз помешали события, разыгравшиеся в самой Ассирии. Царь Элама, воспользовавшись тем, что Синаххериб находится далеко на юге, напал на Вавилон и захватил в плен его царя, сына Синаххериба. Ассирийский царь решил отомстить. Он вторгся в Элам и разгромил его города.

В одной из своих надписей Синаххериб сообщал о том, как он подкупил эламского полководца Хумбан-Ундаша, который сообщил Синаххерибу о военных планах своего господина. Воспользовавшись этим предательством, ассирийский царь легко одержал победу над войсками эламитов и халдейских мятежников и пленил более 150 000 человек. В числе пленников оказался сын вавилонского царя Мардук-апла-иддина, который присоединился к мятежным войскам.

Опустошив наименее защищенные города Элама, Синаххериб вернулся обратно в Ниневию, твердо решив на этот раз навсегда покончить с Вавилоном.

В 689 г. до н. э. он подошел к городу во главе своих полчищ и потребовал его немедленной сдачи. Вавилоняне отказались. Тогда ассирийский царь силой взял Вавилон. Город был отдан войскам на разграбление. Население его частью переселили, частью отдали в рабство.

Синаххериб торжественно перевез в Ниневию в качестве трофея своей победы статую бога Мардука, а также царскую печать Тукульти-нинурты.

Как только сокровища города были перевезены в Ассирию, Синаххериб приказал снести жилые дома Вавилона, улицы, кварталы, храмы богов с высокими, «до неба», башнями. Во всех уголках большого города бушевало пламя пожарниц, за десятки кило-

метров было видно красное зарево огня, пожирающего один из величайших центров древнего Востока, в котором завоеватель видел лишь источник «крамол».

Итак, ассирийский царь стер прославленный древний город Вавилон с лица земли. После этого были открыты шлюзы, мощные воды Евфрата пущены по разрушенному городу, чтобы Вавилон, который не желал повиноваться Синаххерибу, более никогда не встал из развалин. Местность превратилась в болото. Желая раз и навсегда покончить с вавилонским царством, царь отмечал в своих надписях: «...дабы в грядущие времена никто не мог найти даже место этого города, я залил его водой. Город и дома в нем, с основания до верхних покоев, я срыл, разрушил, сжег огнем».

Вавилон был разрушен, но впоследствии восстановлен, ибо невозможно было истребить волю и стремление вавилонян к свободе, к миру и независимости.

Своим варварским поступком Синаххериб не добился, однако, спокойствия и мира. Порядок в государстве не был восстановлен. Смуты и недовольство продолжались.

В 681 г. до н. э., после 23-летнего царствования, блистательных военных походов и побед, Синаххериб стал жертвой дворцового переворота. Он был убит в храме двумя своими сыновьями — Адармаликом и Ашшурассаром.

Убийцы Синаххериба бежали в Ванское царство, где нашли поддержку, и с войсками направились в Метилену. Здесь их встретил и разбил третий сын Синаххериба — Асархаддон, отомстивший за своего отца.

* * *

Как уже было сказано, в 15 км от современного Мосула, в деревне Куюнджик, англичанин Астон Генри Лэйярд открыл под холмом, на левом берегу Тигра, остатки древней столицы могущественной Ассирии — Ниневии.

Когда Синаххериб вззошел на престол, он покинул Дур-Шаррукин, вернулся в Ниневию и превратил ее в крупнейшую столицу Ассирийской империи.

Как же выглядела Ниневия? Высокие желтоватые ее стены, увенчанные ступенчатыми зубцами, возвышались над водами мутной желтой р. Тигр. Вдоль реки тянулись низкие ивовые кусты, обозначающие линию берега; кое-где отходили влево и вправо арыки. Между ними — поля пшеницы и ячменя, местами — огороды и фруктовые сады. Из-за кустов виднелись высоконосые ладьи; круглые, обтянутые кожей *куфы* и плоты *келеки*. Их волокли на канатах против течения из Вавилона. Ниневия представляла собой громадный рынок, это был богатейший город Передней Азии. За его высокими кирпичными стенами, тянувшимися на несколько километров с севера на юг, жили десятки тысяч людей.

Недалеко от р. Хоср проходила дорога, которую построил еще отец Синаххериба Саргон II в конце VIII в. до н. э., когда основал новую столицу. У самой дороги — огромный насыпанный по приказу Саргона холм, на вершине которого (над городской стеной) и был построен дворец.

Площадка на вершине холма была такой обширной, что на ней удалось разместить дворец и три храма. Из-за стен поднимались верхушки нескольких пестрых ступенчатых храмовых башен. Необычайно прочные стены ассирийской столицы были усилены рвами, башнями, дополнительными пристройками, всякого рода укреплениями. Высокая двойная башня окаймляла ворота, ведущие на площадь к дворцу.

Огромное количество военной добычи и дани, стекавшихся в Ниневию, привлекало туда множество купцов. Ниневийские купцы занимались торговлей преимущественно со странами, расположенными к северу от Ассирии. Обычно они двигались вверх по течению Тигра, проникали в Ванское царство, а горными проходами, ведущими от Тигра на восток, попадали в Мидию, где своих купцов было мало и появление ассирийцев с товарами считалось большим событием.

Ассирийцы предпочитали военную добычу купленному товару. Но они разрешали приезжать в Ниневию и торговать купцам из Вавилонии, Сирии, Финикии и даже Египта. Только на войне не признавали никакого другого права, кроме права сильного; в мирные же времена царь (если верить официальным надписям) первый показывал пример уважения к закону; паравне с простыми подданными заключал условия и договоры, за все платил «настоящую цену».

В Ниневию доставляли бронзовые изделия из Малой Азии, аравийские благовония, заморское олово и янтарь, египетское золото, индийский хлопок, слоновую кость из Африки. Сюда по торговым делам приезжало много чужеземных купцов. Поэтому в столице Ассирии, около главной базарной площади, разместились постоянные дворы, которые всегда заполняла толпа разнообразно одетых приезжих, говоривших на различных языках. Впрочем, чаще всего звучала арамейская речь, язык Дамаска и Сирии. Арамеи было много как в Ниневии, так и в других городах Месопотамии: одних переселили ассирийские цари, другие приезжали сами и поселялись на берегах Тигра и Евфрата.

Ниневия стала столицей царства в период наивысшего могущества ассирийской державы. Для ее украшения древние владыки не жалели богатств, награбленных в завоеванных странах.

Двадцать семь пар крылатых чудовищ, множество глиняных табличек, сотни каменных плит, украшенных резными изображениями ассирийских царей, — все это было найдено при раскопках Ниневии.

Синаххериб, вновь сделавший Ниневию своей столицей, задался целью превратить ее в прекраснейший город мира. Осуж-

дая своих предшественников, он отмечал в анналах: «Ни один из них не думал о внутреннем убранстве, ни у одного из них не болело сердце о том, чтобы расширить площади перед дворцом, которая стала слишком мала, ни один из них не удосужился проложить улицы города, расширить площади, прорыть каналы или посадить деревья».

Синаххериб повелел повсюду разбить цветники и фруктовые сады. Он заново отстроил царские дворцы и храмы. Как и Ашшурнасирапал в Калахе, Синаххериб распорядился разрушить до основания прежний ниневийский дворец и построить на его месте новый. («В благоприятный месяц и в удачный день я заложил по желанию своего сердца дворец из алебаstra и сирийского кедра... я возобновил и закончил этот дворец от самого основания до верхушки».)

Дворец Синаххериба считался самым совершенным и величественным произведением своеобразного ассирийского зодчества. По словам Г. Роулинсона, «он превзошел размерами и великолепием все прежние строения того же рода». Дворец Ашшурбанапала, построенный на той же платформе внуком Синаххериба, достигает еще большего совершенства орнаментации, но даже это здание не сравнится с дворцом Синаххериба по числу покоев и величественности размеров. Дворец занимал площадь до трех гектаров земли; в нем располагалось не менее 70 или 80 комнат и зал.

Парадные покои, как это тогда было принято, покрывали рельефы на алебастровых плитах, изображающие главные моменты и сцены из жизни царя, домашней и походной, военной и мирной. Г. Роулинсон так охарактеризовал художественные приемы ваятелей того времени:

«Самая поразительная и характерная черта орнаментации эпохи Синаххериба — яркий реализм... Везде изображены горы, скалы, деревья, дороги, реки, озера, притом с явным старанием передать отличительные черты каждой данной местности настолько правдиво, насколько позволяли искусство художника и материал, над которым он работал... Указан род деревьев... сады, нивы, пруды, тростник тщательно изображены; попадаются дикие животные: олени, антилопы, кабаны; птицы летают с дерева на дерево или стоят над гнездами и кормят птенцов, которые к ним тянутся; рыбы резвятся в воде; рыбаки занимаются своим промыслом, поселяне — полевыми работами; каждая сцена, так сказать, снята фотографически, во всех подробностях».

С таким же реализмом на стенах коридоров и лестниц воспроизведены самые обыденные, бытовые сцены, например шествия слуг, ежедневно приходивших во дворец с дичью, печеньями и плодами для царского стола; процесс ваяния и перевозки колоссального крылатого быка и т. д.

Интересно, что Лэйярд, отправлявший статуи быков, в точности повторил процесс, изображенный на плитах 2600 лет назад,

с той разницей, что тащили их напьяные арабы вместо пленных воинов.

Дворец окружен широким пустым пространством. Он воздвигнут на высокой облицованной кирпичом платформе и похож на крепость: те же высокие белые стены с чередующимися выступами башен, те же зубцы наверху и каменные глыбы цоколей. Между двух высоких белых башен с голубыми зубцами располагалась арка с окованными медью воротами. Из нее выступали два гигантских изваяния добрых духов — крылатых быков с человеческими лицами, с черными бородами и цветными крыльями. Сияя белизной и горделиво подняв огромные крылья, они безмятежно, с улыбкой взирали на людей с высоты своего могущества. Сочетание бородатых добродушных, улыбающихся лиц и напряженных, свирепого вида туловищ олицетворяло добро и стремление к противоборству. Это добрые божества, охранявшие своего повелителя, который поставил их у своих ворот, но в то же время всегда готовые вступить за него в борьбу.

Теперь они охраняют вход в Багдадский музей.

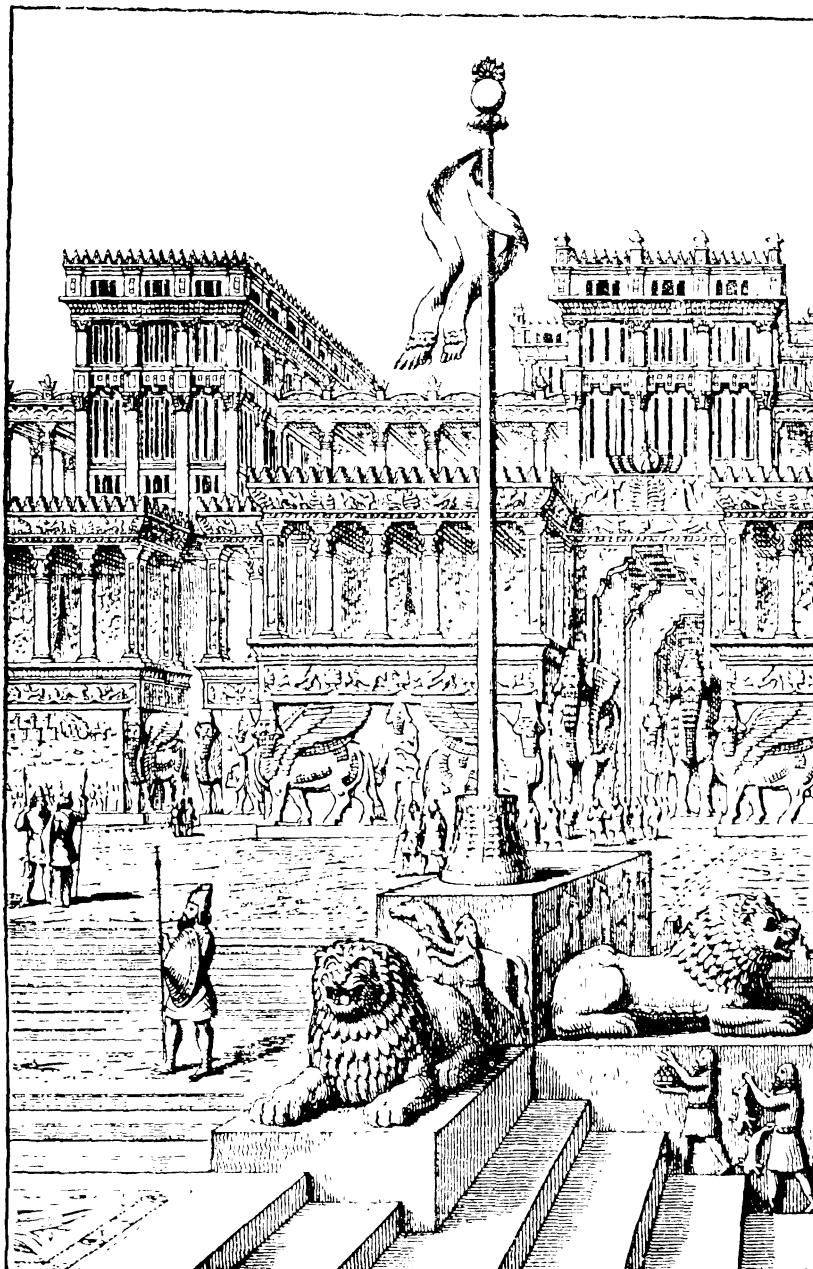
В лабиринтах внутренних дворов и узких длинных комнат с высокими стенами всегда стояли полумрак и прохлада, так как вместо окон пробивались только дверные проемы или небольшие отверстия под потолком.

В парадных комнатах стены покрывали каменные плиты с раскрашенными в пять цветов рельефными изображениями царских походов и охот, божеств и демонов. В других комнатах в стены были вбиты гвозди, медные или из обожженной глины, покрытые глазурью. На них висели цветные ткани или циновки.

Сам город не был похож на большинство городов своего времени. Конечно, и здесь встречались лабиринты узких улочек-проходов между глухими глинобитными стенами домов; и здесь их захламлял всякого рода мусор. Но все же от городских ворот к храмам и от храма к храму вели широкие, спрямленные улицы, кое-где даже мощенные посередине плитами.

На этих улицах не было прекрасных домов с великолепными фасадами и стройных рядов деревьев; виднелись лишь глухие беленые стены. Зато с них открывался прекрасный вид на высокие украшенные пирами и выступами белые стены храмов с многоярусными башнями и стены царского дворца.

В Ниневии запрещалось нарушать прямую линию улицы: виновному грозило страшное наказание, его вешали или сажали на кол. Частные дома возводились из кирпича и глины в один, иногда в два этажа. Особой заботы хозяев требовал купальный бассейн с дном, покрытым асфальтом. Вместо выгребных ям с каждого двора шли сточные каналы, которые вели в большой, проложенный под мостовой канал. Верх зданий обыкновенно представлял собой террасу с плотно утрамбованной землей. От жары спасались в подвальных помещениях, стены которых поливали водой.

Дворец царя Синаххериба в Ниневии.
Реконструкция

Кирпич для построек употреблялся главным образом необожженный, высушенный на солнце. Лишь на облицовку внешних стен шел обожженный кирпич, предохранявший здание от проникновения воды. Его старались использовать по возможности реже, так как кирпич быстро нагревался и пропускал тепло, что усиливало жару в помещениях. Фасады украшались также и глазурованными плитками. Жидкая глина, смешанная с золой, служила вяжущим материалом, так же как асфальт, делавший постройку водонепроницаемой. Известь была в те времена еще неизвестна. Дерево применялось для перекрытий, а также шло на изготовление дверей.

Синаххериб поставил своей целью привести в порядок каналы и перестроить целые кварталы города. Старые узкие улицы были расширены, набережная Тигра обложена камнями.

На одной из надписей Синаххериба читаем: «Я посадил вокруг дворца всевозможные травы, фруктовые и другие деревья из числа тех, что растут и в Халдее. Я разделил расположенные за городом общественные земли на участки и раздал их жителям Ниневии под фруктовые сады. Для того чтобы эти сады прекрасно росли, я повелел прорыть железными кирками канал от города Кизира до равнины возле Ниневии и направил воду через горы и низины. Я заставил течь вечные воды Хосра в ирригационные каналы, прорытые в этих садах».

Впервые при Синаххерибе в Ассирии был разведен хлопок, доставленный из Индии, и другие чужеземные растения.

Водоснабжение было для Синаххериба самой трудноразрешимой проблемой. Он посылал людей на розыски ручьев. Их течение старались изменить, чтобы направить воды в Хоср. Кирками прорубались в скалах русла для воды, сооружались земляные насыпи для каналов.

По мере того как Синаххериб осваивал все новые территории вокруг Ниневии и засаживал их редкостными деревьями, кустарниками и зерновыми культурами, ему приходилось все дальше углубляться на восток, в горы, в поисках воды для удовлетворения возрастающих нужд города.

Невдалеке от Ниневии на фронте одного из домов местных жителей, сооруженного из четырех крупных белых глыб, была обнаружена следующая надпись: «Синаххериб, царь вселенной, царь Ассирии, говорит: на большое расстояние, в дополнение к весенним потокам с гор, справа и слева от него я приказал прорыть канал в долину Ниневии. Над глубоким ущельем я приказал построить мост из белого камня. Я приказал пустить через него эти воды».

Знаменитые башни Ниневии гордо высились над полноводным Тигром, как в зеркале отражаясь в его быстротечных водах; из ворот ее мощные ассирийские полки выступали в поход и возвращались с победой, с огромными сокровищами покоренных народов.

Прежние столицы Ассирии, Ашшур и Калах, отступили на задний план перед перестроенной и расширенной Ниневией. Последующие ассирийские цари предпочитали жить в любимом городе Синаххериба и продолжали украшать его новыми зданиями и сооружениями.

В 1854 г. обнаруживший Ниневию английский археолог Лэй-ярд устроил в лондонском Хрустальном дворце выставку своих находок и посетители увидели богатство и величие Ниневии.

С немым восхищением они рассматривали реконструированные комнаты, церемониальные залы, статуи и барельефы ассирийских царей, и прежде всего стену из кирпичей, покрытых многоцветной глазурью, чего не знала до ассирийцев ни одна другая древняя архитектура.

Глава VIII

АССИРИЯ ПРИ АСАРХАДДОНЕ (680—669 гг. до н. э.)
И АШШУРБАНАПАЛЕ (668—627 гг. до н. э.)

Военные походы Асархаддона

Асархаддон, любимый сын Синаххериба, был, подобно своему отцу, воинственным царем, но продолжать его политику не решился. В противоположность отцу он изменил свое отношение к Вавилону, не одобряя действий Синаххериба, предавшего разрушению «священный город». Новый царь был ловким политиком и дипломатом. Чтобы расположить к себе жречество и торговцев, он решил следовать политике своего деда — Саргона II. Асархаддон задумал восстановить Вавилон, поднять его из руин и пепла. Восстанавливается канал Арахту. Излишние воды отводятся через канал, территория осушается и очищается от развалин и мусора. Начинаясь грандиозные работы по строительству, каких еще не знал древний мир. Десятки тысяч рабов-военнопленных восстанавливают дворцы, храмы, жилища. Знаменитые зодчие Вавилона и Ассирии трудятся над тем, чтобы вернуть Вавилону былую красоту и величие. Росли великолепные архитектурные ансамбли: величественные храмы, знаменитые башни — все, чем ранее славился Вавилон. Возвращались в новый город жители.

Для большого торгово-финансового и культурно-политического центра, которым был тогда Вавилон, была характерна многолюдность и этническая пестрота населения, столкновение и смешение обычаев, правов и морально-этических представлений множества непохожих друг на друга племен и народов.

Зиккурат Вавилона — семейная башня 90-метровой высоты, выстроенная еще в III тысячелетии до н. э. и возобновленная в VI в., — был посвящен главному вавилонскому богу — Мардуку. По мнению многих ученых, этот зиккурат явился прообразом описанной в Библии «вавилонской башни», построенной ассирийским зодчим Араххешу по приказу царя Асархаддона. Согласно легенде, возгордившиеся люди будто бы намеревались выстроить башню до самого неба, но бог, решивший не допустить этого, смешал их языки, что вынудило строителей отступить. В этой легенде правда и вымысел переплетаются самым причудливым образом: вавилонский зиккурат, конечно, не претендовал на то, чтобы достигнуть неба, однако иудеи, ненавидевшие покорителей-вавилонян, охотно приписали им горделивые замыслы, окончившиеся,

как и следовало ожидать, провалом. При самом известном царе нововавилонской династии — Навуходоносоре II (605—562 гг. до н.э.), прославившемся своим полководческим даром, деспотизмом и государственным талантом, в Вавилоне были выстроены на террасах, поддерживаемых кирпичными арками, знаменитые висячие «сады Семирамиды», которые древние греки считали одним из семи чудес света.

Замечательные памятники Вавилона были раскопаны археологами, и мы получили наглядное представление о грандиозных сооружениях одного из крупнейших центров древнего мира.

В 1976 г. правительство Ирака решило реставрировать развалины древнего Вавилона и создать здесь своеобразный музей под открытым небом. Реставрационные работы начнутся после завершения раскопок и займут 10 лет. Будут восстановлены ворота Иштар, главная улица города-государства и вавилонская башня.

Восстанавливая Вавилон, Асархаддон с большим тактом избегал всего, что могло хотя бы в какой-то мере бросить тень на память его отца. Разрушение Вавилона он дипломатично приписывал гневу бога Мардука, который будто бы погубил город за преступления его жителей. По воле великого Мардука, сообщает ассирийский царь в одной из своих надписей, город был скрыт до основания, сравнен с землей, залит водою канала Арахту и превращен в непроходимое болото. Таким образом, получается, что Синаххериб был лишь орудием в руках могучих богов и выполнял их высочайшую волю. Этим дипломатическим документом Асархаддон преследует две цели: во-первых, оправдывает действия своего отца, а во-вторых, как бы предупреждает вавилонян о необходимости выполнять волю Асархаддона, чтобы снова не навлечь на себя страшный гнев бога Мардука.

В начале царствования Асархаддон вынудил к бегству главу вавилонских мятежников Набу-зер-китти-лишира, сына уже известного нам Мардука-апла-иддина. Этот враждебный деятель впоследствии был убит будто бы за то, что «нарушил клятву богам». А брата его, Наидмардука, Асархаддон привлек на свою сторону и сделал наместником в Приморской стране. Сам же Асархаддон взял в жены уроженку Вавилона. Этим он еще раз хотел подчеркнуть свою любовь и привязанность к столице, которую, можно сказать, воскресил из мертвых, и в которой жил чаще всего.

Но Асархаддон был не только энергичным политиком, но и воинственным полководцем. При нем еще больше возросло политическое и военное могущество ассирийского государства. Царь ставит своей главной целью завершение ассирийских завоеваний покорением Египта, чтобы сделать Ассирию главенствующей державой и единственной владычицей над всем цивилизованным древним миром. В результате похода Асархаддона в Аравию вновь сильно увеличилось число наемных воинов в ассирийском войске.

Асархаддон пытался закрепить свое положение на восточных границах Египта. Отношения с племенами Аравии были у него

Победная стела царя Асархаддона из Самая. Берлин. Государственные музеи

весьма напряженными. Поэтому туда и поспешил царь со своими войсками. Сохранилось замечательное описание похода Асархаддона в Аравийскую пустыню, лежащую между владениями Ассирии и Египта.

Дорога проходила по раскаленным, безводным пескам, где водились многочисленные змеи и скорпионы, а затем через горы. Асархаддон утверждал, что «ни один царь до него не ходил в этот край». Во время этого похода было убито восемь аравийских шейхов. Их сокровища и изображения богов ассирийцы увезли с собой. Один из оставшихся в живых шейхов, Лаилиэ, сперва бежал, а потом шел следом за Асархаддоном до Ниневии, чтобы просить царя вернуть увезенные статуи богов. Асархаддон принял его, вернул увезенных богов, а также завоеванные земли, сделав Лаилиэ своим ставленником.

Таким образом, судя по источникам, Асар-

хаддона можно характеризовать как умелого дипломата, создавшего, что чрезмерная жестокость, проявляемая его отцом и дедом, давала лишь обратные результаты.

Постоянный противник Ассирии, царь Сидона, сколотил новую коалицию сирийских княжеств. Он пытался поднять восстание в Финикии, в городе Сидоне, но Асархаддон опередил своих врагов и осадил город, прежде чем подоспели на помощь союзники. Враг был разгромлен. Крепость разрушена, дома снесены. Сидонский правитель Абдимилькути, как сообщал Асархаддон, «убежал от

моего оружия в середину моря», но царь «поймал его, как ловят рыбу из моря», и казнил.

На одной из четырех стел, обнаруженных к северу от Бейрута, где р. Нахр-эль-Кельб впадает в Средиземное море, как раз и запечатлен Асархаддон, взявший в плен царя Сидона.

Та же участь постигла одного из киликийских царьков, Сандуарри, которого «поймали в горах как птицу». Из Сидона была увезена богатая добыча. Цари соседних стран, в том числе могущественного Тира, и греческие правители Кипра поспешили к Асархаддону, чтобы выразить ему свою покорность.

С захватом Сидона Асархаддон завершил покорение всей Сирии. Он построил на его месте новый город, крепость и центр новой провинции — Дур-Асархаддон. Сам царь сообщает об этом так: «Я осадил город, предал смерти всех его вельмож. Разорил его стены и дома сбросил в море. Уничтожил места жертвенников. Я унес все, что мог, из сокровищ: золото, серебро, драгоценные камни, слоновьи клыки, кленовые и самшитовые бревна, материи из цветной шерсти и белоснежное полотно, — все, что было в его доме. Я отправил всех жителей Сирии и Приморского берега в чужие страны. Я построил в Сирии крепость, которую назвал Дур-Асархаддон; поселил в ней людей, покоренных мною в горах и у моря восходящего солнца».

Разгромив Сидон и овладев Южной Финикией, Асархаддон создал себе плацдарм против Египта, подчинил часть Кипра, Иудею и соседние с ней страны. Укрепив свою власть над аравийскими племенами, Асархаддон приступил к выполнению главной задачи — разгрому фараона эфиопской династии Тахарки, который все время поддерживал и натравливал царей Палестины, Сидона и городов Финикии на Ассирию.

В 671 г. царь совершил труднейший поход в Египет. Во время этого похода ассирийское войско, преодолев Синайский полуостров, подступило к столице Египта — Мемфису. Фараон спасся бегством, город был опустошен, вся страна, вплоть до Фив, покорена и превращена в ассирийскую провинцию. Городами Египта стали управлять ассирийские наместники. На страну была наложена дань и установлен культ Ашшура, из египетских храмов вывезено в Ниневию 55 царских статуй.

Однако ассирийские гарнизоны, наместники и чиновники, оставшиеся в Египте, оказались неспособными удержать в своих руках власть. Тахарка сумел собрать после своего бегства войско и, воспользовавшись возвращением ассирийских отрядов в Ниневию, захватил Мемфис. Асархаддон решил лично возглавить поход против царя. На границе с Египтом войско Тахарки было вновь разбито, а сам он бежал в Фивы. Ассирийцы, увеличив численность своего войска, преследовали и настигли его. Тахарка вынужден был покинуть Фивы. Ассирийские войска захватили большую добычу.

Это был огромный успех ассирийского оружия. Египет подчи-

нился Асархаддону. Покорился ему и царь Тира, Баал, который стал данником Ассирии. В договоре были обусловлены его новые отношения к Ассирии и наместникам.

В 669 г. до н. э. Асархаддон умер во время похода на Египет.

В 1886 г. немецкая экспедиция открыла в Зенджирли прекрасно сохранившуюся победную стелу с изображением Асархаддона с двумя маленькими фигурками побежденных.

Асархаддон, завоевав Египет, титуловался на памятниках как «царь Египта и Эфиопии», так же как «царь Ассирии» и «правитель Вавилона».

Ассирийские гарнизоны были расположены в основных городах Египта, часть которых получила новые, ассирийские названия. Вся страна была территориально разделена на 20 маленьких царств, подчиненных Нехо, номарху Самоса и Мемфиса, которого поставил над ним Асархаддон. Границы Ассирии расширились до оз. Ван на севере, Иранского плоскогорья на востоке, песков Сахары на западе.

Асархаддон вел войны не только ради покорения и грабежа соседних стран, но и с целью расширения рынков торговли. Ассирийское государство выходит на мировую арену. Здесь уже появляются металлические слитки, на которых была обозначена их стоимость.

Развитие рабовладельческого строя в Ассирии приводило к тому, что в руках жрецов, купцов и знати скопились большие средства. В ходе завоевательных агрессивных войн ассирийцы покорили многие страны, захватив огромные богатства у покоренных народов. Кроме того, они получали большую дань от зависимых царств. В то время как в Египте в качестве денежной единицы употреблялись кольца из золота, серебра и меди, в Вавилонии основным мерилom ценностей служило серебро, а золото появилось только при касситах.

В Ассирии на первых порах большое значение при товарообмене имели слитки свинца, но затем основным средством оплаты стало серебро.

Некоторые источники свидетельствуют о том, что в Ассирии были в ходу слитки с пометками о весе (т. е. говорящие об их стоимости).

Ассирия торговала почти со всеми областями древнего Востока. Несмотря на расцвет торговли, в которой в первую очередь была заинтересована знать, жрецы и купцы завоеванных стран, ассирийская подать оказалась настолько тяжела, что покоренные страны были лишены чуть ли не всех выгод от этой торговли. Ассирийское государство оставалось ненавистным для всех завоеванных областей, которые всегда искали повода, чтобы избавиться от этого ига.

Известный русский поэт В. Брюсов в 1897 г. написал стихотворение «Асархаддон», в котором ярко обрисовал образ ассирийского царя:

Я — вождь земных царей и царь Асархадон,
Владыки и вожди, вам говорю я: Горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон,
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: Горе!

Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
Деянья всех людей, — как тень в безумном сне...

Мечта о подвигах — как детская забава,
Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величием упоен,
Я, вождь земных царей и царь Асархадон!

Асархаддон имел двух сыновей. Он решил передать ассирийский престол своему любимому сыну — Шамашшумукину, рожденному от вавилонянки. Этим актом царь хотел подчеркнуть свое желание превратить Вавилон в центр мировой державы. Второго сына, Ашшурбанапала, рожденного от ассирийской женщины, он отдал в храмовую писцовую школу для изучения тайн клинописи.

Много сил и времени Ашшурбанапал посвятил искусству чтения и письма ассииро-вавилонских и шумерских текстов. Годы, проведенные в этой школе, не прошли бесследно; они оставили глубокий след в характере Ашшурбанапала. С большой любовью знакомится он с военными сочинениями, изучает хронику военных походов царей Ассирии, знакомится с другими литературными источниками, рассказывающими о далеком прошлом Месопотамии, ее народах и племенах. Все это расширило кругозор любознательного Ашшурбанапала, обогатило его новыми знаниями, которые впоследствии сыграли большую роль в его государственной деятельности.

Намерение передать власть Шамашшумукину вызвало резко отрицательную реакцию ассирийской родовой и торговой знати и верхушки войска. Они не хотели, чтобы во главе ассирийского государства был поставлен царевич, родившийся от брака с вавилонянкой.

В угоду родовой знати и войску Асархаддону пришлось изменить свое первоначальное решение, чтобы сохранить мир и единство внутри страны, необходимые для завоевания Египта. В мае 672 г. до н. э. он провозглашает царем Ассирии Ашшурбанапала, а его брата, Шамашшумукина, наместником Вавилона. При этом последний, хотя и носил царский титул, должен был подчиняться Ашшурбанапалу. В анналах этот факт зарегистрирован в следующем тексте: «Он созвал народ Ашшура от мала до велика, от берегов Средиземного моря до Персидского залива, чтобы торжественно передать своему сыну, Ашшурбанапалу, ассирийский престол, принять присягу от сына перед народом. С этого дня

Ашшурбанапал стал править Ашшуровым царством... и вступил с радостью и громким ликованием в царский дворец Синаххериба, в котором отец его, Асархаддон, родился, вырос и возмужал... и из которого он распространил свое владычество над всеми царями и увеличил число своих подданных за счет других народов...»

Вступление Ашшурбанапала на ассирийский престол создало сложную обстановку в стране. Раздел власти не устранил противоречий между Вавилоном и Ассирией и вражды между братьями, что привело впоследствии к трагическим результатам.

Завоевательная политика Ашшурбанапала

Ашшурбанапал (букв. «Ашшур сотворил сына») был достойным продолжателем дела отца, выдающимся государственным деятелем и полководцем. Ашшурбанапал возвращается к политике Синаххериба и, подобно своему деду, предпочитает опираться на войско. Шамашшумукин, наоборот, стремится продолжать политику своего отца и как наместник Вавилона в своей деятельности рассчитывает на поддержку жречества и знати Вавилопа.

Ашшурбанапал в период своего правления еще более укрепил престиж коренных ассирийских земель.

Внешнее благополучие, прочное экономическое положение, богатая жизнь — ничто не говорило о том, что ассирийскую державу отделяло от гибели всего 50—60 лет.

Однако дела в ассирийских провинциях шли далеко не гладко. Покоренные народы были недовольны, они искали повода и удобного случая, чтобы добиться своей независимости. Всякая смена царей в Ассирии, как правило, сопровождалась восстаниями в покоренных странах, народы объединялись, чтобы совместными усилиями избавиться от ассирийского ига.

Ашшурбанапал еще при жизни отца продолжал походы в Египет и завершил его покорение, но после ухода ассирийского войска из Египта и смерти Асархаддона Египет вновь отделился от Ассирии. В 667 г. до н. э. восстание поднял и возглавил ставленник Ассирии Нехо, который сумел наладить дружественные отношения с фараоном Тахаркой. Однако ассирийские наместники перехватили гонцов Нехо и Тахарки, а Нехо заковали в кандалы и отправили в Ниневию. Города, ставшие на сторону мятежников, были жестоко наказаны.

Будучи дальновидным государственным деятелем и дипломатом, Ашшурбанапал понимал, что без преданных ему людей из покоренных стран будет трудно удержать Египет под своей властью. Некоторым египетским правителям, участникам заговора, Ашшурбанапал счел необходимым сохранить жизнь. Он решил превратить их в верную опору Ниневии в случае новых восстаний и помиловал, в частности, Нехо и его сына — Псамметиха. Особенно хорошо он отнесся к Нехо, номарху городов Саиса и Мемфиса,

как вдумчивому, умному и честолюбивому правителю. В своей летописи он повествует: «В одежду цветную я облачил его (Нехо), и цепь золотую, отличие его царственности, я наложил на него; золотыми кольцами я унизал его пальцы, железный поясной кинжал в золотой оправе, написав на нем мое имя, я отдал ему; колесницы, коней, мулов для езды его величества я подарил ему; наместников моих (и) начальников областей для союза с ними я послал туда, куда отец, мой создатель, в Сомо (Соме) на царство назначил его, на его место я вернул его, а Набушезибани (Псамметихо), его сына, в Хатхариба (Атрибис) я назначил».

В действительности наместники были направлены не только для союза, а главным образом для контроля за деятельностью помилованных правителей. Этот дипломатический эксперимент в отношении Нехо отлично себя оправдал. Он остался преданным Ассирии и ее верным ставленником в Египте.

Итак, великодушный жест, за которым скрывался тонкий расчет, сыграл положительную роль. Большая часть помилованных царей отказывалась участвовать в новых восстаниях против Ассирии. Более того, Нехо боролся против Эфиопии.

После смерти Тахарки его преемник Танутамон проявил большую энергию и настойчивость. Он укрепил Фивы, напал на Мемфис и после непродолжительной осады взял город, оттеснив ассирийский гарнизон. Известие о новом восстании было отправлено с гонцом в Ниневию. Ашшурбанапал в короткое время собрал большое войско и в 661 г. до н. э. возглавил поход против царя. Когда на границе появились ассирийские войска, в стане противников началась паника. Фивы были захвачены. Танутамон бежал. Мятежников жестоко наказали.

Древней столицей Египта со времени Среднего царства был г. Фивы. Здесь сосредоточились огромные богатства, национальные сокровища искусства. Варварское разрушение ассирийцами «Стовратых Фив», как их называли греки, крупнейшего культурного и политического центра Египта, живо напоминает современникам трагическую судьбу Вавилона. Вот как сообщал об этом Ашшурбанапал: «Город этот (Фивы) целиком с помощью Ашшурра и Иштар захватили мои руки... Тяжелую добычу, без счета, награбил я... два высоких обелиска, литые из светлого электра, вес которых 2500 талантов, я забрал в страну Ашшур».

Египет на время успокоился.

Зато беспокойно стало в приморских городах. В Финикии попытался восстать царь Тира. Ассирийцы блокировали город. Тир лишился пресной воды, защитники города пили только морскую. Блокада оказалась слишком тяжелой для населения. Убедившись в том, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, царь Тира Баал направил своего сына к Ашшурбанапалу просить пощады. Вместе с сыном он послал для гарема ассирийского царя свою дочь и дочерей своих братьев с богатым приданым. Ашшурбанапал поступил и в этом случае благоразумно. Он не взял царя

ского сына в заложники, а вернул его обратно отцу. Таким образом Баал отделался данью.

Восстановив таким образом порядок в Финикии, ассирийские войска напали на Киликию, где также начались волнения. После непродолжительной битвы царь этой страны сдался и в знак своей покорности отправил дочь с богатыми дарами в гарем ниневийского владыки.

В 664 г. до н. э. в Ниневию к Ашшурбанапалу явился знатный чужеземец, посол неизвестного доселе лидийского царя Гига (Гуггу). По его словам, лидийский царь объявлял себя подданным Ассирии. Одержав победу над киммерийцами, Гиг приказал закопать в кандалы и отправить с большими дарами в Ниневию двух их главных вождей.

Однако зависимость от Ассирии не устраивала лидийского царя. Он не стал больше посылать дань Ассирии и, более того, нашел себе нового союзника в лице Псамметиха I, которому послал в помощь свое войско. Такой союз был крайне необходим египетскому царю, так как Псамметих I поставил перед собой задачу восстановить самостоятельность Египта, его национальное единство.

Когда весть о вероломстве Гига дошла до Ашшурбанапала, то он страшно разгневался и, как гласит летопись, сказал: «Перед врагами труп его пусть будет брошен, и пусть будут унесены кости его». Далее он говорит, что Гуггу (Гиг) погиб, а слуги его были уведены в плен. Летопись, правда, не сообщает, при каких обстоятельствах это произошло и кем был убит Гуггу. Очевидно, **лидийский царь** погиб в 652 г. в борьбе с варварами, которые **напали** на Лидию после того, как она порвала свои отношения с Ассирией. Это предположение подтверждается тем, что сын и преемник Гига, Ардис, немедленно после гибели отца признал владычество Ассирии.

Ардис писал Ашшурбанапалу: «Царь, которого знает бог,— ты! Отца моего ты проклял, и с ним случилось зло. Меня, раба, чтящего тебя, благословил, и да буду я влачить твоё ярмо». Покаяние Ардиса Ашшурбанапал принял, но большой помощи ему не смог оказать из-за трудностей, с которыми встретился сам.

Ашшурбанапал и его дипломатия

Ашшурбанапал стал ассирийским царем, будучи еще сравнительно молодым человеком. Он был высокого роста, крепкого сложения. Сильный, необыкновенно смелый и ловкий, царь прекрасно ездил на лошади, отлично стрелял и любил охотиться на львов.

Человек твердой, железной воли, он постоянно заботился об укреплении своего государства. Ашшурбанапал соединял редкие качества выдающегося государственного и военного деятеля. При

Разрушение ассирийцами города.
Рельеф из дворца царя Ашшурбанипала в Ниневии.
Лондон. Британский музей

нем значительного расцвета достигла ассирийская культура, о чем свидетельствует знаменитая Ниневийская библиотека — единственное собрание клинописных памятников, содержащее тексты, касающиеся истории, строительства и торговли, и с большой полнотой охватывающее почти все жанры ассирийской литературы. Сам Ашшурбанапал владел тремя языками, в том числе и шумерским, был знаком с астрологией, вероятно, изучал арифметику и геометрию, т. е. являлся достаточно образованным человеком для своего времени.

Подобно фараону Эхнатону в Египте, которому принадлежит один из прекраснейших гимнов богу солнца, Ашшурбанапал, по видимому, обладал также поэтическими способностями. Во всяком случае, ему приписывается замечательная элегия, в которой он жалуется на обрушившиеся на него беды:

Богу и людям, живым и мертвым, я делал добро.
Почему же болезнь, сердечная скорбь, бедствие,
погибель привязались ко мне. Не прекращается
в стране война, а в доме раздор.

Смута, злословие постоянно ополчаются на меня.
Дурное настроение и болезнь тела сгибают мою
фигуру. Среди вздохов и стонов я провожу дни.

В день моего городского бога (Ашшура), в день
праздника, я расстроен. Должна прикончить меня
смерть.

Даже если предположить, что царю в создании этого «плача» помогали придворные поэты, то все же следует признать, что он любил и понимал поэзию.

В сложной обстановке, которой характеризовалось правление Ашшурбанапала, он проявил себя и как опытный дипломат. Так, с целью ослабления эфиопского влияния в Египте Ашшурбанапал поддерживал египетского правителя Нехо, которого он держал в Ниневии в качестве военнопленного, готовил его к тому, чтобы тот проводил в Египте проассирийскую политику. Ашшурбанапал использует в борьбе со своими врагами дипломатические каналы, многочисленный аппарат чиновников и шпионов. Чиновники должны были следить за тем, что происходило в тех областях, которые только подчинялись Ассирии и сохраняли еще видимость самостоятельности.

Хорошо разработанная система шпионажа способствовала тому, что в Ниневию постоянно поступали самые различные донесения о происходящих событиях на границах великого государства, в вассальных странах. Царю сообщалось о подготовке к войне, передвижениях войск, о заключении тайных союзов, о приеме и возвращении послов, о строительстве крепостей, о заговорах и восстаниях, о перебежчиках, об уgone скота, об урожае и прочих делах соседних стран. Будучи хорошо осведомлен о планах противников, царь принимает быстрые и решительные меры, чтобы громить их поодиночке, не давая возможности объединить свои силы

против Ассирии. Ашшурбанапал и его советники всегда использовали противоречия своих врагов. Внутренние междоусобицы и слабость соседей играли на руку Ассирии и обеспечивали безопасность ее границ. При помощи тонкой дипломатии, все время лавируя между различными враждебными силами, Ассирии удавалось сохранять свои огромные владения, разбивать различные враждебные коалиции и защищать границы от вторжения опасных противников.

Ассирийцы уделяли большое внимание разведыванию планов тех своих соседей, на которых собирались напасть. Немало сил и времени тратили они на распространение благоприятных для планов Ассирии политических слухов.

Урарту (Ванское царство) было также наводнено ассирийскими разведчиками и дипломатами, как и другие соседние страны. Лазутчики следили за каждым шагом царя Урарту и его союзников. Вот что пишет в своем письме царю ассирийский соглядатай о действиях правителей урартских городов: «Царю царей, моему повелителю, твой раб Уммалхалдаши. Да будет здрав царь. Да пребывает в добром здравии его страна и его крепости. Да пусть сердце царя преисполнится радостью. Я отправил особого уполномоченного собрать все новости, которые касаются Урарту. Он уже возвратился и сообщает то, что следует ниже.

Враждебно к нам настроенные люди в настоящее время собираются в городе Харда. Они внимательно следят за всем происходящим. Во всех городах, до самой Тушпы, стоят вооруженные отряды... Пусть мой господин позволит прислать вооруженный отряд и разрешит мне занять город Шурубубу во время жатвы».

Военная машина Ассирии

Вся история Ассирии — это непрерывная цепь войн. В результате в стране была создана совершенная военная машина, подобной которой ничего не существовало в древнем мире вплоть до появления македонской фаланги и римских легионов.

Особенного совершенства ассирийское войско достигло при Ашшурбанапале. Если ранее в ассирийских войсках сохранялось большое число боевых колесниц, то теперь их стало меньше, по установленному обычаю в войске им предназначалось самое почетное место. Особенно широко стала внедряться конница. Если при Тиглатпаласаре I и Салманасаре III насчитывалось всего несколько верховых всадников, которые были гонцами для передачи приказов царя, то уже при Саргоне и Синаххерибе, а особенно Ашшурбанапале в состав армии были введены большие массы конницы и ей отведена ответственная роль в стратегии и тактике. Прежде каждого конного стрелка сопровождал слуга, тоже верховой, который во время действия правил его лошадью, чтобы тот имел обе руки свободными, теперь необходимость в подручном

отпала. Конейщики и стрелки стали сами управлять лошадьми, нажимая на круп коленями.

Ашшурбанапал почти всю свою жизнь провел в военных походах. Кончалась одна война, начинались победные торжества. После маленькой передышки снова война, и так — до падения Ассирии.

Война стала средством усиления господства эксплуататорских классов, захвата ими чужих земель и порабощения более слабых народов. Ассирийская рабовладельческая военная держава была создана силой оружия и держалась главным образом силой оружия, постоянно рассчитывая на новые военные победы.

Как уже было сказано, при Ашшурбанапале Ассирия достигла своего наивысшего могущества. Обширность ассирийских городов, блеск двора и великолепие построек превосходили все когда-либо виденное в странах древнего Востока. Территория ассирийского государства простиралась уже от гор Малой Азии до долины Нила, от Средиземного моря до Персидского залива и Центрального Ирана. Академик В. В. Струве писал: «Сравнительно недавно найденная надпись Ашшурбанапала свидетельствует о том, что в 639 г. до н. э. вожди мидийских и персидских племен платили дань Ассирии. Среди данников был и Кир, вождь одного из персидских племен, дед великого Кира, основателя персидской державы».

Народами покоренных и зависимых стран неограниченно правил ассирийский царь из своей столицы — Ниневии, где он жил и откуда распоряжался судьбами миллионов подвластных ему людей, объединенных владычеством Ассирии.

Таким образом, Ассирия стала первой в истории древневосточного мира действительно великой военной монархией, которая в конце концов объединила, правда на короткое время, почти весь древний Восток.

Войны Ассирии с Эламом

Большое место в политике Ашшурбанапала занимали его взаимоотношения с Эламом. Подобно своему отцу, он стремился сохранять мирные, дружеские отношения с эламским царем Уртаки. Это была разумная политика, позволявшая ассирийцам активно действовать на западных окраинах.

Элам постигло большое несчастье — засуха. Ассирийский царь направляет в Элам из своих личных запасов зерно для голодающих. Он дает кров бежавшим от голода эламцам, оказывая им всяческую помощь. По словам Ашшурбанапала, эти эламиты жили в Ассирии до тех пор, пока на их родине не выпали дожди и не выросли хорошие урожаи хлебов. После этого их с миром отпустили на родину.

Однако царь Элама Уртаки в ответ на эту заботу поступил неблагодарно. Очевидно, усиление Ассирии беспокоило его, и он не осо-

бенно верил в прочность ассиро-эламской дружбы. Кроме того, эламиты не желали отказываться от своих давних притязаний на Вавилонию. Так или иначе, но Уртаки нарушил мир. Вместе с несколькими приморскими царями он неожиданно ворвался на южные окраины Вавилонии, где в тот период наместником был Шамашшумукин, который послал в Ниневию гонца к брату с просьбой о помощи. Ассирийская армия бросилась на выручку и сняла осаду Вавилона. Уртаки позорно бежал в Элам, где вскоре и умер.

Царский посол в Эламе вопреки законам престолонаследия занял не сын Уртаки, а его младший брат — Теумман. В надписи Ашшурбанапала об этом сказано так: «Те-Умман (так ассирийцы писали имя Темпти-Хумпан-Иншушинак) был сущим псчадием ада». Отсюда явствует, что он силой захватил царскую власть. Об этом свидетельствуют и первые шаги Теуммана. Он решил убить своих пятерых племянников, сыновей умерших братьев, но по счастливой случайности те узнали о грозящей им опасности и бежали в Ассирию с шестидестью родичами и многочисленным отрядом охраны. Ашшурбанапал не только представил им убежище, но обещал защитить от произвола коварного родственника.

Теумман решил принять меры, чтобы вернуть беглецов обратно в Элам. С этой целью он направил в Ниневию своих послов. Ашшурбанапал принял их с большим почетом.

Сановники и чины низшего разряда стояли в несколько рядов вдоль стен приемной залы. Их одежда походила на царскую. Такая же туника, окаймленная бахромой и стянутая в талии, такой же короткий меч, те же браслеты и серьги из золота, только в головном уборе есть разница. Занимающие низшее положение при дворе появлялись с непокрытой головой, а сановники подвязывали лоб лентой, завязанной узлом на затылке; ленты верховных сановников были шире, их украшали золотые розетки. Представляя воинственные племена, готовые к постоянным трудностям и опасностям войны и охоты, сановники сохраняли высокомерный вид и гордую осанку.

Посольство эламитов возглавляли Хумпантахрах и Набудамик.

Обычаи и нравы жителей Суз были подобны ассирийским и вавилонским. Поэтому одежда обоих посланников была удивительно похожа на одежду сановников Ашшурбанапала. На них надеты такие же длинные туники яркого цвета, окаймленные бахромой, браслеты на руках; мечи за поясом. Голова Хумпантахраха украшена только повязкой вокруг лба; на Набудамике надет колпак с широкой округленной тульей, плотно охватывающей виски.

Сопровождающая послов свита отличалась большим разнообразием одежды и внешнего вида. Одни из сановников походили на ассирийцев: крупный нос с горбинкой, большие глаза, продолговатое лицо, средний рост. У других — курчавые волосы, приплюснутые носы, с толстыми, вывернутыми наружу губами, короткие курчавые бороды; их легко можно было бы принять за

африканцев, если бы не белая кожа. Третьи — отличались высоким ростом, правильным прямым носом, голубыми глазами и, по крайней мере некоторые из них, русыми волосами. Эти последние принадлежали к независимым племенам, обитающим в горах, расположенных за Сузами.

Посольская свита была одета менее пышно, чем приближенные ассирийского царя. Цвета так же яркие, но вышивки менее тонкие, позолота и драгоценные украшения не так богаты. И это не потому, что эламиты менее любили золото, а потому, что у них его было меньше. Сознание относительной бедности их унижает и в то же время раздражает; вековая вражда, которую народ эламитов питал к ассирийскому господству, еще больше усиливала их природную заносчивость, а внимание, которое им расточали, как только они вступали в Ассирию, только поощряло их самомнение.

Хумпантахрах и Набудамик, введенные евнухом, медленно проходят опустив глаза, скрестив руки на груди, между двух рядов царедворцев. Приблизившись к трону, они падают ниц, целуют пол перед царскими ногами, потом по данному знаку поднимаются и стоят неподвижно. Обыкновенно посланцы иноземных государей остаются на коленях все время, пока продолжается аудиенция, но Ашшурбанапал, желая пощадить гордость эламитов, освобождает их от этой обязанности и позволяет говорить с собой стоя.

Поскольку чужеземцы никогда не представляли перед царем без подарков, послы Теуммана также не нарушили этого обычая. После первых же взаимных приветствий Хумпантахрах и Набудамик принесли царю подарки от Теуммана: золотые и серебряные чаши, драгоценные камни, богатые ткани. Затем приступили к изложению своей просьбы. Они потребовали от Ашшурбанапала выдачи племянников Теуммана и всех сбежавших с ними в Ассирию эламских подданных. В противном случае послы угрожали войной.

Это требование было отвергнуто. Ашшурбанапал стремился к тому, чтобы всегда иметь у себя послушных сторонников из царского дома враждебной страны, изгнанных оттуда и жаждущих мести и власти, которых при удобном случае можно поставить на трон. По этому поводу в летописи Ашшурбанапала сказано: «На требование бессовестных уст его я не согласился; я не выдал ему беглецов».

Элам давно готовился к войне, и эпизод с племянниками послужил лишь поводом для ее развязывания. Хумпантахрах и Набудамик, осмелившиеся предъявить вызов Ассирии, Ашшурбанапал, нарушив правовые нормы о неприкосновенности послов, задержал в Ниневии вместе со свитой. Эламского писца и несколько человек свиты отсылают к границе. Они должны известить Теуммана о результатах посольства и вручить ему послание, в котором Ашшурбанапал советует отказаться от «дурных намерений», чтобы не навлечь на себя гнев богов.

Война предстояла кровопролитная. Ашшурбанапал ясно пред-

ставлял это себе и тщательно готовился. Прежде чем снарядить свое войско в поход, он съездил в Арбелу, где совершил жертвоприношение в храме Иштар.

Благодаря разобщенности врагов Ашшурбанапала, которым не удалось своевременно сколотить против него союз, он сумел направить против Элама большую часть своих сил.

Войско Ассирии выступило. Элам был защищен со стороны Ниневии высокими лесистыми, почти неприступными горами, в которых обитало полуварварское племя кашши. Часть его закрепилась в горах Загра. Поэтому поход через горы потребовал бы от Ашшурбанапала больших жертв, а терять половину действующего войска раньше, чем оно могло прибыть на место сражения, было бы нецелесообразно. Ассирийцы решили напасть на Элам с юго-востока, из ассирийской провинции Дер к низовьям р. Хоаспа. Правда, и эта местность для нападающих была связана с большими трудностями. Равнина болотиста, перерезана прудами, речками и каналами, которые затрудняли маневренность войск, но зато сокращали путь.

Войско быстро спустилось вдоль берега Тигра и через десять дней уже стояло под стенами Дурилу. Прошло почти столетие с того времени, как начались ожесточенные войны между Эламом и Ассирией, и Дурилу приобрел большое стратегическое значение, о котором прежде и не подозревали. Быстрота и оперативность ассирийцев привели в замешательство Теуммана и расстроили все его планы. Он рассчитывал, что у него еще много времени и можно успеть закончить переговоры с арамейскими племенами и маленькими халдейскими царствами, подняв их против Ассирии. Эти планы были сорваны. Только Дунану, вождь арамейского племени гамбулийцев, обитающего на восток от нижнего течения Тигра, открыто примкнул к Теумману.

Других союзников у эламского царя не было. Он не мог положиться ни на верность своих вельмож и военачальников, ни на своих подданных: при малейшей неудаче внутри страны грозил вспыхнуть пожар восстания. Поэтому Теумман решился дать только одно сражение в наиболее благоприятных условиях.

Теумман срочно отозвал войско, которое стояло вдоль границы, подкрепил его новыми отрядами и таким образом сформировал большую армию, которую расположил у деревни Туллиз, перед Сузами. Позиция закрывала доступы к столице, господствовала над самим городом, защищала дороги, ведущие в Мадакту, в гористую часть страны. В случае победы Теумман рассчитывал вернуть все потерянное ранее, а поражения — сохранить возможность укрыться в горы и там продолжать защищаться. Оборонительная линия эламитов тянулась от берегов р. Улай ко рву, проходящему мимо Сузской крепости, расположенной на искусственном холме, как ассирийские и вавилонские города. Естественной преградой служила большая пальмовая роща. Она, в свою очередь, могла послужить убежищем для беглецов в случае поражения.

Сражение началось с того, что ассирийские и эламские стрелки обменялись выстрелами из луков, затем военные колесницы, которые имелись у обеих сторон, двинулись друг на друга в атаку, возобновляя ее непрерывно, сначала безуспешно, но затем ассирийцы сломили сопротивление: эламские колесницы, оставшиеся целыми, рассеялись по равнине, за ними последовала конница, а затем побежала и пехота. Конница у эламитов вообще была немногочисленна и слабо обучена, а большая часть пехоты плохо вооружена. Одна часть отступающих бросилась в пальмовую рощу, другая, прижатая ко рву, попыталась отыскать брод или переправиться вплавь на другой берег, чтобы укрыться под защитой укреплений. Вся равнина была усеяна разбитыми колесницами, луками, копьями, трупами людей и лошадей.

Армия Элама была разгромлена. Теумман отступил в рощу со своими двумя сыновьями и преданными ему полководцами. Одного из сыновей, Итуни, он посылает для переговоров о мире. Однако эламский посол убеждается, что положение безнадежно. Остатки войска бегут в панике. Ассирийский военачальник даже не пожелал говорить с вестником побежденного царя. Теуммана со вторым сыном захватили ассирийские воины. На глазах у эламских воинов, бросивших оружие, царевич, а вслед за ним и эламский царь были убиты.

Так закончилась война Ассирии с Теумманом. Сузы сдались без боя. Царем был провозглашен сторонник Ассирии Хумпанни-каш. Однако в дальнейшем на престол в Сузах взошел Аттахамани-Инпушинак, возможно двоюродный брат погибшего Теуммана. Несколько горных округов Хидали были выделены в особое владение, отданное одному из сыновей Уртаки — Таммариту. Таким образом, ассирийский царь уже руководствовался политикой «Разделяй и властвуй», которая так умело осуществлялась позднее римскими завоевателями.

На обратном пути ассирийские войска усмирили гамбулийского племенного князя Дунану, который был верным (и, по-видимому, единственным) союзником Теуммана. Гамбулийский «царский город» Шапибель, раскинувшийся среди рек и каналов, был взят приступом и сожжен. Ассирийцы разрушили плотины, и воды рек залили развалины крепости, уничтожив все, что пощадил огонь. Дунану и его брат Самогуну были доставлены в Ниневию.

Возвратились туда и ассирийские войска. Начались жестокие расправы над противниками и надругательства над трупами умерших. Послы Теуммана, Умбадара и Набудамик, оставленные в Ниневии заложниками, увидев отрубленную голову Теуммана, пришли в ужас. Набудамик пронзил себя железным кинжалом. Дунаду был отведен в Арбелу и зарезан там «как ягненок». В течение пяти лет (653—648 гг. до н. э.) после гибели Теуммана в Эламе царил спокойствие. Положение изменилось, когда начались новые осложнения в Вавилонии. Тогда Элам вновь сделал попытку вернуть себе независимость.

Душой и организатором заговора в Вавилонии стал брат Ашшурбанапала — Шамашшумукин.

Он долго собирался с силами, прежде чем начать войну с братом, и свою главную надежду возлагал на Египет, где в 655 г. до н. э. сыну Нехо, Псамметиху I, с помощью греческих и других наемников удалось добиться самостоятельности, освободив страну от ига Ассирии. Псамметих объединил под своей властью весь Египет. Подняли головы и воспрянули духом и среднеземноморские царьки, увидевшие в Египте опору в своей борьбе против ассирийских поработителей.

Шамашшумукину удалось сколотить коалицию в составе Элама, Халдеи, арамейцев, царьков Финикии и Сирии. Затем к ним присоединился и царь Лидии Гиг, который уже посылал свои войска на помощь Египту. В составе новой коалиции мы вновь видим тех же противников Ассирии, которые объединились против нее 50 лет назад.

Заговор готовился в строжайшей тайне. Чтобы окончательно притупить бдительность Ашшурбанапала, Шамашшумукин накануне восстания направил в Ниневию посольство с богатыми дарами. Послы Вавилона были приняты с искренним радушием и гостеприимством. Ашшурбанапал отпустил их обратно с подарками.

Разразилось восстание внезапно и застало Ассирию врасплох. Ашшурбанапал очутился во вражеском кольце антиассирийской коалиции, мятеж вспыхнул одновременно во всех концах государства.

И все же восстание не имело успеха, так как война началась при неблагоприятных для Вавилона обстоятельствах. Коалиция, созданная с такой тщательностью, оказалась непрочной. Среди союзников Шамашшумукина начались раздоры. В первую очередь это сказалось на взаимоотношениях Вавилона с Эламом.

Шамашшумукин попытался опереться на старшего из сыновей Уртаки — Хумпанникаша. Он послал ему дары и склонил на свою сторону. Хумпанникаш отправил в Вавилон вспомогательные отряды во главе с несколькими военачальниками и сыном погибшего Теуммана — царевичем Ундаси. Сделав вид, что он забыл о своей вражде к Теумману, Хумпанникаш убедил Ундаси выступить мстителем за отца, убитого ассирийцами. Однако против него восстал Таммариту и казнил как самого Умма-Хумпанникаша, так и все его семейство. Овладев престолом и вновь объединив Элам, Таммариту не собирался менять политику своего свергнутого и убитого брата. Ненависть к ассирийскому господству была у большинства эламитов настолько велика, что Таммариту, подобно Хумпанникашу, стал восхвалять погибшего в борьбе с Ассирией Теуммана. Он возмущался расправой ассирийцев со своим дядей, заявляя: «Разве полагается убивать царя Элама в его собственной стране, в присутствии его войска».

Однако положение Таммариту было непрочным. Эламиты, видимо, не очень-то поверили его заявлениям о сочувствии борьбе

за независимость. В 649 г. до н. э. он был свергнут одним из вельмож, по имени Индабигапш, и вторично бежал в Ассирию. Таким образом Элам, самый жестокий враг Ассирии, перестал представлять для нее опасность.

Фараон Псамметих I не двинулся дальше Южной Палестины, а иудейский царь Манассия попал в плен к ассирийцам. Воспользовавшись этим, Ашшурбанапал сосредоточил все силы ассирийской армии для решения главной задачи — разгрома Вавилона. Теперь уже над вавилонским государством нависла смертельная опасность.

Ашшурбанапал немедленно осадил аккадские города Сиппар, Куту и Борсиппу, а затем двинулся на Вавилон. Армия Ассирии закрыла все городские ворота — входы и выходы из города, отрезав его от внешнего мира.

Осада была долгой и мучительной. Вавилоняне остались без продуктов и хлеба. Начался голод. Истощенные вавилоняне в отчаянии жевали кожаные ремни, а некоторые из них даже убивали собственных детей. Население было доведено до последней крайности, и в 648 г. до н. э. Вавилон был взят. Вся Вавилония вместе с соседними арамейскими государствами была покорена. Царь Шамашшумукин погиб в осажденном городе.

Вот как описывает разгром Вавилона и гибель Шамашшумукина Ашшурбанапал: «Ашшур, Син, Шамаш, Адад, Бэл, Набу, Иштар из Нинуа, царица Кидмури, Иштар из Арабилу, Нинурта, Нергал (и) Нуску, которые шествуют передо мной (и) побивают моих врагов, Шамашшумукина, брата враждебного, который боролся со мною, бросили в бездну пламенеющего огня и погубили его душу. А людей, которые Шамашшумукину, брату враждебному, посоветовали это дело (и) содейали зло, которых испугала смерть и (которые), дорожа своей душой, не бросились в огонь вместе с Шамашшумукином, своим господином, которые от удара железного кинжала, нужды, голода, пламенеющего огня спаслись (и) обрели убежище — сеть великих богов, моих владык, из которых нельзя ускользнуть, ниспровергла их. Ни один (из них) не ускользнул, (ни один) беглец не ушел из моих рук; они (т. е. боги) сочли (их) в моих руках.

Колесницы, повозки, балдахины, его наложниц, добро его дворца принесли ко мне. Я вырвал языки тех воинов, нахальные уста которых готовили дерзость против Ашшура, моего бога, и (которые против) меня, князя, чтящего его, задумали злое... Оставшимся жителям Баб-Или (Вавилона), Куты (и) Сиппара... я оказал милость: я повелел жить их душе (и) поселил их в Баб-Или».

Ашшурбанапал объявил себя царем Вавилона и правил там с 647 по 627 г. до н. э. Таким образом, справившись с главными своими врагами, закрепив власть в Вавилоне, Ашшурбанапал мог направить свои силы против его союзников, которых теперь можно было громить поодиночке.

В первую очередь он решил выступить против Элама.

Фрагмент рельефа «Слуги, ведущие коней»
из дворца царя Ашшурбанапала в Ниневии.
Лондон. Британский музей

Индабигаш, новый царь Элама, был напуган успехами Ашшурбанапала и попытался избежать столкновения с Ассирией. Он не оказал никакой помощи Шамашшумукину, прекрасно понимая, что положение того безнадежно. В то же время Индабигаш рискнул предоставить убежище беглецам из разгромленной Вавилонии, что неизбежно должно было привести к трениям в его взаимоотношениях с Ассирией.

Особенно обострились они в связи с бегством в Элам халдейского князя Набубэлшумате, внука давнего врага Ассирии — Мар-

дук-апла-иддина. Интересно отметить, что на первых порах Набу-бэлшумате пытался поладить с Ашшурбанапалом и получил даже от него какие-то владения в Халдее, но во время восстания Шамаш-шумукина он отпал от Ассирии и, сбежав к эламскому царю, захватил обманным путем ассирийский отряд, предоставленный ему Ашшурбанапалом. Часть этого отряда была заключена в темницу. Ашшурбанапал потребовал освобождения и возврата заключенных. Индабигахш беспрекословно выполнил это требование. Однако некоторые ассирийцы (очевидно, не желавшие возвращаться на родину) продолжали оставаться в Эламе. Ассирийский царь, отправляя обратно эламского посла, поручил ему предъявить Индабигахшу требование о возвращении самого Набубэлшумате и других беглецов в следующих словах: «Так как ты не посылаешь обратно этих людей, то я приду разрушить твои города. Я уведу твой народ из Суз, Мадалу и Хидалу. Я свергну тебя с твоего царского трона и возведу другого на твой трон. Зло, которое боги послали на Теуммана, я обращаю на тебя». Однако эламский посол уже не застал в Сузах своего царя и не успел передать ему грозное послание Ашшурбанапала. Эламиты восстали против Индабигахша и в 647 г. до н. э. убили его. На эламский престол вступил Умманигаш (Хумпанхалташ) III.

Новый царь оказал решительное сопротивление Ассирии, и Набубэлшумате не был выдан. Ашшурбанапал, убедившись в том, что мирным путем восстановить ассирийское господство в Эламе не удастся, перешел к решительным действиям. Чтобы получить удобный повод для окончательного разрыва, ассирийский царь послал Умманигашу новое требование, касающееся на этот раз статуи богини Наны, увезенной эламитами из Урука свыше полутора тысяч лет назад.

Царь Элама отверг это требование, и война началась. Ашшурбанапал двинулся на укрепленный город Бит-Имби, оборону которого возглавил зять Умманигаша — Имбаппи. Крепость была взята. Сам Имбаппи и сыновья Теуммана попали в плен. В руках победителя оказались также наложницы из гарема эламского царя.

При вести о падении Бит-Имби Умманигаш, находившийся в это время в Мадакту, покинул этот город и бежал в горы.

Новый претендент на эламский престол, Умбахабуа, обосновался в городе Бубилу, но и он при приближении ассирийских войск бежал на острова Персидского залива.

После этого Ашшурбанапал предпринимает новую попытку сохранить Элам в качестве зависимого царства. На эламский трон он вновь возводит Таммариту, но тот при первой возможности вторично попытался добиться независимости от Ассирии. Призвав население страны к отчаянному сопротивлению завоевателям, он, по словам ассирийского летописца, обратился к своим подданным со словами: «Во что превратились люди Элама? Ассирийцы приходят и захватывают добычу».

Но на этот раз Таммариту правил совсем недолго. Он был свергнут в результате очередного восстания, прибыл к Ашшурбанапалу, умоляя его о помощи, и был оставлен в ниневийском дворце в качестве заложника. В разоренном Эламе стал вновь царствовать Умманигаш, по-прежнему отказывающийся подчиниться Ашшурбанапалу.

Около 642 г. до н. э. ассирийский царь совершает новый поход в Элам с целью полного уничтожения ослабевшего и истощенного противника. Он захватил область Раши и г. Хаману в западной части страны. Умманигаш оставил Мадакту без боя и отступил в укрепленный г. Дур-Ундаси, путь к которому преграждала разбушевавшаяся р. Идидэ. Ассирийским войскам удалось преодолеть бурное течение этой реки. Умманигаш скрылся в горах.

Агония эламского государства продолжалась еще около двух лет (до 640 г. до н. э.). После ухода ассирийских войск Умманигаш вернулся из своего горного убежища, но не решился направиться в развалины Суз, где, очевидно, оставались ассирийские отряды, и предпочел поселиться в г. Мадакту, покинутом врагами.

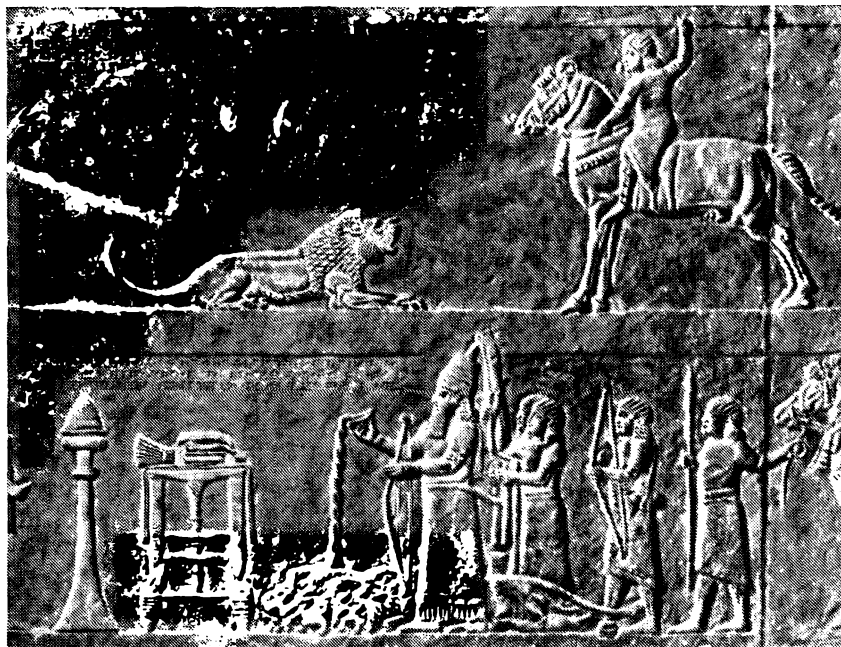
Ашшурбанапал направил к нему посла с грозным требованием немедленно выдать Набубэлшумате. Умманигаш, как видно из сохранившихся документов, покорился и обещал немедленно выполнить волю ассирийского царя. Но Набубэлшумате, не желая попасть живым в руки врага, покончил жизнь самоубийством.

Попытка Умманигаша ценой беспрекословного подчинения врагу и предательства по отношению к верному стороннику спасти остаток эламского государства не удалась. После бесконечных неудач и колебаний он утратил всякую поддержку в своей стране. Против него выступил некий претендент на престол — Паэ, о котором мы знаем очень мало. Нет никаких данных о его принадлежности к царскому роду или к придворным сановникам. Очевидно, эламская знать утратила свой престиж, что позволило выдвинуться вождю незнатного происхождения. Деятельность его продолжалась недолго. После безуспешных попыток закрепить свою власть он вынужден был сдаться в плен ассирийцам.

Ни исчезновение последнего соперника, ни тщательные попытки договориться с Ашшурбанапалом не могли уже спасти Умманигаша. Он был настигнут ассирийцами и увезен в Ниневию.

В руках Ашшурбанапала оказались таким образом три эламских царя: Таммариту, Паэ и Умманигаш. Он запряг всех троих и вдобавок пленного арабского шейха Уайатэ в свою колесницу, и они повезли его в храм во время праздника Нового года.

Покончив с Эламом, ассирийский царь открыл себе путь в Южный Иран к племенам, которые с древних времен обитали к востоку от Эламских гор. Ассирийские войска совершили также победоносный поход на юго-запад и подчинили племена Северной Аравии. Это был последний дальний поход. Войска Ашшурбанапала не испугались аравийской пустыни и безводных просторов, где не паслись даже дикие ослы. Арабы за этими песками счи-

Царь, совершающий возлияние, над охотничьей добычей.
Фрагмент рельефа из дворца царя Ашшурбанапала в Ниневии.
Лондон. Британский музей

тали себя вне досягаемости и безопасности, но и они были побеждены.

Возвращаясь на родину, ассирийские войска гнали перед собой огромное число пленных и несметное количество скота, главным образом верблюдов, которых в Ассирии было очень мало. Вслед за тем ассирийское войско двинулось к Средиземному морю и разгромило Ушу (материковую часть г. Тира) и Акку.

Этим завершился период ассирийских завоеваний. Ассирия подчинила себе теперь почти все территории от западных окраин Ирана на востоке до Средиземного моря на западе, от Закавказья на севере до Эфиопии на юге.

Так сложилось обширное государство с центром в городе Ниневии. Последние годы своей жизни Ашшурбанапал провел на берегу Тигра. Как бы далеко ни заносила его судьба и военные походы, все же он неизменно возвращался в свою любимую столицу. Блеск роскошного ниневийского дворца, великолепие архитектурных ансамблей, несметные богатства, стекавшие в столицу всемогущего властелина, хорошо вооруженная армия — все это способствовало тому, что последние годы своей жизни он смог посвятить искусству, истории и литературе.

Войны Ассирии с Мидией

На востоке от Месопотамии находится огромное Иранское плоскогорье. В центральной его части довольно скудная почва и растительность, но окрестные горы богаты лесом, металлом (золото, серебро, медь, железо, свинец), мрамором. В общем природные условия Ирана давали возможность населению заниматься как земледелием (пшеница, ячмень), так и скотоводством (в западной части страны — оседлое, в восточной — кочевое).

Во II тысячелетии до н. э. на территорию Иранского плоскогорья с севера и востока проникают ираноязычные племена. Они частично покорили местное население, довольно пестрое по составу, частично слились с ним. Примерно с IX в. до н. э. в западной части страны появляются две большие группы иранских племен: мидийцы и персы.

Древнейшим государственным образованием на Иранском плоскогорье (если не считать Элама и Макну), о котором имеются более или менее достоверные сведения, было Мидийское царство, занимавшее территорию современного северо-запада Ирана и Азербайджана. Первые сведения о Мидии, относящиеся к рубежу X—IX вв. до н. э., свидетельствуют о том, что население ее занималось как скотоводством — кочевым и оседлым, так и земледелием. Мидийское царство не было еще развитым классовым государством, а представляло собой союз нескольких племен. Геродот, в частности, упоминает о шести мидийских племенах.

Мидянам приходилось вести постоянную борьбу с соседями. На востоке они боролись с кочевыми племенами, не входившими в мидийский союз, а на западе — с Ассирией, Урарту и другими древневосточными государствами.

Мидяне раньше персов вступили на историческую арену. Геродот сообщает, что они жили отдельными деревнями. Во всей Мидии царило «беззаконие» до тех пор, пока некто Дейок, стремясь к власти, не стал справедливо судить всех, кто к нему ни обращался из родной и из соседних деревень.

Однако Дейок вскоре отказался судить единоплеменников за недостатком времени. Грабежи и беззакония возросли с новой силой. Ловко воспользовавшись сложившейся обстановкой и своим влиянием, Дейок, по словам Геродота, заручившись небольшим числом преданных приверженцев, провозгласил себя царем над всеми мидийскими племенами и городами. Он приказал соорудить себе дом, достойный царя, потребовал вооруженной стражи и принудил мидян строить для него столицу. Дворец нового города (Экбатаны) окружали семь стен, возвышающихся одна над другой; зубцы нижних стен были выкрашены разной краской; а верхних — посеребрены и позолочены.

Имя Дайаукку встречается на нескольких ассирийских памятниках. Так, Саргон, описывая свой поход против ванского царя Русы, повествует о том, что он взял в плен и увез в Ниневию не-

кого Дайаукку с сыном. Два года спустя он совершает поход в область, которую называют Бит-Дайаукку; по-видимому, это было княжество, основанное человеком по имени Дайаукку.

Однако отождествлять геродотовского Дейока и Дайаукку клинописей по разным причинам весьма трудно. И даже признавая историчность Дейока, придется сделать вывод, что он не был объединителем страны и играл гораздо более скромную роль правителя одной из мидийских областей.

В начале VII в. до н. э. Мидия делилась еще на множество самостоятельных областей, что дало возможность Асархаддону на заре своего царствования совершить против нее успешный поход. Однако в 673 г. до н. э. вспыхнуло восстание трех мидийских вождей — Каштариту (правителя Кар-Кашши), Мамитпаршу (правителя страны Мадай, т. е. собственно Мидии) и Дуссани (правителя Сапарды). К повстанцам примкнули киммерийцы и частично скифы. Владения Ассирии на востоке подверглись большой опасности. Тогда Асархаддон привлек на свою сторону одного из скифских племенных вождей — Партауга, выдав за него свою дочь. В ряды повстанцев и их союзников был таким образом внесен раскол, и освободительное движение мидян не привело к большим результатам. Ассирийцы сохранили часть своих владений в Западном Иране. Однако основная часть Мидии (Кар-Кашши, Мадай и Сапарда) добилась независимости.

Согласно античной традиции, после смерти Дейока на престол вступил его сын — Фраорт. Он решил направить все силы против своего исконного врага — Ассирии. Фраорт перешел горы Загра и достиг Ассирии. Оказалось, однако, что переход этот был плохо подготовлен и преждевременен. Мидян разбили, а в числе убитых оказался и сам Фраорт.

Победу над Мидией в 653 г. до н. э. одержал скифский вождь Мадияс, задержавший на короткое время наступление мидян на Ассирию. Царем Мидии стал Киаксар. Он преобразовал мидийскую армию по ассирийскому образцу, намного повысив боеспособность войск. Геродот сообщает: «...он разделил войско свое на отряд, образуя отдельные корпуса из копьеносцев, стрелков и конницы, тогда как до того все были смешаны в одну кучу, без всякого порядка». Собрав все народы, ему повиновавшиеся, Киаксар пошел на Ниневию, решив отомстить за отца. Однако ему помешало начавшееся в 30-х годах VII в. до н. э. новое пагубное нашествие скифов.

Они пронеслись почти по всей Передней Азии, увлекая за собой некоторые народы, и окончательно разгромили киммерийцев. Двинувшись к югу, скифы заняли Сирию и Палестину, прежде чем население этих мест узнало об их приближении. Если верить преданию, записанному Геродотом, они пошли бы прямо в Египет, если бы Псамметих не улепил их богатыми дарами. Затем скифы напали на Мидию и нанесли ей несколько поражений. Киаксару пришлось оборонять свое собственное царство.

Глава IX

ПАДЕНИЕ АССИРИИ

В первой половине VII в. до н. э. Ассирия достигла значительного социального и культурного развития. Однако покоренные и зависимые страны и народы не были заинтересованы в ее укреплении. Первыми против Ассирии восстали Вавилон и его союзник — Элам.

Борьба с Эламом потребовала такого напряжения сил, что начать новую наступательную политику Ассирия уже оказалась не в состоянии. После Ашшурбанапала началось ее падение.

Последние цари Ассирии

Вопрос о последних царях Ассирии до сих пор вызывает споры ученых. При раскопках холма Калах-Нимруд Лэйярд обнаружил развалины сравнительно небольшого невзрачного здания, на стенах которого была высечена надпись: «Ашшурэтельилани, царь Ассирийский, сын Ашшурбанапала, царя Ассирийского, потомок Асархаддона, царя Ассирийского». Найдены обломки и с другими именами.

Самого последнего царя Ассирии вавилонский историк Берос называет Саракон. Очевидно, это сокращенное и несколько измененное имя Синшаришкун, которое было начертано на нескольких обломанных плитках с уцелевшими надписями, относящимися к последним годам его царствования.

Полагают, что Ашшурэтельилани и Синшаришкун — различные имена одного и того же царя (личное и тронное имя). Однако некоторые исследователи считают их двумя братьями, царствовавшими поочередно после смерти их отца — Ашшурбанапала.

Ученые до сих пор не пришли к соглашению по вопросу о дате смерти Ашшурбанапала. Кроме традиционных (635 г. до н. э.) предлагаются годы 633, 631 и 627. Во всяком случае, расхождение не превышает семи лет, что для древнего Востока не является особенно значительной цифрой. Вероятнее всего, следует остановиться на 627 г. до н. э.

Античная традиция сообщает, что Ашшурбанапал скончался уже в преклонных годах, когда могущество страны было надломлено. Однако в течение двух десятилетий она продолжала оказывать весьма упорное сопротивление своим врагам.

Благодаря таким клинописным документам, как «Хроника Гэ-да», или сведениям из архива Ниппура мы можем теперь последовательно проследить военные действия, которые вела Ассирия после Ашшурбанапала и вплоть до падения Ниневии.

После смерти царя военачальник Синшумулишир и сын Ашшурбанапала Синшаруишкун поспешили занять Вавилон. Однако вавилоняне восстали и изгнали ассирийский гарнизон. На помощь повстанцам поспешил из Халдеи Набопаласар. Ему удалось занять Урук и осадить Ниппур, оставшийся верным ассирийцам. В осажденном городе начался голод. Цены на ячмень возросли в тридцать раз. Некоторые богачи припрятали хлеб и пускали его в продажу за баснословные суммы. Они скупали даже у голодающих ниппурцев детей (например, за девушку платили 6 сиклей, т. е. 50 г серебра).

Ассирийские войска поспели на выручку Ниппура, и им удалось освободить этот город. В свою очередь, они подступили к Уруку, но были отбиты Набопаласаром.

В это время ассирийским завоевателям стало уже не до Сирии и Палестины. Фараон Псамметих осадил Ашдод и овладел им. Иудейский царь Иосия захватил Северную Палестину, заселенную ассирийскими колонистами.

Попытка Синшаруишкуна осенью 626 г. (или несколько позднее) вновь овладеть Вавилоном окончилась неудачей.

В конце 626 г. н. э. Набопаласар был провозглашен царем Вавилонии. На его сторону перешел один из крупнейших городов страны — Сиппар. Весной 625 г. до н. э. ассирийцы возобновили нападение на Вавилон. Они дошли до Сиппара и закрепились поблизости от него, в крепости Шаллат.

Осада и падение Ниневии

Осенью 624 г. до н. э. ассирийские войска возобновили свой натиск на Вавилонию. Обойдя столицу и опираясь на Ниппур, прикрывавший их тыл, они проникли на юг страны и овладели Уруком.

Однако силы их были уже истощены. В 623 г. до н. э. Набопаласар перешел в наступление. Он двинулся на северо-восток и захватил г. Дер (по ту сторону Тигра), обеспечив себе таким образом связь с Мидией. Вавилоняне осадили Урук, и Синшаруишкун оказался не в состоянии освободить его. В довершение всех бед ассирийцы были отвлечены на запад нападением арабских племен, поспешивших на выручку Вавилону. Пока они сражались с этими племенами, вновь возросла опасность со стороны Мидии. В 623 г. до н. э., заключив соглашение со скифами, Киаксар возобновляет нападение на Ассирию.

В 616 г. до н. э. Набопаласар двинулся на Ассирию обходным путем по течению р. Евфрат и разгромил ее войска при Каблани.

На помощь Ассирии выступил ее бывший враг — фараон Псамметих. Теперь ему стало выгодно спасать гибнущую ассирийскую державу от усилившейся и ставшей опасной Вавилонии. Египетские войска дошли до Каблани, но идти далее не решились. В 615 г. до н. э. Набопаласар нанес новый удар Ассирии. Он прошел по правому берегу Малого Заба, а затем подступил к древней столице — Ашшуру. Синшаруишкун отстоял на этот раз Ашшур и даже попытался перейти в наступление. Преследуя вавилонян, он дошел до г. Такрита на Тигре, но после неудачного штурма отступил. Таким образом, попытка вторгнуться в Вавилонию не удалась.

Теперь вновь Ассирии угрожают мидийские войска, овладевшие Аррапхой в Северо-Восточном Двуречье. После этого Киаксар в 614 г. до н. э. переправляется через Тигр и движется на Ашшур. Он штурмом овладел городом, укрепления которого отличались мощью и искусством постройки. Киаксар жестоко расправился с жителями; вся находившаяся в городе ассирийская знать была вырезана. Набопаласар также собирался принять участие в дележе добычи, но опоздал. Все досталось мидянам. Город был разграблен и сожжен. Встретившись с Набопаласаром, Киаксар разработал план совместных военных действий против Ниневии. Земли, подвластные Ассирии, должны были быть разделены между Мидией и Вавилоном. Чтобы еще больше укрепить дружбу, союзники решили породниться. Царь Мидии Киаксар выдал свою дочь Амитиду за сына Набопаласара — царевича Навуходоносора.

После падения Ашшура Синшаруишкун поднял против Вавилона приевфратские племена арамеев и, отвлекая таким образом Набопаласара от Ассирии, сумел нанести ему поражение. Но силы державы оказались надломленными, мощь ее ослаблена. Звезда Ниневии неумолимо клонилась к закату. Ассирия теряла свои города и провинции, но мужественно продолжала неравную борьбу, пытаясь любыми средствами предотвратить надвигающуюся над Ниневией грозу.

К походу на ассирийскую столицу союзники готовились два года. В 612 г. до н. э. войска Мидии и Вавилона появились у стен ассирийской столицы и приступили к ее осаде. Не подлежит сомнению, что каждый из союзников привел с собой армию, куда вошли все народы и племена, подвластные Мидии и Вавилону.

По царскому приказу в храмах Ниневии возносились моления; горожанам и воинам был предписан строгий пост. Город хорошо подготовился к обороне. Два месяца шла ожесточенная борьба, а он не сдавался.

Ассирийский царь лично руководил обороной Ниневии. Союзники поняли, что им не взять столицу штурмом. Но если войска и тараны бессильны против укреплений, решили они, то вместо них будет действовать мощная река. Запрудив Тигр, союзники заставили его изменить течение, и воды реки хлынули в город.

Мощный поток пробил городскую стену, открыв широкую брешь осаждающим. На улицах города начались ожесточенные

бою. Ассирийцы сражались героически, но силы оказались неравными. К тому же в ассирийской армии вспыхнула чума. Ниневия была взята.

Киаксар и Навуходоносор поступили с ассирийской столицей так же жестоко, как в свое время Синаххериб с Вавилоном. Однако следует иметь в виду, что Вавилон был через десять лет полностью восстановлен сыном Синаххериба Асархаддоном, а Ниневия предана забвению. Жилые дома, царские дворцы, храмы и стены Ниневии были разрушены и превращены в груды развалин, жители перебиты. Вся ассирийская знать, попавшая в руки врагов, умерщвлена. Огромные богатства вывезены.

Подробное описание гибели Ассирии дал библейский пророк Наум. Он происходил из плененных и переселенных в Ассирию израильтян, был хорошо знаком с современной ему великой Ниневией. Характерные черты ассирийской народности выведены им с неподражаемым мастерством.

Синшаруишкун был последним преемником династии Саргонидов. Слишком гордый, чтобы перенести катастрофу любимой столицы, он, по преданию, поджег свой дворец и бросился в пылающий огонь.

Однако расправиться с Ассирией было не так-то просто. Несколько отрядов ассирийских войск оставалось на западе, в районах Харрана и Кархемыша. Здесь первосвященник Харрана — Ашшурбанапал, став во главе армии, объявил себя царем Ассирии. Он еще семь долгих лет продолжал борьбу, рассчитывая на помощь своего египетского союзника — Нехо. Однако в 605 г. до н. э. египетский гарнизон был разбит вавилонянами под командованием царевича Вавилона Навуходоносора.

Ниневия и Ассирия не исчезли, впрочем, с лица земли, как это иногда считают, ссылаясь на Ксенофонта, не упомянувшего о Ниневии, хотя, участвуя в походе Кира-младшего, он и пропел недалеко от ее развалин. При этом забывают о том, что в тот критический момент, когда Ксенофонт, окруженный врагами, принимал на себя командование греческими войсками и приступил к знаменитому обратному «походу десяти тысяч» в Грецию, ему было, конечно, не до судьбы Ассирии.

После падения централизованного государства Ассирия больше никогда уже не занимала прежнего места на мировой арене.

Ассирийского государства не стало, но народ Ассирии не был уничтожен.

Он продолжал жить на тех же местах и землях, где жил и раньше, хотя родной его язык (ассирийский диалект аккадского), с которым успешно соперничал широко распространенный в ассирийской державе арамейский, был окончательно забыт. Сохранив имя Атуриа, Ассирия стала персидской провинцией, а город Ниневия при римских императорах становится военной колонией.

Так закончилась история первой великой рабовладельческой империи на Ближнем Востоке.

Часть II

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ АССИРИИ

Глава I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АССИРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Государственное устройство

Ассирийская держава складывалась, несомненно, по примеру касситской монархии Вавилона.

В Ассирии царь не считался, как в Египте, богом ни при жизни, ни после смерти. В первую очередь он был военачальником, а затем уже жрецом и судьей.

Исторические памятники Ниневии и соседних с ней городов не оставили никаких следов религиозного культа царя, тогда как памятники фараонов в Египте сооружались, видимо, в целях возвышения личности повелителя.

Власть ассирийских царей росла постепенно. Сначала они не пользовались еще титулом «царь», а называли себя «правителями» (ишшаку). Исполняя свои полномочия, ишшаку опирались на верхушечные слои населения отдельных городов. Как правило, они были самыми богатыми людьми из числа торговцев.

Шамшиадад I впервые присвоил себе титул «царя множеств» и звание «воина Ашшура». С этого времени ассирийские правители стали носить (хотя не сразу) титул царя.

Ашшурубаллит I в своей переписке с египетским фараоном называл себя «царем страны», а также «царем множеств». Однако власть ассирийских царей не была неограниченной, они вынуждены были считаться со жреческой верхушкой, а также с военной аристократией.

Молясь богам, царь снимал с себя знаки власти и обращался к богу как к своему господину, к которому обращаются и все простые люди со своими слабостями. Об этом свидетельствуют следующие строки молитвы Ашшурбанапала: «Пусть заботливый взор, блестящий на твоём вечном лице, рассеет мои горести; пусть никогда не приближается ко мне божественный гнев и ярость его. Пусть мои недостатки и грехи будут вычеркнуты, чтобы я примирился с ним, ибо я раб его могущества, почитатель великих богов. Пусть твой могущественный лик придет ко мне на помощь...»

Однако в руках «смирненного» царя была сосредоточена огромная власть. Причем царь опирался не столько на жречество, сколько на войска и чиновничий аппарат как на главную и решающую силу в управлении страной. В руках ассирийского царя Ашшурбанапала была, например, сосредоточена двойная власть: и светская, и духовная.

В условиях постоянных войн усиливается деспотия царей Ассирии. Однако здесь она не получила такого яркого выражения, как в Египте.

Вещественные памятники помогают нам познакомиться с жизнью ниневийского двора. Росписи на стенах царских покоев наглядно и ярко отображают военные успехи, торжества и охоту царей.

✓ Царь окружал себя многочисленной свитой придворных и вельмож — преданных ему людей. Первые места занимали: *турган* — главнокомандующий армией, который в походах часто заменял царя; дворцовый глашатай; главный кормчий; *абаракку* — главный сановник двора; наместник страны.

Этот порядок свидетельствует о том значении, которое занимали высокие сановники Ассирии. Все они были непосредственно связаны с царем. Занимая ответственные посты в управлении государством, сановники осуществляли царские приказы и выполняли распоряжения.

Во дворцах среди всевозможных донесений начальников, саповников и жрецов сохранилось множество писем царям от лиц разных сословий с пожеланиями счастья царю и благодарностью, просьбами о принятии сыновей на службу во дворец, а также **прошений** от военнопленных и узников.

Несмотря на рабскую униженность, которой отличается содержание этих документов, они в то же время свидетельствуют о том, что ассирийцы имели привилегированное положение в царстве, пользовались некоторой свободой по отношению к царям и часто освещали истинное положение дел. Так, один жрец просит царя принять на службу его сына, жалуется на придворные интриги и отсутствие при дворе друга, который, приняв от него подарок, мог замолвить за его сына слово. Один из подрядчиков жалуется, что у него недостает рабочих для сооружения канала, другой напоминает царю о выплате вознаграждения за изготовление идолов. Чиновник, не получающий жалованья, умоляет, чтобы царь не дал ему умереть с голоду. Царь осведомляется о здоровье своего приближенного и требует обстоятельного изложения хода болезни.

Ассирийские чиновники с большим вниманием следили за всеми событиями, которые происходили не только внутри государства, но и в соседних областях, пограничных с Ассирией.

Царь получал большое количество писем от своих наблюдателей, чиновников и разведчиков, в которых они сообщали **самые** разнообразные данные экономического и политического характе-

ра: о восстаниях и смутах в Сирии, положении в Урарту, Эламе и т. д.

✓ Обширная ассирийская держава делилась на полсотни с лишним провинций, не считая зависимых государств (Египта, большей части Вавилонии, Табала, Иудеи и т. д.). Ее территория, превосходившая по своим размерам все предыдущие государственные объединения, требовала очень сложного управления и большого аппарата. Это управление было поручено высшим военачальникам; они имели в своем распоряжении военные гарнизоны для поддержания внутреннего порядка, охраны дорог в провинции и сбора дани. Провинциями непосредственно руководили уполномоченные царя, а зависимыми областями, занимающими большую часть завоеванных стран, — местные царьки или правители. Причем в зависимых государствах сохранялись их традиционные организации и законодательство. Однако вся деятельность этих правителей проходила под контролем царских чиновников из Ниневии.

Некоторые из завоеванных стран царь считал необходимым держать более строго, в постоянном подчинении ассирийской администрации.

✓ В наиболее крупные и важные по своему значению города и области назначались наместники. Следующим лицом после наместника был восначальник. Так, например, в Ниневии и Арбеле были наместники, а в провинциях и городах Насибине, Аррапхе, Калахе — наместники и военачальники. В распоряжении наместников, сановников и других должностных лиц находилась большая армия писцов.

✓ Обязанности должностных лиц в ассирийском государстве не были строго разграничены из-за неразвитости бюрократического аппарата. Наместники, сановники и военачальники всегда назначались царем и ему непосредственно подчинялись.

В покоренных областях, включенных в состав Ассирии, действовали те же законы, соблюдение которых было обязательно для всех; их нарушителей жестоко карали.

В провинциях ассирийский царь сохранял традиционные законы их организации. Династия зависимых царей сохраняла за собой престол, но в то же время они признавали ассирийского царя своим владыкой, которому платили ежегодно большую дань и доставляли многочисленный контингент воинов.

По мере развития ассирийского государства возникла потребность в более оперативном и гибком управлении как собственно ассирийскими областями, так и завоеванными странами. В этих целях была создана центральная администрация для ведения дипломатических отношений между Ассирией и вассальными странами.

✓ В государственных канцеляриях Ассирии делопроизводство велось на двух языках: ассирийском диалекте аккадского и арамейском, который постепенно становился международным языком Передней Азии. Кроме того, наиболее образованные писцы изуча-

ли два вавилонских диалекта аккадского (старинный и разговорный) языка и даже шумерский язык, ставший уже мертвым.

Представители покоренных народов по воле царя могли занимать ответственные посты, главные придворные должности, которые давали им право наряду с ассирийцами участвовать в управлении обширной ассирийской монархией.

Несколько позднее пошел по этому пути Вавилон. Так, пророк Даниил, согласно библейскому преданию, стал приближенным царя Навуходоносора II и получил вавилонское имя — Валтасар.

Все нити управления страной сходились к царскому дворцу, куда непрерывно прибывали ответственные государственные чиновники. Еще во времена Асархаддона сохранившийся список чиновников содержал перечень 150 должностей. Кроме военного ведомства существовало также и финансовое, ведавшее сбором различных налогов с населения, дань с вассальных стран. Кочевники уплачивали дань натурой в размере одной головы с 20 голов скота. Крестьяне платили десятой частью урожая, четвертью фуража и некоторым количеством голов скота.

С прибывающих торговых кораблей взималась пошлина. Контрольный пост у городских ворот получал также пошлину с ввозимых в город товаров. От уплаты налогов освобождались только представители аристократии и некоторые города, в которых большим влиянием пользовались крупные жреческие коллегии. Мы уже знаем из предыдущих глав, что Вавилон, Сиппар, Бурсиппа, Ниппур, Ашшур и Харрап были освобождены от налогов в пользу царя. Этими торговыми городами управляли особые градоначальники, подчиненные непосредственно царю.

Ассирийская держава, как и другие государства древнего Востока, опиралась не только на жречество и родовую знать, но главным образом на армию.

Ассирийская армия, как об этом уже говорилось, была самой совершенной в древнем мире и наводила страх на неприятеля. Армия комплектовалась в первую очередь из ассирийских полков, которые были ее опорой, а затем из воинов зависимых государств. Ассирийцы почти все набирались в армию.

Ежегодно исходя из условий, сложившихся в стране, армия пополнялась новыми контингентами, но это не должно было отражаться на сельскохозяйственных работах в различных областях Ассирии.

Для зависимых государств центральное правительство Ассирии устанавливало определенное число воинов и срок службы.

В период военных походов ассирийский царь во главе каждого крупного военного подразделения ставил одного из главных сановников царского двора. Это делалось для того, чтобы в период войн можно было бы возвышать отличившихся военачальников, предоставлять им должности в царском дворце, так как такое право давали им главным образом военные подвиги.

Социальные отношения

Ассирийское общество прошло в своем развитии ряд этапов и испытало на протяжении полутора тысяч с лишним лет (от времен первых правителей Ашшура до гибели ассирийской державы) целый ряд существенных перемен. В основном, как уже было сказано, история страны делится (если не считать времен первобытного строя, известных нам по памятникам материальной культуры) на три периода: староассирийский, среднеассирийский и новоассирийский. Уже в староассирийском периоде (конец III тысячелетия до н. э. — первая половина II тысячелетия до н. э.) можно проследить постепенное исчезновение остатков родового строя, а также появление небольшого количества рабов. На этой стадии допускалось порабощение чужеземцев, но отнюдь не коренных ассирийцев. Среди свободного населения Ашшура и его малоазнатских колоний уже происходила имущественная дифференциация. Рабовладельческая верхушка, выдвигавшаяся из среды общинников, начала противопоставлять себя общине.

Значительные сдвиги произошли в среднеассирийский период (XVI—XI вв. до н. э.), когда начала складываться могучая военно-рабовладельческая ассирийская держава.

Имущественное расслоение на этой стадии становится весьма интенсивным. Часть земледельцев-общинников разоряется и нищает. Хотя продажа земельного надела постороннему лицу, не входившему в сельскую общину, строго воспрещалась, но закон этот ухитрились обходить и захватывали земли бедняков.

По мере укрепления частных хозяйств возрастал спрос на подневольную рабочую силу, о чем отчетливо свидетельствуют данные о значительном повышении цен на рабов по сравнению с предыдущим периодом.

Ассирийские цари-завоеватели пригоняли в большом количестве пленников, которых большей частью обращали в рабство. Порабощенных воинов иногда калечили, опасаясь, что они не захотят подчиниться рабской доле и окажут сопротивление. Так, Салманасар I ослепил около 15 тыс. хеттских пленников. Однако рабов-военнопленных не хватало (особенно в промежутках между войнами) и в рабство начали обращать соплеменников. Заимодавец получал в залог членов семьи должника. Глава большой патриархальной семьи иногда обязывался доставить кредитору на время жатвы, когда особенно требовалась добавочная рабочая сила, целые отряды жнецов из числа своих родственников (а возможно и соседей, согласившихся выручить его). Однако дело далеко не всегда ограничивалось временной кабалой. В случае неуплаты долга в срок заложники, отданные на время в дом заимодавца, попадали в вечное рабство.

В отличие от законов Хаммурапи ассирийское законодательство не ограничивало прав ростовщика на эксплуатацию неоплатного должника. Последнего разрешалось бить, выщипывать ему волосы,

калечить (например, прокалывать рабам ушные раковины и продавать через отверстие веревку) и продавать их на сторону.

Наряду с прямым и открытым порабощением наблюдались замаскированные формы рабства. Во время неурожая богатый мог «усыновить» голодающих детей бедняка. Подобный поступок носил громкое название «оживление». Фактически оживленные оказывались в полной власти своего «благодетеля». Правда, они официально не причислялись к рабам, но, попадая под власть усыновителя, не могли уйти от него.

Если «оживленной» была девочка, то хозяин мог отдать ее по достижении брачного возраста замуж, взяв с жениха соответствующий выкуп.

Жена и родные дети в патриархальной семье должны были безропотно повиноваться мужу и отцу и выполнять любую работу. То же самое относилось и к невесткам, даже в случае смерти их мужей. Независимой вдова становилась лишь в том случае, если все взрослые родственники ее мужа умирали.

Жизнь разоренных общинников, лишившихся своих земельных наделов, была весьма тяжелой. Правда, сами они сохраняли свободу, отдавая в кабалу своих детей и добывая таким образом средства пропитания, но это была лишь временная отсрочка. Некоторые из них находили выход, вступая в низший разряд войска (хупшу). В этом случае они снабжались довольствием за счет царя и имели шансы получить со временем участки земли из царского земельного фонда. Часть воинов отправлялась в особые военные поселения, на границы Ассирии. Но большинство бедняков жили случайными заработками, завися от своих богатых соседей.

Внутри сельской общины усиливалось таким образом неравенство. Зажиточные общинники притесняли обедневших, перекладывая на их плечи государственные повинности. Если влиятельный алайау (член общины) не желал служить в армии, он мог послать вместо себя разорившегося соседа, входившего в ту же общину. На другом полюсе ассирийского общества усиливалась рабовладельческая знать. Особенно большими привилегиями пользовались знатные семьи древней столицы — Ашшура. Имеются указания на то, что уже в среднеассирийский период они были освобождены от податей и повинностей, обязательных для большинства свободных ассирийцев.

В новоассирийский период (X — VII вв. до н. э.) раннерабовладельческое общество (его иногда называют патриархальным, примитивным рабовладельческим обществом или архаической формацией) в Месопотамии уже начинает приближаться к уровню античного, рабовладельческого. Долговое рабство утрачивает былое значение. Особой пужды в порабощении соотечественников уже нет, ибо бесконечные завоевательные войны обеспечивают непрерывный приток военнопленных. Правда, значительная часть их безжалостно уничтожалась (особенно в царствование Ашшур-насирапала) или вымирала от жестокого обращения. Однако жен-

щин и несовершеннолетних мальчиков обыкновенно падали; их можно было легче превратить в покорных рабов.

После некоторых, особенно успешных походов (например, победы над арабскими кочевыми племенами) пленники пригонялись в таком огромном количестве, что каждый более или менее состоятельный ассириец мог купить их за бесценок. Сохранилось немало документов, фиксирующих торговлю рабами. Рабы и рабыни продавались как в одиночку, так и большими группами.

Благодаря этому рабы имелись в каждом зажиточном семействе, а иногда в одних руках сосредоточивалось по 20, 30 и 40 рабов. Рабский труд использовался в земледелии и ремесленном производстве, а также на оросительных и строительных работах. Руками рабов воздвигались дворцы, храмы и крепости.

Раб в Ассирии (как и в других странах древнего мира) становился по существу вещью своего хозяина. Его можно было продать, одолжить или отдать в залог. Государственные рабы находились в собственности дворца или храма и работали на землях последних или в принадлежащих им ремесленных мастерских.

Раба узнавали по внешнему отличительному признаку: выбритой передней части головы. Некоторым рабам отрезали или калечили уши. Обычно раб имел табличку, которую носил на шее, или рабское клеймо — татуировку.

При раскопках иногда находили короткие надписи на подвесках, которые должны были засвидетельствовать личность раба или рабыни.

Раб мог стать свободным лишь по воле господина, решившего его отпустить. Освобождение раба сопровождалось определенным ритуалом: омовением головы и обращением лица на восток. С раба снимали оковы или отличительные знаки. Имеется немало сведений о том, что цари Ассирии иногда отпускали на волю часть своих рабов.

Формы эксплуатации рабов были неодинаковы. Некоторым из них господин предоставлял известную долю самостоятельности. Не всегда крупный землевладелец имел желание вести хозяйство на своих землях, в особенности если его поместья находились далеко от местожительства. Передко он предпочитал сажать своих рабов на землю, разрешая им обзаводиться семьями и вести свое мелкое хозяйство с обязательством отдавать значительную часть продукции господину. Недвижимое имущество и скот, предоставленные таким рабам, являлись собственностью рабовладельца, и они пользовались ими лишь с его разрешения. В отличие от остальных рабов эти подневольные люди могли продаваться только с семьями и земельными участками.

Таким образом участие рабов в хозяйственной жизни в новоассирийский период неуклонно возрастает. Однако рабы не играли даже на этом этапе такой исключительной и всеобъемлющей роли в производственном процессе, как это имело место позже в античной Греции и в Риме.

Обогащение от торговли и захвата добычи укрепляло положение рабовладельческой верхушки и способствовало росту крупного землевладения. В древней Ассирии, так же как в ряде других древневосточных стран, верховным собственником всей земли — сувереном считался сам царь. В то же время он был фактическим владельцем значительных поместий. Много земли сосредоточивалось также в руках храмов и отдельных вельмож.

По мере роста крупного землевладения и рабовладения широкие слои свободного населения Ассирии все более и более разорялись. Некоторые цари (Тиглатпаласар III и др.) делали попытки несколько улучшить их положение путем привлечения в армию. Однако, принимая какое-то время известное участие в дележе военной добычи, они в дальнейшем вновь разорялись.

Среди господствующего слоя ассирийских рабовладельцев также не было согласия. Существовали две основные соперничающие друг с другом группировки привилегированной верхушки. Первая — это старая знать, обосновавшаяся главным образом в древнем центре страны — Ашшуре, а в дальнейшем также и в крупном городе Западной Ассирии — Харране. Она добивалась закрепления старинных вольностей и освобождения Ашшура и Харрана (а также связанных с ними крупных вавилонских городов) от царских повинностей и податей. Именно с этой группой были связаны ассирийские торговые круги.

Вторая — это новая военно-служилая знать, окружавшая царя и опиравшаяся на армию. Она поддерживала активную завоевательную политику ассирийских царей и добивалась отмены привилегий старинных городов. Именно при ее содействии Салманасар V сделал неудачную попытку ликвидировать иммунитетные права Ашшура.

Правящие слои Ассирии делали все возможное, чтобы преодолеть социально-экономический кризис, и несколько раз предотвращали угрозу распада могущественной державы. Однако недовольство в покоренных странах, тяжелое положение рабов и разоренного свободного населения в самой Ассирии и раздоры в среде господствующего класса рабовладельцев, отнюдь не проявлявших единства, подтачивали устои Ассирийской державы и привели ее к крушению.

Законодательство

Писатели древности, к сожалению, не оставили потомству документов об ассирийских законах, столь же подробных, как, например, о египетских. Зато до нас дошли подлинные законодательные памятники Ассирии. Из уголовного ассирийского судопроизводства мы узнаем, что вся судебная процедура была кратка. Сами законы отличались исключительной жестокостью, предусматривали казни и пытки, для того чтобы добиться признания у обвиняемых. Одних преступников обезглавливали, других сажали на кол, с тре-

тых сдирали кожу. Трупы казненных выбрасывали на съедение диким животным. За сравнительно небольшие преступления виновникам выкалывали глаза, отрубали руки.

Наиболее древним законодательным памятником Ассирии считался «Торговый устав», действовавший в малоазиатской фактории ассирийских купцов — Канесе, относящийся к XIX в. до н.э.

«Торговый устав» отражал торговые контракты, продажу и наем поземельной собственности, положение рабов и т. д. В нем устанавливались гарантии, которыми была защищена поземельная собственность в Ассирии.

Об ассирийском законодательстве удалось узнать главным образом благодаря находке во время раскопок 1903—1914 гг. в развалинах Ашшура среднеассирийских законов в фрагментированном виде.

На основании этих материалов можно судить о том, каким было ассирийское общество во II тысячелетии до н. э. и какого рода социальные сдвиги произошли в нем в результате постоянных войн, начиная с царствования царя Ашшурбалита (XV в. до н. э.) и вплоть до XI в. до н. э. Эти документы интересны тем, что они не являются судебниками царей (как, например, судебники Хаммурапи). Ассирийские законы считались принадлежностью городских советов или ассирийского народа, а не царя.

Дошедшая до нас часть этих законов посвящена главным образом положению женщины в семье. Она была буквально в «руках мужа», жила, в сущности, на положении рабыни и не имела никакого права на семейное имущество. Об этом свидетельствовал следующий параграф закона: «Если раб или рабыня приняли что-либо из рук жены человека, (то) рабу и рабыне должны отрезать нос и ухо (и) краденое ими должны восполнить; человек может отрезать ухо своей жене. А если он освободил свою жену и не отрезал ей [у]хо, (то) рабу и рабыне также не должны отрезать (и) краденое они не обязаны восполнить».

Из этого закона явствует, что вся собственность в доме принадлежит только мужу. Поэтому передача женой какого-либо имущества кому бы то ни было приравнивалась к воровству. Все законы, связанные с положением женщины, направлены против нее. Мужчина наказывается лишь в том случае, когда обидит чужую жену или совершит с ней прелюбодеяние, короче, наказывается за то, что нарушил право чужой собственности.

Все наказания для женщин были чрезвычайно жестокими. Например, женщина, которая нагубила какому-нибудь мужчине, должна была уплатить большой денежный штраф и, кроме того, получить 25 ударов палками. Свободная женщина могла выходить на улицу только под покрывалом. Если же рабыню или проститутку обнаруживали с закрытыми лицами, то их наказывали 50 ударами палками. Любой свободный человек, который встречал проститутку или рабыню с закрытым лицом, обязан был немедленно привести ее в суд. Если же он нарушал этот закон,

то его наказывали самого 50 ударами палками. Тот же, кто сообщал об этом факте, получал одежду нарушителя.

В гражданском законе были определены взаимные права и обязанности мужа и жены, отца и детей. Из него вытекает, что ассирийская семья была основана на неограниченной супружеской власти отца, доведенной до абсурда. Мужу, желавшему развестись с женой, достаточно было уплатить ей некоторую сумму серебром. Жену же, обманувшую мужа или пожелавшую отделаться от него, бросали в реку.

До нас дошло несколько брачных контрактов новоассирийского периода, из которых видно, что в отдельных конкретных случаях наблюдалось отступление от сурового патриархального права. В одном случае за женой сохраняется право бросить мужа и вернуться в дом отца. В другом — жена освобождается от обязанностей отрабатывать долги своего мужа.

Зажиточная верхушка ассирийского общества, используя своих беднейших сограждан на войне, эксплуатировала их и в мирной обстановке, пользуясь нормами долгового права.

Много внимания уделяли ассирийские законы правам и обязанностям сельской общины. Строго различались большая межа, отделяющая землю одной общины от другой, и малая, отделяющая друг от друга наделы земледельцев внутри общины. Каждый общинник получал свой надел по жребию (*нуру*) и мог передавать его по наследству. Но наследовать он имел право только родственнику или соседу, но не чужаку. Правда, с течением времени этот закон научились обходить. Продавец усыновлял покупателя и передавал ему надел, как сыну. С помощью такой акции можно было даже отдать свой земельный участок в оплату долга, объявив своим сыном займодавца. Таким образом старые общинные отношения стали уходить в область прошлого. Земельные переделы происходили все реже, и владения общинника постепенно превращались в частную собственность на землю.

Нередки были и противозаконные захваты чужой земли. По ассирийскому праву за нарушение большой межи полагалось нанести обидчику 100 ударов палкой и отрубить палец, а за нарушение малой межи — только 50 палочных ударов. Конечно, сильные и влиятельные люди ухитрялись подкупать судей и округлять свои владения за чужой счет, не страшась таких суровых наказаний.

Ремесло, земледелие, скотоводство и дорожное строительство

Новый расцвет военного и экономического могущества Ассирии привел к широкому развитию ремесла. Искусные мастера выпускали здесь продукцию, которая славилась во всем тогдашнем мире. Ассирийские ткачи создавали замечательные ткани от самых легких и прозрачных до тяжелых златотканых материй и

роскошных ковров. В большом количестве изготавливались духи, помада и различные мази.

В Библии, например, содержатся сведения о том, что финикийский г. Тир вел торговлю с Ассирией, получая оттуда «великолепные одежды, плащи из синего пурпура и с цветными вышивками, пестротканые покрывала и крепкокрученные шнуры (вероятно, бахрому)». Все эти одежды расшивались золотом и цветными нитками.

Изобилие высококачественной глины способствовало подъему гончарного искусства. Опытные мастера Ассирии и Вавилоны славились изготовлением разноцветных керамических плит, которыми облицовывались дворцы, храмы и здания.

При помощи красной, белой и черной красок ассирийские живописцы покрывали стены дворцов и храмов замечательными фресками.

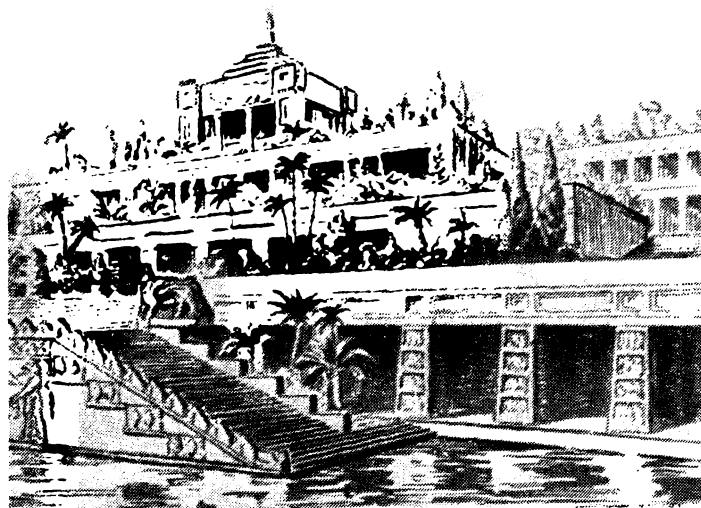
Высоко ценились в Ассирии предметы роскоши: изделия из золота, серебра и бронзы (золотые браслеты и серьги, кипжалы с позолоченной рукояткой, с резьбой чеканной работы на золоте), из слоновой кости, стекла, фаянса; в ходу был кафель, покрытый многоцветной красочной эмалью, резная мебель и т. д.

Искусные и опытные мастера Ассирии из песка и соды получали в печах кашеобразную стекольную массу, из которой выдували отличные цветные сосуды с тонкими стенками, создавали разного рода изразцы и изделия для облицовки ворот, наружных стен больших зданий. Древние мастера хорошо знали различные свойства стекла. Лэйярд еще в Ниневии нашел лупу из горного хрусталя, а во время раскопок в Дур-Шаррукине была найдена стеклянная ваза из надувного прозрачного стекла.

Большого технического совершенства достигла в Ассирии накануне ее падения и металлургия. По-видимому, здесь впервые в мире научились закалять сталь. О высоком техническом совершенстве древних мастеров свидетельствует различная посуда. Искусные мастера изготавливали ножи и вилки, спицы для колесниц, оружие. Воины-ассирийцы носили остроконечные бронзовые шлемы, которые также производились в Ассирии. Изделия из железа, изготовленные древними металлургами Ассирии, были такого высокого качества, что многие из них можно использовать и в наши дни.

Мечи и копья изготавливались из особого рода стали; впоследствии опыт ее плавки перешел к арабам (так называемая дамаская сталь).

Самыми крупными собственниками земли в Ассирии были храмы. Большую ее часть они передавали в аренду. Арендаторы же обрабатывали только часть земли, привлекая для этой цели рабов и нанимая свободных, а другую часть сдавали в аренду, за что получали большую часть урожая. Таким образом, за счет даровой рабочей силы и благодаря дешевому труду храмы и арендаторы приумножали свое богатство. Храмовые лавки и амбары

Висячие сады Семирамиды — одно из семи чудес света.
Реконструкция

арендаторов наполнялись зерном, финиками, пальмовым и виноградным вином, чесноком и медом. Рабы в поте лица работали в сельском хозяйстве: пахали землю под зерновые культуры, возделывали виноградники и плодовые сады для своих хозяев.

Большое значение для Ассирии имело скотоводство. Помимо лошадей, ослов и мулов, крупного и мелкого рогатого скота разводились верблюды. При Ашшурбанапале в большом количестве появляются одnogорбые верблюды, которые были им захвачены во время победоносного похода в Аравию. Верблюдов было так много, что их продавали по пониженным ценам (они упали с $1\frac{2}{3}$ мины до $\frac{1}{2}$ шекеля, что составляло около 4 г серебра).

Верблюды в Ассирии использовались как вьючный скот в период военных походов, так и в торговых целях, особенно при переходе караванов через пустыни и безводные сухие степи.

Широкое распространение получило в Ассирии садоводство. Обширные сады разбивались вокруг царского дворца, о чем говорят надписи и рельефные изображения.

Ниневию окружал большой сад, в котором наряду с местными растениями, плодовыми деревьями и овощами делались попытки культивировать растения из других стран (в частности, хлопчатник из Индии), выращивать и подвергать акклиматизации ценные сорта винограда из горных районов.

Во время торжественных приемов в царском дворце Ашшурбанапала на столах появлялись персики и гранаты, виноград и

груши, яблоки и инжир, а также жаренный на специальных мангалах миндаль.

Особенно любили ассирийцы плоды тутового дерева, главным образом за то, что ягоды его созревали рано. Античная традиция считала Ассирию родиной тутового дерева.

Финики ассирийцы привозили из Вавилонии. Финиковые пальмы росли здесь прекрасно, но плоды их не созревали. Только в южной провинции Сухи (на границе с Вавилонией) ассирийским садоводам удавалось собирать урожай фиников. В I в. до н. э. на территории Ассирии выращивались лимоны. Возможно, что и в более ранние времена они произрастали на берегах Тигра и Евфрата.

Раскопки в древнем городе Ассирии — Ашшуре обнаружили остатки большого фруктового сада оригинального типа. Сад занимал площадь в 16 000 кв. м; он был разбит на искусственной насыпи, а в скале пробиты отверстия специально для соединения искусственных каналов.

В древности Ассирию называли также страной меда и кунжута (сезама). Из литературы известно, что ассирийцы хорошо изучили жизнь и повадки пчел. Они знали, как выгнать пчелиный рой из улья, а потом, после сбора меда, снова загнать его обратно.

В Ассирии скреплялись военные и торговые пути, соединявшие между собой различные области страны. Хорошие дороги были жизненно необходимы для военных и торговых целей. Здесь впервые в мире стали прокладывать широкие дороги, мощенные камнем и кирпичом, а на некоторых участках даже покрытые асфальтом. Таков, например, участок большой дороги, связывающей крепость ассирийского царя Саргона II с долиной Евфрата. Эти дороги давали возможность Ассирии сообщаться со всеми подвластными ей областями и провинциями. Техника дорожного строительства достигла здесь высокого развития. Еще царь Тиглатпаласар I построил в стране Кумук дорогу для своих повозок и войск, остатки которой сохранились до наших дней. Царь Асархаддон после восстановления Вавилона в одной из своих надписей сообщил: «я открыл его дороги на все четыре стороны, чтобы вавилоняне пользовались ими и могли свободно сообщаться со всеми странами».

Ассирийцы умело строили мосты через речки, главным образом деревянные, но иногда и каменные. Через Евфрат был переброшен каменный мост; сейчас раскопаны семь его опор. Двор крепости в Калахе был покрыт асфальтом; на нем сохранились следы тяжелых ассирийских колесниц, оставленные 2500 лет назад.

Дороги содержались в хорошем состоянии; пути, проходящие через пустыню, охранялись. Через каждые 20 км были устроены колодцы и станции. На дороге, которая шла из Ассирии в Малую Азию, располагались станции, где меняли лошадей царские гон-

цы, которые бесперебойно доставляли послания царя из Ниневии по всем областям обширной ассирийской державы.

Связь провинций с царским двором была отлично организована. По дорогам регулярно проходила специальная стража, охранявшая караван, а для передачи важных сообщений пользовались световыми (кострами) сигналами. Во главе станций в крупных населенных пунктах и деревнях стояли чиновники, которые контролировали безопасность движения по дорогам и обеспечивали доставку почты и послов в столицу Ассирии. Если в течение одной пятидневки по вине чиновников почта задерживалась, на них немедленно поступала жалоба в Ниневию.

Дорогами широко пользовались купцы и торговцы. По ним непрерывно шли караваны с товарами во все концы Ассирии. Ассирийские дороги стали предшественниками персидских, греческих и римских.

Месопотамия была географическим центром стран Передней Азии, а Вавилон занимал центральное место в самой Месопотамии. Естественно, что он стал торговым городом древнего мира. Товары доставлялись здесь преимущественно караванными путями, но иногда и по рекам. Ниневия и Вавилон вели между собой оживленную торговлю с давних времен, когда Ассирия еще имела свои фактории в Каппадокии.

Глава II

КУЛЬТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ АССИРИИ

Письменность

Своими знаниями истории народов Месопотамии и ее соседей человечество обязано в первую очередь глиняной табличке.

На плодородной низменности между Тигром и Евфратом, в Месопотамии, издавна жили шумеры — древнейший культурный народ мира.

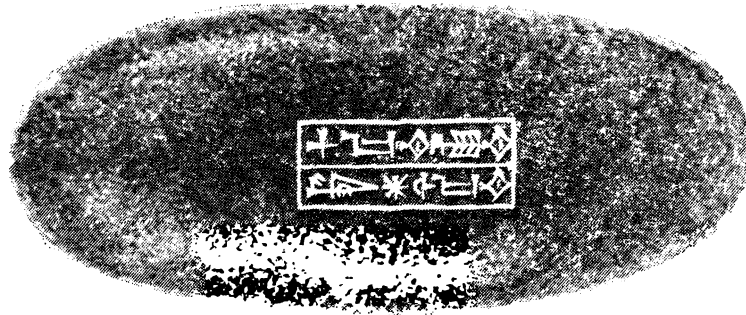
У шумеров, как и у египтян, письменность первоначально была прерогативой писцов. Вначале они пользовались грубым, пиктографическим письмом, изображая общий вид предмета, вернее его очертания. Затем эти рисунки все более и более упрощались и превращались в группы клиньев. Древнейшие надписи шумеров представляли собой документы хозяйственной отчетности (списки работников, описи стад, перечисления ремесленных изделий и т. д.).

Ассирийцы значительно упростили клинопись, приведя ее в определенную систему и окончательно перейдя к горизонтальному письму. Ассирийцы и вавилоняне писали палочками из очищенного камыша на выделанной коже, на деревянных дощечках и на папирусе, который получали с приходившими из Египта караванами, не говоря уже о надписях, высеченных на камне, металлических пластинах, сосудах и оружии.

Однако основным материалом для письма оставалась глина. Ее брали сырой, изготавливали плитки, похожие на подушечки или куски туалетного мыла. Иногда эти плитки имели форму цилиндра.

Писали палочкой наподобие грифеля с тупым концом в виде треугольника. После того как вся поверхность плитки была испи-сана, ее сушили на солнце, а для большей прочности и долговечности — обжигали. Благодаря этому знаки сохранялись, а плитки не страдали от сырости. Этот способ письма переняли и соседние народы — эламиты, персы, мидяне, хетты, уарты, частично финикийцы (в Угарите).

Обычно письмо в Месопотамии было слоговым, но в некоторых случаях, как и в глубокую старину, пользовались знаками, передававшими целое понятие. Были, наконец, и такие знаки, которые можно было воспринимать двояко: как слог и как целое слово. Чи-

Гиря в полмины (Ассирия)

тать такие тексты было пелегко даже для вавилонян и ассирийцев. Приходилось пользоваться особыми словарями, грамматиками и указателями. Одно из таких руководств помогло впоследствии ассириологам при расшифровке клинописи.

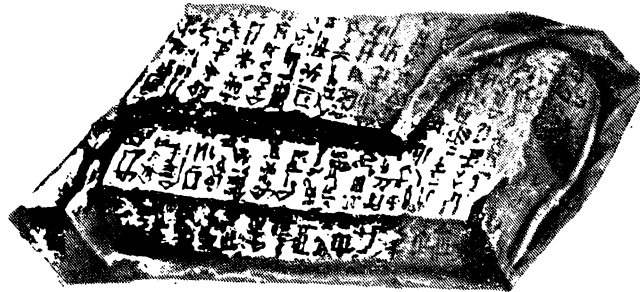
Многие таблички оказались заключенными в глиняные футляры, также надписанные и обожженные. На книгах иногда ставилось нечто вроде штемпеля или же большая вычурная надпись такого, например, типа: «Ашшурбанапал, царь множеств, царь народов, царь Ассирии, которому боги дали чуткие уши и просветленные очи, из уважения к Набу (богу мудрости) собрал эти таблички, повелел списать их и закрепить собственноручной печатью».

В Месопотамии, как и в Египте, существовали даже школы. Во время раскопок удалось открыть одну школу в г. Мари, а в ней — пособия для обучения и задачи учеников. Одна из табличек провозглашала: «Кто отличится в чтении и письме, тот будет блеснуть, как солнце».

Четыре курса приходилось преодолевать любознательному юноше и каждый раз одолевать новые препятствия, чтобы изучить клинопись. Несколько лет требовалось для овладения искусством письма. Надо было правильно «вдавливать» грифель в мягкую глину, наносить знаки как можно мельче и соблюдать необходимый промежуток между ними.

Последние археологические находки позволили обнаружить на территории древней Ассирии даже своеобразный университет.

Примерно в 10 км к востоку от Багдада расположена древняя крепость Тиль-Кармаль. Находки в этом месте позволили сделать вывод о том, что здесь и находился своего рода первый университет в истории человечества. Удалось установить название древне-ассирийского городка — Шадупум, что на арамейском языке означает «счетная палата» или «казначейство». Изученные археологами Генеральной дирекции древних памятников Ирака глиняные таблицы с клинописью говорят о том, что Шадупум был местом

Деловой документ ассирийцев из обожженной глины.
Конца его повторяется на глиняном футляре

хранения важных документов Ашшура, центром сосредоточения людей, сведущих не только в искусстве письма, но и в различных областях культуры и науки.

Наибольший интерес представляют имеющиеся здесь таблички, отражающие знания древних в математике и геометрии. Например, в одной из них доказывается теорема о подобии прямоугольных треугольников, которую приписывают древнегреческому ученому Евклиду. Оказалось, что в Шадупуме ее применяли еще за 17 веков до Евклида. Найдены также математические таблицы, с помощью которых, по сути дела, можно умножать, извлекать квадратные корни, возводить различные степени, выполнять деление и вычислять проценты¹.

Библиотека Ашшурбанапала

Генри Лэйярд, о работах которого сообщалось в начале настоящей книги, много времени и труда посвятил Куюнджикскому холму, в котором оказалось два великолепных дворца. Один из них — Сипаххериба, другой — внука его, Ашшурбанапала, живших за 700 — 650 лет до н. э.

Во втором дворце Лэйярд и его сотрудник О. Рассам обнаружили две сравнительно небольшие комнаты, пол которых весь был завален обломками всевозможных кирпичей или, вернее, плиток из обожженной глины, покрытых с обеих сторон клинообразным письмом. Нога выше щиколотки уходила в этот мусор, образовавшийся, очевидно, оттого, что провалилась верхняя часть здания. Плитки, сложенные в определенном порядке на полках вдоль стен, свалились внутрь комнаты и разбились при падении. Однако, как это ни странно, нашлось и немало целых. Рассам собрал часть их в несколько ящиков и отослал в Британский музей, догадываясь об исторической ценности находки.

Обломки эти несколько лет пролежали, сваленные в кучу; у ученых никак не доходили руки, чтобы перебрать и рассортировать весь этот материал, прежде чем можно будет даже подумать о разборе текстов.

Как уже было сказано, в 1872 г. Джордж Смит, изучая клинописные тексты из Ниневии, обнаружил на одной из клинописных табличек отрывки из величайшего произведения ассиро-вавилонской литературы — поэмы о Гильгамеше.

Д. Смит скоропостижно скончался. Но начатое им дело было окончено другими с любовью и умением. Драгоценные тексты рассортировали, подобрали, и тщательно составленная из них коллекция была воспроизведена при помощи фотографа и гравера. Исследования Смита подтвердили существование библиотеки ассирийского царя Ашшурбанапала, которую он две с половиной тысячи лет назад собрал из всех больших городов Двуречья и разместил в архивах своего дворца.

Основное место в библиотеке занимали книги религиозного и научного содержания, главным образом по математике и астрономии. И в той и в другой древние ассирийцы и вавилоняне достигли большого совершенства. Можно с уверенностью сказать, что наряду с древними египтянами они сделали первые открытия в этой области. Но вместе с подлинной наукой развивалась и лженаука — астрология, в основе которой лежало учение о мнимом влиянии небесных тел на судьбы людей. Астрологию считали подлинной наукой не только вавилоняне, но и пришедшие им на смену народы. К научной же категории можно отнести и различные географические руководства: списки известных в то время гор, морей, рек, городов и народов, а также растений и животных, в которых заметны даже попытки установить некоторого рода классификацию.

Исторического материала здесь немного: история или, вернее, летописание нашли свое отражение главным образом на дворцовых и храмовых стенах. Однако надписи исторического содержания о судьбах Вавилона и Ассирии в библиотеке представлены в большом количестве.

По своему характеру они делятся на два раздела: 1) летописи и торжественные надписи; 2) договоры, письма, донесения, списки провинций и т. д.

Писцы Ашшурбанапала увековечили его боевые походы и подвиги в пяти различных надписях, начертав их на больших глиняных призмах. Найдены также аналогичные надписи о военных подвигах выдающихся ассирийских царей — Асархаддона и Синахериба. Эти тексты по своему содержанию сводятся к трем частям: а) введение, содержащее краткую молитву, обращенную к великим богам-властителям Ассирии, а также перечисление их титулов и эпитетов; б) описание деяний царя, его победоносных походов, успешно одержанных побед над врагами; в) рассказ о строительной деятельности царя.

Одна из надписей содержит предсказание богини Иштар военного успеха войскам царя и благословляет его на предстоящий военный поход, в другой оракул провозглашает: «Луки Элама я сломаю, но твои руки (Ашшурбанапала) я сделаю прочными; оружие твое осилит всех врагов твоих... и своим мощным оружием я подбодрю твое сердце к уничтожению врагов твоих...».

Обращение к богу солнца — Шамашу начинается трафаретной фразой: «О бог солнца, великий владыка! Милостиво прошу ответить мне на вопрос мой...» Поводом к такого рода «обращениям» были обычно важные политические моменты в жизни царского двора или всего государства. Угроза опасности войны, неуверенность в судьбе отправленных царем военных экспедиций и посольств, мятежи на границах Ассирии или внутри страны — таковы были главные мотивы, вынуждающие ассирийских владык обращаться к богу солнца.

Асархаддон и Ашшурбанапал обращение к Шамашу дополняли молитвами о помощи, о восстановлении городов, создании новых торговых факторий, новых храмов и дворцов; писали о том, как воздвигать новые кварталы, сооружать статуи с посвятельными надписями.

Иногда тексты посвящались описанию царских охот, особенно на львов. В них говорится также о заботах царя, связанных с развитием скотоводства, торговли, ремесел, древонасаждения, цветоводства. Все военные походы перечисляются здесь в строго хронологическом порядке, освещаются события данного царствования, обязательно указывается время составления текста.

В библиотеке Ниневии было немало текстов, посвященных древнейшим царям Ассирии и вавилонским владыкам. Нередко это были копии или переводы с оригиналов, написанных на шумерском языке.

В огромном количестве в Ниневийской библиотеке сохранились различные письма и депеши. Эти памятники письменности свидетельствуют о том, что древнейшие правители Вавилона и Ассирии считали такую корреспонденцию повседневной и вполне обычной. Прежде всего это были письма царя, адресованные своим подданным: на имя наследника, жены или дочери, государственных деятелей, военачальников, посланников, придворных чиновников, управляющих дворцовым имуществом и т. п.

Важное значение имели донесения военачальников о передвижениях войск, о покорении городов и областей, о судьбах плененных врагов; обращения о подвозе оружия и продовольствия; сообщения о потерях в своей армии и в армии врагов. К ассирийской эпистолярной литературе можно отнести многочисленные донесения, запросы, поручения и предложения, касающиеся государственных, общественных и частных зданий и сооружений, строительства храмов, городских ворот, колоннад, плотин и каналов.

Многочисленные письма были посвящены частной жизни, быту и религиозному мировоззрению высокопоставленных лиц. Обсуж-

дался в них даже порядок празднования Нового года или других торжеств.

Именно из этих писем нам стало известно о перевозке огромных крылатых быков с гор, где они изготавливались, о чем уже сообщалось выше. Речь здесь часто идет и о личных повседневных делах. Например, о болезнях и методах их лечения. В одном письме царю, страдающему болезнью уха, обещают прислать отличного врача. В другом приглашают доктора посетить тяжелобольного вавилонского жреца; в третьем сообщают о медицинской помощи одной придворной даме, «не принимающей пищи».

Не остаются в стороне и вопросы общественного характера. Так, в одном письме автор дает обзор заседания большого собрания астрологов, а в другом сообщает о награждении благородного и честного человека, которому удалось вернуть похищенную каменщиком из храма бога Ашпура золотую пластинку.

Таким образом, тематика писем исключительно разнообразна. Сообщается о путешествиях придворных чипов, ритуале в царском дворце, о придворном этикете во времена траура и т. д. Наряду с этим встречаются письма совсем иного содержания, характеризующие придворные интриги и мелочную борьбу за чины и награды. Стоило царю назначить на высокие военные должности трех царедворцев, как тотчас поступал донос, что все трое известны как неисправимые пьяницы, что стоит им напиться, как «каждый не будет в состоянии отворотить кивжала от того, кто попадется им под руки». Автор этого доноса скромно воздерживается от каких-либо советов, ибо не осмеливается предвосхищать решения владыки и заканчивает письмо смиренным заявлением: «Царь, мой господин может поступить, как ему угодно».

Очень важное место в библиотеке занимают грамматики, словари, школьные книги для упражнений в чтении по слогам. Дело в том, что ко времени основания библиотеки шумерский язык, на котором были написаны древние и священные книги, уже забыли. Помнили его только жрецы да писцы. Но изучать его нужно было, так как на шумерском, как на языке священном, были написаны и читались молитвы. Почти ко всем древним текстам давался перевод на ассирийский язык подстрочно или на параллельном столбце. Давались даже самые точные паставления по произношению в словарях или, чаще, в особых таблицах.

Перечисленные выше книги входили в так называемый классический отдел библиотеки. Другой отдел можно назвать «архивным». Здесь хранились разные документы, общественные и частные. Наряду с политическими трактатами, царскими указами, депешами, перечнями даней и податей, докладами царских наместников и военачальников и с ежедневными донесениями работников царских обсерваторий сюда входят бесчисленные частные документы: купчие крепости, удостоверенные по всем правилам, за подписями и печатями, на дома, земли, рабов — на всякую собственность; кредитные векселя, контракты и договоры всякого рода. Из част-

ных документов самый замечательный — так пазываемое «Завещание» царя Синаххериба, по которому он передает на хранение некоторые ценные вещи, предназначенные своему любимому сыну, жрецам храма бога Набу.

Ассирийская «книга» — это плитки из обожженной глины разных размеров. Они редко встречаются в таком отлично сохранившемся виде, как в ниневийской библиотеке. Лэйярд так описал свои первые находки: «Плитки были разной величины: которые побольше — плоские, длиною в $9\frac{1}{2}$ дюйма; которые поменьше — чуть-чуть выпуклые; иные не больше дюйма, с одной или двумя строками письма. Письмена почти на всех очень ясны и отчетливы, но иногда до того мелки, что не прочесть без увеличительного стекла». Но то, что «не прочесть без увеличительного стекла», следует и писать с помощью такого же стекла. И действительно, археологи обнаружили линзы из хрусталя, а также инструменты, которые вдавливали в мягкую мокрую глину. Это маленький металлический стиль с треугольным концом. Если вдавить этот конец в глину, затем отдернуть, то непременно останется клинообразный след — направление же его определится поворотом руки, которая держит инструмент под разными углами. При этом плитка остается неподвижной. Исписав одну ее сторону, переходили на другую. Маленькую плитку держали между большим и средним пальцами левой руки, касаясь ими лишь узеньких торцов. Плитку побольше приходилось класть на стол. Если ее просто перевернуть, знаки на мягкой глине сотрутся, соприкоснувшись с твердой поверхностью. Чтобы этого не допустить, было придумано простое средство: в глину втыкались палочки, на которых плитка стояла, как на ножках, во время письма, а также обжигала в печи. Иногда на обожженную плитку с подписью накладывался слой сырой глины, и получалась точная копия текста. О подобном приеме, повторявшемся иногда несколько раз, можно говорить как о предшественном книгопечатанию. Это произошло в условиях образования ассирийской мировой монархии, когда приказы царя на трех языках приходилось размножать и рассылать многочисленным ассирийским наместникам, вассалам и покоренным государствам.

Ассирийские писцы пользовались личными печатями, о которых также можно говорить как о зачатках печатания. Они вырезали их на глиняной плитке и затем размножали на сырых глиняных табличках, получая таким образом нужное число копий.

Часто бывало и так, что несколько плиток одной величины и одного формата становились частью целой серии; в этом случае каждую из них тщательно нумеровали и помечали. Так, например, поэма о Гильгамеше написана на 12 больших плитках, из которых каждая составляет отдельную главу или песнь. Сохранилось сочинение о сотворении мира на семи таблицах. Первая из них начинается словами: «Когда наверху бог Ану („энума элиш“) и...», которые образовали заглавие для всей серии. На каждой плитке стоит отметка: «первая, вторая, третья» и начальные строки: «Ког-

да наверху бог Ану и...» Чтобы не возникли трудности при чтении, последняя строка предыдущей плитки повторяется в начале следующей — точно так, как в наших старинных книгах два-три слова в конце страницы повторяются в начале последующей.

Наряду с библиотекой Ашшурбанапала источниками сведений о вавилонской литературе являются также такие ассирийские библиотеки, как храмовая в г. Ашшуре (XIII — XII вв. до н. э.) и библиотека из г. Харрана (VIII в. до н. э.).

Клинописные тексты были, однако, обнаружены не только в составе библиотек и не только на обожженном кирпиче.

В самом сокровенном тайнике хорсабадского дворца Дур-Шаррукин был найден большой каменный ящик с несколькими испи-санными плитами из разного материала. Здесь находились золотая, серебряная, медная, свинцовая, оловянная и алебастровая таблички. Седьмая надпись сохранилась на самом ящике. К несчастью, наиболее значительная часть этой замечательной находки, отправленная на судне вниз по Тигру вместе с другой коллекцией, затонула. Уцелели только золотая, серебряная, медная и оловянная таблички; надписи на них прочли и перевели. Все они почти в одних и тех же словах говорят об одном событии: основании и сооружении нового дворца и города царем-завоевателем Саргоном II.

Три надписи кончаются просьбой к будущим царям, преемникам Саргона, чтобы они содержали дворец в лучшем виде, производя необходимый ремонт. В то же время Саргон II угрожал: «Кто изменит дело рук моих, разрушит мои строения, сломит стены, мною воздвигнутые, того имя и семья Ашшур, Нинурта, Адад и обитающие здесь великие боги да вырвут из земли и да оставят его самого сидеть связанным у ног врага его!» Все надписи большей частью кончаются такого рода заклинаниями.

Дворцы в те времена имели одно назначение, которого они в наше время больше не имеют. Дворец был не только «чертогом царского величия», как гласят надписи, он был в то же время и книгой, которую каждый правитель начинал при воцарении своем и в которую он вносил все, свершившееся в его царствование.

В число литературных памятников входят также коммерческие надписи и договора. В них речь идет об уровне ремесла и торговли, о путях сообщения и юридических отношениях в Ассирии. Договоры скреплялись печатями. Еще Геродот отмечал, что почти у каждого жителя Ассирии и Вавилона имелась личная печать. Много таких печатей цилиндрической формы с изображениями и клинописными текстами можно увидеть в Государственном Эрмитаже в Ленинграде и в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Только беднейшее население не имело печатей, а в тех случаях, когда беднякам приходилось выступать в роли свидетелей, вместо печати они выдавливали отпечатки своих ногтей в мягкой глине. При этом писец, оформлявший документы, делал в конце их отметку: «Вместо печати приложили они здесь свои пальцы».

На некоторых торговых контрактах эпохи Ашшурбанапала обнаружены знаки неклинописного и неассирийского письма. Это арамейское буквенное письмо появилось в Ассирии в VII в. до н. э. и впоследствии совершенно вытеснило клинопись. Арамейский язык в VII—VI вв. до н. э. стал в Передней Азии международным. На нем говорили знатные люди и чиновники. Высшие сановники иудейского царя Езекии просили, например, Синаххериба вести с ними переговоры по-арамейски, чтобы простой народ не понял о чем идет речь. Позднее арамейский язык распространился в Персии и даже в Индии и Средней Азии. Много арамейских документов V в. до н. э. и более позднего времени было обнаружено в Египте.

В Ассирии контракты для арамейских купцов составлялись не только на государственном языке Ассирии, но и на арамейском наречии. На каждом документе ставилась дата. Благодаря этому мы имеем теперь возможность определять время оформления всех дошедших до нас контрактов и договоров древней Ассирии.

Археологи обнаружили также ассирийские исторические и хронологические надписи. Здесь прежде всего следует отметить летописи древневавилонских царей, имеющие большое значение для истории, а также так называемую «Синхроническую историю». В лаконичной, летописной форме этот памятник проливает свет на историю взаимоотношений двух великих государств древности — Ассирии и Вавилона — от XVI до IX в. до н. э.

Мы уже говорили о списках лимму. К некоторым из них добавлялись краткие сведения о служебном положении каждого лимму и о важнейших событиях, происшедших в том году, когда он выполнял должность.

Благодаря такому порядку история Ассирии в последние века ее существования покоится на прочном фундаменте, и, пользуясь списками лимму, удастся точно определить и датировать многие события, не поддававшиеся до этого хронологическому определению. В отличие от древних времен в новоассирийский период лимму уже не пользовались широкими полномочиями и ограничивались выполнением воли царя. Однако по-прежнему на второй год сам царь провозглашался лимму.

Ассирийская литература

По утверждению историков и писателей древности культура Вавилона была выше ниневийской. Если вавилоняне создавали свою литературу в значительной мере на шумерских образцах, переводили их на свой язык, пополняли новыми элементами, то ассирийские авторы, в свою очередь, творчески воспроизводили вавилонские образцы. Этому способствовало и то, что ассирийский диалект был очень близок к вавилонскому, и то, что Вавилоном более столет владели ассирийцы.

В то же время они достигли большого совершенства в составлении своих *аппалов*. Ассирийские *аппалы*, посвященные описанию военных походов ассирийских царей, — лучшие образцы этого вида литературы. О летописях Саргона II, Синаххериба и Ашшурбанапала можно говорить как о ярких художественных произведениях. Ассирийские авторы используют здесь такие поэтические приемы, как описание диких скал, пропастей, горных ручьев и т. д., а также рисуют литературные портреты ассирийских воинов и их врагов. Эти *аппалы* содержат целый ряд зарисовок отдельных воинов ассирийского войска и его главного военачальника — царя. В них показаны сила и мощь ассирийской армии, которая не знала себе равной во всем тогдашнем мире. Некоторые страницы ассирийских *аппалов*, как, например, описание военного похода Синаххериба в Наири, читаются с большим интересом.

Война Вавилона и Элама против Ассирии, как известно, закончилась победой Синаххериба. Описание этой битвы сохранилось почти полностью на большом «цилиндре». Это самый лучший образец ассирийской исторической литературы, дошедшей до нас. Описание битвы дано ярко и реалистично. Оно полно жизни, динамики, интересных подробностей.

Столь же впечатляющи описания походов в *аппалах* Ашшурбанапала. Самым блестящим из них является повествование о победе над Эламом. Читая его, видишь перед глазами мощный, молниеносный, сокрушительный натиск ассирийских войск и ощущаешь тот холодящий душу ужас, который они наводили на врагов. По-видимому, некоторые страницы этих *аппалов* составлены лично Ашшурбанапалом. Иногда автор прибегает к гротеску (образ урартского царя Русы, который в отчаянии бросается на свое ложе и отказывается принимать пищу) и воспроизводит преувеличенно кровавые сцены. Наряду с этим подчеркиваются и трагикомические моменты, такие, как, например, изображение врагов, которых во время битвы постигла «медвежья болезнь».

Такие литературные произведения, как «покаянные псалмы» или «жалобные песни для успокоения сердца», с большим художественным мастерством передают чувство глубокой личной скорби человека, переживающего большое горе, свою вину или одиночество.

К дидактическим произведениям можно отнести *диалоги*, в которых каждая из сторон расхваливает свои достоинства и в то же время высмеивает недостатки друг друга. Такие произведения называются «спорами» (например, «Лето и Зима», «Благородные серебро и медь», «Бык и лошадь» и т. д.). Сюда же относятся и басни («О лисице», «Об орле и змее» и др.).

Все эти свидетельства ассирийской культуры стали известны нам главным образом по новоассирийским спискам. В этот литературный жанр можно включить и *пословицы*, которые играют большую роль при характеристике хозяйственных и общественных отношений в той среде, где они рождались. Иногда пословицы гово-

рят больше, чем целые книги. Достаточно привести следующие примеры: «Бедному лучше быть мертвым, чем живым»; «Если у него есть хлеб — то нет соли; когда есть соль — нет хлеба»; «Если у него есть мясо — то пет ягненка, если есть ягненок — пет мяса». Аналогичны этим мотивы и более поздних ассирийских и вавилонских пословиц: «Богач живет своими доходами; бедняк — ценой своих детей (т. е. проданных в рабство)».

Большое влияние на ассирийскую литературу оказали мифы — фантастические сказания о божествах и героях, о потустороннем мире и мироздании, явлениях природы и общественной жизни.

Наряду с религиозными представлениями в мифах первобытного общества получили своеобразное выражение и наивные попытки древнего человека осознать явления окружающего мира и собственный понемногу накапливаемый трудовой и житейский опыт. Под покровом фантастики здесь скрываются сведения древних людей об окружающей действительности. Мифы древнего мира утратили для современного человека свой религиозный смысл и воспринимаются как литературные произведения, нередко отличающиеся большой поэтической силой.

Таков, например, широко распространенный в Вавилоне миф о сотворении мира.

«Когда высь еще не была названа небом, — говорится в нем, — а внизу твердь еще не звалась землей, когда воды Океана и Бездны были смешаны между собой, когда ни одно поле еще не было сотворено и ни одного болота не было видно, когда никто еще не был наделен именем и ничья судьба еще не была определена, — тогда были сотворены первые боги...»

Этим осталась недовольна Тиамат, мать Хаоса, которая и стала готовиться к борьбе с богами. Тогда они избрали своим вождем Бэла-Мардука. Мардук победил Тиамат и разрубил ее на две части, из которых образовались Небо и Земля. После этого боги занялись сотворением тел небесных, суши, растений и животных.

Следует упомянуть и несколько других мифических сюжетов, обнаруженных в Ниневийской библиотеке. Так, весьма интересен миф об Этана, который охватил руками шею орла и вознесся на четырнадцатое небо. Это повествование свидетельствует о том, что уже в древности человек мечтал овладеть воздушной стихией и даже проникнуть на другие планеты. Конечно, эта цель была тогда недостижимой, что сознавали и сами создатели мифа. Этана не достигает своей цели, падает на землю и разбивается.

Другой мифический герой, Адапа, вступает в борьбу с южным ветром, опрокинувшим его ладью, и ломает крылья. После этого бог Энлиль хочет даровать ему бессмертие, но Адапа из чрезмерной осторожности отказывается от его благодеяния. Заподозрив, что божественная еда и небесный папинок, которыми его угощают, смертельны, Адапа отказывается их вкушать и упускает возможность обрести вечную жизнь.

В обоих мифах прослеживается дерзкая мечта древних об овладении стихиями и в то же самое время неверие в успех, признание бессилия человека перед природой, что неизбежно приводит к утверждению религиозной идеологии.

Трогателен миф о хождении богини Иштар в «мир мертвых» за своим умершим супругом Таммузом. Богиня решила достать для его спасения живой воды из преисподней. «В страну, откуда нет возврата, направила Иштар свои помыслы, к дому, из которого никто не возвращается, в жилище, куда не проникает свет дневной, где вместо хлеба утоляют голод прахом и глиной, где тени умерших живут в прахе, одетые перьями, как птицы, где на дверях и засовах дома лежит пыль...» Ее пропустили в ворота лишь после угрозы насильственного вторжения в «мир мертвых». Желая наказать Иштар, царица преисподней Эрешкигаль поражает ее шестидесятью болезнями. На земле наступают великие бедствия. Она становится бесплодной, посевы не дают больше урожая. И тогда боги повелели напоить страдающую, ослепшую богиню живой водой. Иштар исцелилась от болезней, и семь ворот преисподней снова открылись перед ней.

Литература народов Месопотамии оказала значительное влияние на творчество других стран, в том числе на Европу, хотя сюжеты и образы ее иногда меняются до неузнаваемости. Вера в зависимость судьбы человека от звезды, под которой он родился, восходит к Вавилону. Образ свирепой Лилит перешел из вавилонской поэзии в Библию, в апокрифы древней Руси и, наконец, в «Вальпургиеву ночь» Гёте и новеллу А. Франса «Дочь Лилит»; образ изнеженного Сарданапала (правда, не имеющий ничего общего с ассирийским царем Ашшурбанапалом) продолжает жить и в литературе нового времени.

Классические образцы литературных произведений древнего Вавилона и Ассирии

Рассмотрим наиболее яркие примеры литературных произведений. Прежде всего остановимся на диалоге господина и раба «О смысле жизни» конца II тысячелетия до н. э.

Некий попавший в пемилость вельможа советуется со своим рабом. Он перебирает все возможные варианты выхода из тяжелого положения (просьба о помиловании, восстание, бегство, женская любовь, обращение к богу, добрые дела и т. д.). Мудрый, но лукавый раб сперва поддакивает своему господину, но затем умело разрушает его беспочвенные иллюзии. Приведем несколько отрывков из этого произведения:

«Раб, будь готов к моим услугам». — «Да, господин мой, да».

«Женщину я хочу любить!» — «Люби же, господин мой. Человек, который любит женщину, забывает горе и скорбь». — «О раб, я женщину не хочу любить». — «Не люби, владыка мой. Не люби!»

Женщина — это ловушка для охотника, глубокая яма и ров. Женщина — это острый железный кинжал, который перерезает горло человеку».

Господин хочет найти утешение в молитве и принести жертву богу, но раб снова разочаровывает его, доказывая с беспощадной логикой бессмысленность религиозного культа:

«... О раб, я жертву богу моему не хочу принести». — «Не приноси, господин мой. Не приноси. Разве ты думаешь, что научишь бога ходить за тобой, подобно собаке, или повелением запроса (материей), или незапросом (молитвой), или же исполнением того, что он у тебя попросит?»

Таким образом, предвосхищается позднейшее учение Эпикура, не отрицавшего существование богов, но считавшего, что они не вмешиваются в дела людей. Это, конечно, еще не атеизм, но уже первый шаг к нему.

Такой же бессмысленной считает раб благотворительную деятельность, подчеркивая при этом, что люди не помнят добрых дел. Потомки забудут одинаково и праведника, и злодея.

«...О раб, благодеяние стране моей я не хочу оказать». — «Не оказывай, господин мой. Не оказывай. Подымись на холмы разрушенных городов, пройди по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших раньше и после: кто из них был владыкой зла и кто владыкой добра?»².

В данном диалоге с предельной ясностью представлена расстановка социальных сил в восточной деспотии. Раб находится в полной власти своего господина, но утешается тем, что последний, в свою очередь, бессилен перед царем и в любую минуту может быть казнен.

К творчеству писцов школ Ассирии времен Саргонидов восходит знаменитый дидактический памятник — повесть об Ахикаре.

Было создано богатое поучениями (подобие кодекса поведения и морали для детей правящей верхушки ассирийской знати) литературное произведение, которое сыграло крупнейшую роль в истории всемирной литературы. Время действия повести VII в. до н. э.

У ассирийского царя Синаххериба служил верховным сановником некий Ахикар. Он был очень мудр, богат и знатен, но не имел детей. Сановник взмолился богам, чтобы они даровали ему сына-наследника. Боги отказали Ахикару в этой просьбе, однако посоветовали усыновить своего племянника Надана. Надан нуждается в паставлении для того, чтобы впоследствии он мог заменить самого Ахикара, ибо «никто не рождается ученым». Ахикар старательно взялся за воспитание своего наследника. Он научил его грамоте и всему тому, что знал сам. Потом представил приемного сына Синаххерибу, заявив, что тот сможет заменить сановника после смерти.

В повести изложены поучения старого Ахикара, которыми должен был руководствоваться Надан. Особенно любопытны сове-

ты визирия, касающиеся искусства «говорить и молчать». Вот некоторые из них:

«Не разглашай тайны. Слова, которые услышишь в царском доме, пусть сгинути в твоём сердце».

«Говори спокойно, не повышай голоса. Ибо если бы дом можно было бы воздвигнуть при помощи крика, то осел ежедневно бы строил по два дома».

«Лучше с мудрым человеком носить камни, чем с глупым пить вино».

«Не будь без меры сладок, чтоб тебя не проглотили. Не будь без меры горек, чтоб тебя не выплюнули».

«Удерживай язык от зла, а руку от воровства».

«Послушать умного человека — как в знойный день испить студеной воды».

«Не позволяй наступать себе на ноги, дабы потом не дерзнули наступить тебе на шею».

«Один воробей в твоей руке лучше, чем тысяча птиц, порхающих в воздухе».

«Когда вода потечет вверх, птица полетит без крыльев, ворон побелеет, горькое станет сладким, как мед, — тогда и дурак поумнеет».

«Собаку, которая оставляет своего хозяина и следует за тобой, гони камнями»³.

Кончается повесть известным изречением: «Кто роет другому яму, сам в нее попадет».

Мы привели лишь десяток изречений, тогда как в повести их более ста. Повесть об Ахикаре (Акире Премудром) в течение нескольких столетий пользовалась на Руси большой популярностью. Но лишь в конце XIX в. ученые установили, что в основу ее легла ассирийская легенда, созданная более 2600 лет тому назад.

Эта повесть является своеобразной литературной рамкой для сборника поучений. Арамейский оригинал обнаружен в Египте в рукописи. Известны более поздние версии на арабском, древнерусском и других языках.

Популярность сюжета повести об Ахикаре еще раз свидетельствует о влиянии литературного творчества населения древней Месопотамии на другие народы. Интересно отметить, что греческая традиция приписала многие деяния Ахикара знаменитому баснописцу Эзопу, переименовав при этом ассирийского царя Синаххериба в Ликурга (чисто греческое имя) и объявив его вавилонским царем.

Одним из самых значительных произведений вавилонской литературы является «Поэма о Гильгамеше». В этой эпосе речь идет о герое-полубоге древнего шумеро-аккадского мира, почитавшегося еще до возвышения Вавилона. Тот факт, что до нас дошли по меньшей мере четыре ее различных варианта на одном только аккадском языке, не считая хеттского и митанийского и не говоря уже о шумерских прообразах, свидетельствует о том, что вся Передняя Азия была знакома с этой древнейшей легендой.

Название поэмы «Ша нагба имуру» в переводе означает: «Тот, кто все видел». Гильгамеш — «на две трети бог, на одну треть человек». Этот герой все видел и все знает, он страдает из-за любви к человечеству и совершает самые опасные подвиги, пытаясь достичь бессмертия и передать своему народу знание того, чем жил мир до потопа. Особого внимания заслуживает описание потопа.

Месопотамская легенда о потопе представляет собой один из многочисленных вариантов мифа о разрушении мира богами.

Заметим, между прочим, что в этой легенде не содержится воспоминаний, пусть даже отдаленных, о проливных дождях или сейсмических катастрофах, происшедших в конце ледникового периода. Объяснения мифов следует искать в истории общественных отношений, складывавшихся между людьми в результате открытия и совершенствования орудий труда и средств производства.

Вавилонский богатырь Гильгамеш, повелитель Урука, после смерти своего друга Энкиду, которая потрясла его и заставила задуматься о тайнах бытия, отправился скитаться в поисках бессмертия. Во время странствований он встречает своего предка Ут-напштим и просит его рассказать историю всемирного потопа, от которого тот сумел спастись один. Гильгамеш узнает, что бог Эа, когда совет богов решил уничтожить человечество, внушил одному из жителей города Шуруппака, Ут-напштиму, вавилонскому Ною, мысль построить корабль, который мог бы вместить его семью, несколько пар домашних и диких животных и некоторых ремесленников. Судно это следовало хорошенько просмолить. Оно должно было быть достаточно большим, чтобы поднять на себе «порождение всего живущего». Когда сооружение судна было закончено, разразилась ужасная буря, дождь лил семь дней и семь ночей. Водяные валы поглотили землю, и все люди погибли. Когда буря утихла и воды спали, барка пристала к горе Насир (на севере от Мосула у р. Тигр).

Через шесть дней после потопа Ут-напштим выпустил голубку, но она не нашла земли и вернулась на судно. То же случилось и с морской ласточкой. Третьим взлетел ворон. Он увидел, что из воды выступает суша, полетел на поиски пищи и не вернулся. Тогда Ут-напштим сошел с корабля на берег и на вершине горы принес богам жертвы, совершив в их честь возлияния. Боги слетелись на запах еды и в награду даровали герою бессмертие.

Ут-напштим пытается, в свою очередь, принести бессмертие Гильгамешу, однако все его старания оказываются напрасными. Огорченный Гильгамеш возвращается в Урук и просит богов дать ему возможность увидеть хотя бы тень своего друга Энкиду.

Достаточно сравнить этот рассказ с двумя вариантами истории потопа в библейской книге Бытия, чтобы убедиться, что здесь мы имеем дело с литературной обработкой вавилонского мифа.

В этом выдающемся произведении вавилонской литературы выражена реалистическая мысль о неизбежности смерти всех людей и даже героев, совершающих подвиги.

Глава III

АССИРО-БАВИЛОНСКАЯ РЕЛИГИЯ. ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА

Религиозные представления древних ассирийцев

Религии Ассирии и Вавилонии имеют между собой много общего. Основы религиозной системы и почти все божества у ассирийцев и вавилонян были одни и те же. Религиозные тексты (гимны в честь богов, ритуальные предписания т. д.), найденные в библиотеке Ашшурбанапала и в других книгохранилищах Ассирии, сплошь и рядом повторяют вавилонские. Порой только короткие приписки в конце свидетельствуют о том, что они использовались ассирийскими жрецами. Конечно, местные особенности в известной мере накладывали свои отпечатки на религиозные представления, образы богов и богинь, а также обряды. Особенности того или иного племени, природные условия занимаемой ими территории и исторические судьбы страны оказывали определенное воздействие на религиозную систему, воспринятую от вавилонян и частично унаследованную от шумеров. Но все эти заимствования ни в коей мере не были механическими, напротив, они творчески перерабатывались.

Ранее уже было сказано, что во главе ассирийского пантеона стоял древний племенной бог — Ашшур, объявленный царем богов. Двенадцать «великих богов», сохранивших свои вавилонские имена, почитались повсеместно, но ни один из них, даже главный бог Вавилона — Мардук, по мнению ассирийских жрецов, не мог претендовать на верховную власть над вселенной. Это право принадлежало только Ашшуру. При перечислении богов, помогающих ассирийскому царю в борьбе с врагами, Ашшур, как правило, выдвигается на первое место. Супругой Ашшура считалась шумерская богиня Нинлиль или вавилонская Иштар. Впрочем, это не та Иштар, которая почиталась в Уруке или Вавилоне, а ее местное воплощение. Иштар, в свою очередь, раздвоилась, воплотившись в двух богинь, покровительниц разных ассирийских центров: Иштар Ниневийскую и Иштар Арбельскую. Их старались не путать друг с другом.

Из вавилонских богов, культ которых прочно утвердился в Ассирии, особое предпочтение отдавалось богу неба Ану и божественному громовержцу Ададу.

Как уже было сказано, в древней столице Ашшуре в честь этих двух богов был сооружен огромный храм, не уступавший по размерам и блеску храму верховного бога. Вряд ли это было случайностью. В условиях Северной Месопотамии атмосферные осадки имели для земледельца большее значение, чем речные воды. Бог неба и бог грозы, посылающие, по представлениям древних народов, небесные воды, которые насыщают сухую почву, оказывались в сознании ассирийцев более достойными поклонения, чем бог подземных вод Эа, столь почитаемый в Южной Месопотамии.

Показательно, что в летописи Ашшурбанапала при описании урожайных лет, наступивших по милости богов, на первое место выдвинут Адад, «пустивший свои ливни», и лишь на втором месте стоит Эа, открывший «источник подземных вод».

Таким образом, вавилоно-шумерские религиозные представления воспринимались ассирийцами в видоизмененном виде, применительно к конкретной географической обстановке.

Надо также учитывать, что ассирийский народ исторически был очень тесно связан с хурритско-хеттским культурным кругом. Интересно, что излюбленным атрибутом бога-громовержца у народов Северо-Западной Азии (хурритов, урартов, хеттов), а также на о-ве Крите была двойная секира, тогда как в Шумере молния воспринималась как огненный кинжал. В ассирийской поэзии и искусстве перемежаются оба образа. Встречающиеся в ассирийском искусстве изображения божества на спине священного животного (например, богиня Иштар на спине льва или быка) также восходят, видимо, к аналогичным хеттско-хурритским образам.

Само собой разумеется, что местные особенности и этнические признаки, придающие индивидуальные внешние формы религиозным верованиям, не являются основными. Главное и определяющее — это строй общества. Судя по клинописным текстам, ко времени их появления ассирио-вавилонская религия уже сформировалась в законченную систему миросозерцания, в которой сохранилось немало элементов, унаследованных от верований первобытных племен.

В процессе формирования классового общества прежние представления и обычаи, связанные с родо-племенным строем, исчезают или переоформляются, и религия становится на службу рабовладельческой знати и царской власти.

Однако и на этом этапе сохраняются еще пережитки фетишизма и тотемизма. Фетишами (неодушевленными предметами, которым приписывались сверхъестественные свойства) считались орудия (например, мотыга), оружие (секира, копье) и т. д. Почитание священных животных, считавшихся в эпоху первобытного общества предками различных родов, а позднее племен, не принимало в Ассирии и в Вавилонии таких широких масштабов, как в древнем Египте или в древней Индии, но тем не менее сохранялось и здесь.

Племенной бог ассирийцев — Ашшур изображался обычно покрытым птичьими перьями и был, очевидно, связан с древним тотем-

мом — голубем. Священным животным вавилонской богини врачевания Гулы считалась собака. «Благодетельные души» — хранители ассирийского царя — изображались в виде быков с человеческими лицами или в человеческом образе, но с головами орлов.

Среди обрядов первобытного общества видное место занимало ритуальное убийство вождя, достигшего преклонного возраста и нуждающегося в замене. На более позднем этапе оно превратилось в чисто символический обряд.

В Вавилонии наблюдался своеобразный пережиток этого священнодействия. На пятый день нового года царь отправлялся в храм Мардука, но верховный жрец преграждал ему путь к статуе бога, отнимал у царя корону и скипетр и стегал своего властителя плетью. Если царь при этом плакал, то считалось, что год будет удачным. В конце концов царю возвращались атрибуты его власти. Таким образом, обряд царевубийства превратился в церемонию временного отречения от власти.

Религиозная идеология в своем развитии отражала перемены в экономической и политической жизни общества. Так, например, переход от охоты к земледелию привел к распространению культа богинь плодородия (особенно Иштар).

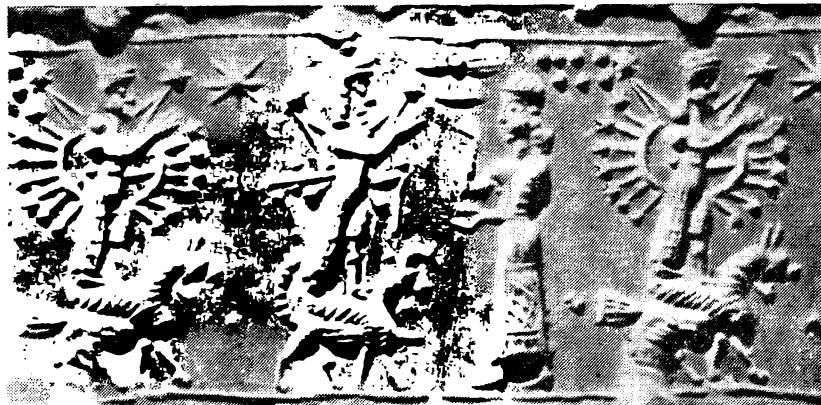
Значительные сдвиги в представлениях о богах произошли в результате создания на территории Ассирии централизованного государства с его развитой бюрократической системой. Земная иерархия была перенесена в мир богов. В каждом крупном центре местный бог становился главой пантеона (в Вавилоне — Мардук, в Ашшуре — Ашшур).

Жрецы стремились привести различные и порой противоречивые верования в единую систему, хотя это не всегда удавалось, и местные представления и обряды сохраняли свою силу. Хотя сходные по своим функциям боги отождествлялись друг с другом, по-прежнему далеко не всегда этот процесс доходил до конца. Возникало противоречие между сложными и не для всех понятными богословскими построениями и многочисленными старинными верованиями и обрядами.

Таким был в общих чертах путь развития ассиро-вавилонской религии. Для более детального изучения ее необходимо начать с анализа шумерских верований, которые слились с аккадскими и в дальнейшем оказали мощное воздействие на религиозные системы Вавилонии и Ассирии.

Уже в III тысячелетии до н. э. из огромного количества богов Шумера выделились космические божества, пользовавшиеся почитанием по всей стране, хотя каждое из них сохраняло значение покровителя (или покровительницы) своего города (или нескольких городов).

Самыми старыми из шумерских божеств считались Ан — бог неба и Ки — богиня земли. Согласно мифу, они возникли в первобытном водном хаосе и первоначально были слиты воедино в гигантскую гору. Порожденный ими бог воздуха Энлиль расколол гору

Оттиск цилиндрической печати с изображением поклонения богине Иштар. Лондон. Британский музей

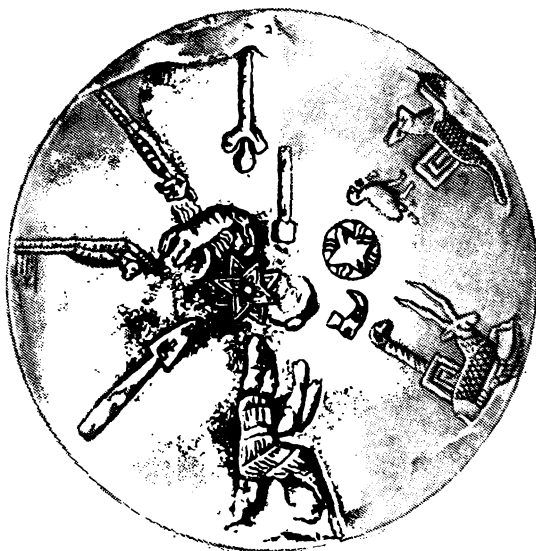
и таким образом отделил небо от земли. К числу старейших богов шумеры относили также бога океана и подземных вод — Энки.

Семитические племена, поселившиеся в Месопотамии, сохранили прежнее имя бога неба — Ана (слегка видоизменив его в Ану), Энлилю они присвоили имя Бел («господин»), а Энки выступал у них под именем Эа. Все трое были объединены в триаду богов старшего поколения. Культ богини земли Ки не получил в дальнейшем распространения и был полностью забыт. Землю стали отождествлять с мужским божеством. Как вавилоняне, так и ассирийцы, отвергнув древнюю шумерскую концепцию, богом земли стали именовать Бела (Энлиля), хотя первоначально он был богом воздуха.

Апу на первых порах пользовался меньшим почитанием, чем Бел (Энлиль) и Эа (Энки). Позднее роль его культа усиливается.

В конце III тысячелетия до н. э. Ану уже выдвинут на первое место и наделен такими титулами, как «великий и благородный царь богов», «царь небес», «царь всех стран», «покровитель царей». Перечисленные титулы говорят о возвышении этого бога, имевшего прежде скромное значение. Усиление царской власти, владычество одних царей над другими — все это нашло свое выражение в том, что у шумеров в первую очередь стало почитаться небо, расположенное высоко над землей.

Бог Энлиль (Бел) как у шумеров, так и у аккадцев чаще всего выступает как царь богов. Его город Ниппур считался священным центром Шумера. Когда во II тысячелетии до н. э. возвысился Вавилон и местные жрецы захотели провозгласить своего бога-покровителя Мардука повелителем других богов, то они стали утверждать, что Мардук и Бел разные имена одного и того же божественного существа. Отсюда ясно видно, каким огромным влиянием пользовался культ этого бога.

Знаки зодиака, обозначающие имена богов: Мардука, Иштар, Пергела, Ниниб и др.

В мифах Бел (Эн-лиль) выступает как грозный бог, карающий людей за их грехи. Именно он наслал на землю потоп. Напротив, Эа (Энки), вышедший из глубины океана, изображался кротким, мудрым и добродетельным демиургом. Он считался творцом людей, научившим их обработке земли и другим полезным делам.

Это бог, знающий все тайны. В мифе о потопе говорится, что он в противоположность Эн-лилю был против истребления людей.

Наряду с триадой старейших богов жрецы выделили в особую группу

представителей младших поколений божественного рода.

Сыном Энлиля-Бела считался Наннар (или Нанна), семиты его звали Син (Суен). Это месяц, сияющий в небе по ночам, «который сам себя обновляет». Такое представление, безусловно, порождено наблюдениями над изменяющимися фазами луны. У этого лунного бога был сын — бог солнца Уту (семитический Шамаш). Такое взаимоотношение связывалось с представлением о ночи как первой половине суток (сохранившееся в догматах иудаизма и ислама). Уту-Шамаш считался богом правды и справедливости, конечно с точки зрения рабовладельцев. Законы Хаммурапи, беспощадные к рабам, объявлялись утвержденными этим богом, вручившим царю судебный жезл и обруч как символы правосудия.

Дочерью лунного бога и сестрой солнца была объявлена наиболее почитаемая в Шумере богиня Инанна. У аккадцев, пришедших в Месопотамию из юго-западных степей, имелась своя богиня плодородия — Иштар. Впоследствии ее отождествили с Инанной (Нанной), и она стала главным женским божеством не только в Шумере, но и в Аккаде и Ассирии, оттеснив на задний план других многочисленных богинь-матерей, носивших в разных местностях разные имена (Мамы, Аруру и др.). Уже в середине III тысячелетия до н. э. Иштар почиталась царицей богов, богиней-матерью, владычицей, богиней восхода и заката. Ее функции весьма разнообразны. Она сияет на небе, воплощаясь в планету Венеру, и она же спускается в подземный мир за своим возлюбленным Думу-

зи (Таммузом). Это богиня любви и красоты, укрощающая своими чарами львов и диких быков, а также богиня войны, носительница победы, вдохновляющая царей на боевые подвиги, шествующая перед ними на поле битвы.

Огромное значение в религиозном миросозерцании Шумера, Вавилонии и Ассирии имело обожествление небесных светил (так называемый астральный культ). Издавна взор человека привлекали звезды. Они светили ему в хорошую погоду, помогали найти дорогу в темноте. Наблюдение показывало, что они двигались, изменяя свое положение на небосклоне. Для древнего человека звезды казались живыми необыкновенными существами. Когда же возникло понятие о богах, то таинственные явления на ночном небосклоне стали связывать с богами. В исторических документах, на основе которых мы можем изучать религию вавилонян и ассирийцев, звезды уже прямо связываются с богами. Иштар, например, имеет титул богини утренней звезды, то есть ярко светящейся с вечера и рано поутру планеты Венеры. Другие боги также имели свои аналоги в звездах.

Показательно, что в клинописной системе знак звезды служил детерминативом (определителем), ставившимся перед именами богов.

Особым почитанием пользовались планеты. Вавилоняне и ассирийцы насчитывали семь планет: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера и Сатурн. Все они входили в число двенадцати великих богов¹.

Планета Марс была отождествлена со свирепым и кровожадным богом войны Нергалом, владыкой преисподней. Меркурий сопоставляли с мудрым богом Набу (Пророком), изобретателем письменности и счета. Юпитер олицетворяли с верховным вавилонским богом Мардуком, а Венера, как уже говорилось, считалась одним из воплощений богини Иштар. Наконец планету Сатурн посвятили богу счастливой войны — Нинурте.

Все остальные боги были низведены в ранг второстепенных. Количество почитаемых богов было огромным. Ведь каждая стихия считалась одушевленной, а каждая звезда представлялась божественным существом, имеющим человеческий облик (Близнецы, Дева, Водолей) или представляющим собой священное животное (Телец, Овен, Козерог и пр.).

В честь вавилонских и ассирийских богов справлялись многочисленные праздники, а также устанавливались неблагоприятные дни.

Праздник Нового года выпадал на день весеннего равноденствия и отмечался с особой пышностью. В неблагоприятные дни верующим предписывались пост, покаяние и воздержание от работы. Каждое седьмое, четырнадцатое, двадцать первое и двадцать восьмое число месяца почти полностью прекращалась всякая трудовая и общественная деятельность. Верховный пастырь народа (то есть царь) не должен был в эти дни менять одежду, садиться на трон

и вкушать горячую пищу. Врач не имел права лечить больных. Судье запрещалось объявлять свой приговор. Даже колдун воздерживался от гаданий и заклинаний. Рядовые ассирийцы и вавилоняне следовали примеру высокопоставленных лиц и избегали браться за серьезное дело, ибо верили, что в эти дни оно может закончиться неудачей. На одной из табличек, найденных в Ашшуре, описываются мистерии, справлявшиеся в храме Бела-Мардука в праздник Нового года. Жрецы изображали привлечение бога к суду. Заменявшего Бела-Мардука жреца допрашивали и избивали, а затем уводили в ущелье, символизирующее подземный мир. При этом уносились и его одежды. В заключение воскресший бог с торжеством появлялся в храме.

Центром культа и средоточием деятельности ассиро-вавилонских жрецов был «дом бога» — храм, основной частью которого являлся зиккурат, высотой от трех до семи этажей. На его вершину вела лестница, по которой поднимались процессии жрецов.

В верхнем этаже стояла статуя бога, а иногда и ложе, чтобы он мог «спать ночью». Зиккураты расписывались яркими цветами: пурпурным с черным — этажи фасада, изумрудно-зеленым — висячие сады, лазурью и золотом — храм, венчавший на головокружительной высоте всю постройку.

Посредине храма стоял жертвенный алтарь, к которому первоначально имел доступ всякий, кто приносил богам жертву, а когда право общения человека с богами перешло в руки посредников, то только жрец.

Крупные храмы в древние времена выполняли важную задачу — заботились о просвещении и образовании высших слоев населения. При них создавались архивы и библиотеки, здесь же открывались школы, где дети из привилегированных слоев общества учились писать и читать клинописные знаки, изучали счет и приобретали основные сведения в различных научных областях того периода.

Ассирийские храмы были чуть ли не самыми богатыми в древнем мире. Им принадлежали обработанные поля, рабы, сокровищницы, различное храмовое имущество.

Жречество

Большую роль в формировании религии шумеров, вавилонян и ассирийцев сыграли жрецы. На самом раннем этапе развития шумерского общества культовые действия выполнялись всеми членами родовой группы. Руководил ими самый старший в роде. Постепенно эти действия приобретают все большее общественное значение. Поэтому первые цари сами совершали культовые обряды. Но им все чаще требовались помощники, которые выбирались из наиболее близких и преданных им людей, богатых и знатных, или же просто родственников.

Конечно, кроме происхождения, высокого общественного положения и связей жрец должен еще был обладать определенными физическими данными: высоким ростом, представительной внешностью и, самое главное, здоровыми зубами, чтобы не шепелявить и четко произносить священные формулы. Так образовалась жреческая каста, растущая по мере усложнения обрядов, совершаемых в храме.

Со временем численность жрецов выросла до такой степени, что образовались целые касты жрецов разных специальностей. Были жрецы, учитывающие доходы храмов, обслуживающие статуи богов, читающие молитвы и сочиняющие разного рода гимны; оглашающие волю богов, исходя из гадания по внутренностям животных или по расположению звезд; борющиеся со злыми духами (ашипу). Особую категорию составляли певцы (заммару), услаждавшие богов пением под аккомпанемент ударных (кимбалы, тимпаны), духовых (флейты) и струнных (арфы) инструментов.

Божества женского рода обслуживались жрицами, также объединявшимися в различные касты. Среди них были так называемые «святые девы», посвятившие себя богу и жившие как затворницы, и «священные блудницы», отдававшие доход от проституции храму.

Создав точнейшую регламентацию для каждого ритуального действия, связанного с культом, поддерживая веру в разного рода волшебства, жрецы приобретали огромное влияние.

Они учили, что боги создали человека для своих надобностей. Он должен поддерживать богов, услаждать их существование, одаря драгоценностями, богатыми одеждами, устраивая для них пиры в храмах, конечно при посредничестве жрецов. Любимой «пищей богов» было мясо, плоды и всевозможные напитки. Во время пира для их ублажения полагалось жечь ладан и благовонные травы.

Жертв приносилось множество: повседневных и праздничных, благодарственных и молитвенных. Животное, предназначенное в жертву и осмотренное жрецами, убивали каждый раз в соответствии с особым обрядом.

Жертвы приносились не только воображаемым высшим существам. В жертвенном пиру принимали участие и люди. Богу или богине полагалась, конечно, лучшая доля, но все остальное поедалось верующими, причем львиная часть доставалась жрецам. Жертвоприношения сопровождалась молитвами.

Ассиро-вавилонская религия имела значительное влияние на формирование других религий мира. Это можно объяснить как широким развитием торговых связей, так и завоевательными походами, во время которых ассирийцы доходили до самого Египта и даже до Средиземного моря.

Колдовство и гадания

Необходимым составным элементом всякой религии является колдовство, то есть ряд суеверных действий, которые сопровождаются произнесением таинственных слов, якобы воздействующих на сверхъестественные силы и приводящих к полезным (для колдуна и людей, обратившихся к нему за помощью) или вредным (для врагов) результатам. Гадания, знахарство, толкование снов — все это своеобразные формы колдовства.

В Вавилонии и Ассирии магические манипуляции, сопровождавшиеся заклинаниями, широко практиковались наряду с поклонением богам. Если молитвы и жертвы не достигали цели, то люди, испытывающие бедствие, пытались с помощью колдунов воздействовать на сверхъестественные силы.

Из библиотеки Ашпурбанапала до нас дошли целые сборники заклинаний *маклу* и *шурпу* («сожжения»). Согласно распространенным верованиям, ведьмы изготавливали фигурки своих врагов из глины, смолы, меда, теста, дерева и т. д. и прокалывали их с целью погубить тех людей, которых они напоминали. Ведьм можно было побить их же оружием. Опытный колдун мастерил их изображения и затем ломал или бросал в огонь. При этом произносилось следующее заклинание:

Кто ты такая, ядовитая ведьма, в сердце которой сокрыто название моего несчастья, на устах которой возникла моя отрава, по следам которой идет смерть?

Ты — ведьма, я схвачу твой рот, схвачу язык твой, схвачу твои сверкающие очи, схвачу твои быстрые ноги, схвачу твои движущиеся колени, схвачу твои размахивающие руки и свяжу их тебе за спиной. Светящийся лунный бог да низвергнет твое тело и да низвергнет тебя в пучину морскую и огненную.

С целью изгнания болезни из тела больного колдун рвал и бросал в огонь клочки шерсти, приговаривая:

Как эта шерсть ошипана и брошена в огонь,
И пылающее пламя ее пожирает,
И ни один ткач не сошьет из нее одежды,
Так и проклятие, мука, болезнь, грех,
отлучение,
Находящиеся в моих мускулах, моих членах,
Будут разорваны расщеплены,
Пусть сегодня же пожрет их пылающее пламя.

Ассирийцы и вавилоняне верили, что наряду с добрыми богами, которых можно разжалобить мольбами и умиловить жертвами, существуют злые духи, которых не задобрить никакими средствами. Такими были семь духов бездны. Они представлялись бесполовыми существами («не мужчины они и не женщины, они не имеют жен и не производят детей»). Они не внимают молитвам и поражают всех, кто им встретится. Единственный способ защиты от них — колдовство.

К числу свирепых сверхъестественных существ, созданных фантазией шумеров, вавилонян и ассирийцев, относятся также две злые богини: Лилит («Ночная») и Лабарту. Лилит выступает еще в шумерской мифологии как лесная волшебница, гнездящаяся в стволе дерева. Ассирийцы и вавилоняне представляли ее свирепой чародейкой, охотно нападающей на детей. Лабарту, дочь Ану, чудовище с туловищем осла и мордой льва, считалась другим пугалом детей. Ее изображение вместе с фигурой черной собаки ставили на три дня к изголовью заболевшего ребенка, а затем обе статуэтки разбивали, закапывали в землю и заливали мучнистой похлебкой.

Конечно, ассирийцы и вавилоняне уповали на защиту богов, которые могут отразить от них злые силы. Но считалось, что и добрые боги могут разгневаться на грешника, оскорбившего их своим поведением, отдав его на растерзание беспощадным демонам, которые только и ждут случая расправиться с беззащитной жертвой. Вот как говорит об этом один из ассирийских текстов:

Проклятие поднялось из недр морских.
Отлучение спустилось с неба,
злые духи покрыли землю, как трава.
Они помчались туда, где тяготеет
гнев богов, с громким криком.
Они напали на человека, которого покинул
его бог и его богиня,
Они облегли его тело, как одежда,
Они выплюнули из него ядовитую слюну,
Они связали ему руки и сковали ноги,
Проклятием и отлучением было стиснуто
его тело,
Удушьем и кашлем ослаблена его грудь,
Слюной и пеной был наполнен его рот,
От боли не мог он успокоиться.

Убеждение в результативности магических действий породило в религии вавилонян и ассирийцев веру в возможность предсказывать будущее по различным предметам.

Ворожкой занимались в основном жрецы. Они гадали по полету птиц (подобно римским авгурам), по колебанию пламени свечи, по печени овцы (как греки и римляне), по различным отклонениям у новорожденных животных (например, у теленка с двумя головами или с шишкой на лбу).

Верили, что перебегающая дорогу гиена предвещает несчастье, рыжие тараканы — счастье, а черные — неудачу. Трудно даже перечислить бесконечные примеры, поражающие своей нелепостью, которые заботливо регистрировались и заносились в длинные списки.

Большую роль в предсказаниях играли звезды. В сохранившихся записях мы находим, например, такие объяснения влияния небесных светил: «Если в день рождения человека Иштар

Демон бури. Бронзовая фигурка.
Париж. Лувр

(т. е. Венера) восходит, а Мардук (Юпитер) заходит, то жена этого человека будет сильнее, чем он сам».

Составлялись гороскопы для ребенка на основании расположения светил в момент его рождения. Делались попытки предсказать погоду и пастушение урожайного года (или неурожая), опять-таки исходя из наблюдений звездного неба. «Если в течение месяца сивана (май — июнь), — говорилось в ассирийском тексте, — с первого по двадцатый день наступит затмение солнца, то рост злаков в стране приостановится».

Во времена Нововавилонского царства жрецы и маги (которых греки называли халдеями) развили предсказания по звездам в целую науку, точнее, лженауку, используя наблюдения для самых фантастических выводов.

Зачатки философии

Ассирио-вавилонской религии не удалось достигнуть уровня более поздних универсальных религий. Ее философия, хотя и опиралась на достижение ряда таких наук, как, например, астрономия, была еще слишком примитивна. Религиозные представления не приобрели еще абстрактного характера, хотя зачатки идеалистической философии уже намечались. В одном из гимнов богу Сину мы читаем: «Когда слово твое проносится как вихрь, обильны становятся пища и питье, когда оно ниспадает на землю, то является зеленью. Твое слово — далекое небо, сокрытый ад, недоступный прикосновению взора».

Здесь слово воплощается в различные элементы материального мира, что предвосхищает позднейшее учение о логосе, столь характерное для греко-римской философии.

В нововавилонский период, уже после разрушения Ниневии, возникают сложные богословские теории, перерабатывающие старые ассирио-вавилонские религиозные традиции в духе монотеизма. Великие боги объявляются различными воплощениями единого Мардука. Каждый из них воплощает одну из его функций: могучий и жестокий Нергал — это Мардук силы, Набу — Мардук мудрости и т. д.

Порядку с этим видное место занимали в списке грехов деяния, подрывающие устои патриархальной семьи.

Разве он рассорил отца с сыном?
Разве он рассорил сына с отцом?
Разве он рассорил мать с дочерью?
Разве он рассорил дочь с матерью?
Разве он рассорил свекровь со снохой?
Разве он рассорил сноху со свекровью?
Разве он рассорил брата с братом?

Особенно осуждается ненависть к старшему брату и непочтительное отношение к старшей сестре, что характерно для патриархальной семьи, в которой установлена внутрисемейная иерархия.

Злодеянием считалось также разрушение соседской общины, подрыв ее единства. Всякий, говорящий дурное о своем городе или селении, считался грешником. В обстановке усиливающегося имущественного расслоения разбогатевшие и привилегированные члены сельской общины стремились присвоить себе наделы обездоленных, особенно вдов и сирот. Это нарушение общинных традиций осуждалось в следующих словах:

Разве притеснил он слабую?
Разве изгнал он ее на глазах жителей
поселения?

Страшным грехом считалось пролитие крови ближнего, захват его дома и прелюбодеяние.

Предостерегая от совершения злодеяний, жрецы советовали кающемуся развязывать связанного, предоставлять заключенному в темницу возможность увидеть солнечный свет и совершать другие подобные благодеяния.

Эти увещания были, конечно, рассчитаны на людей, обладающих властью и влиянием. Призывы к умеренности и великодушию перемежались с резким осуждением людей, «говорящих мятежные речи». Таким образом, ассиро-вавилонские проповедники выступали на страже семьи, общины, государства и собственности, освящая основы классовой морали авторитетом религии.

Глава IV

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

От изобразительного искусства древних ассирийцев нам осталось много оригинальных произведений. Ведь Ассирия была колыбелью одного из величайших пластических искусств древности.

Об оригинальном ассирийском искусстве можно говорить только начиная с XIV—XIII вв. до н. э. Немногочисленные памятники этого времени обнаруживают ряд любопытных черт. Некоторые из них станут характерными и для периода расцвета искусства Ассирии первой половины I тысячелетия до н. э. Это, во-первых, реалистическое изображение человеческого тела на плоскости и, во-вторых, стремление к передаче разворачивающегося действия в определенной последовательности.

Возьмем в качестве образца рельефное изображение на алтаре Тукультининурты I из г. Ашшура (первая половина XIII в. до н. э.). На рельефе изображены два человека, стоящие в молитвенной позе перед алтарем: один из них — коленопреклоненный. Обе фигуры изображают одного и того же царя — Тукультининурту I, который сперва подошел к алтарю, подняв руку в молитвенном жесте, а затем опустился перед ним на колени. Фигура царя в профиль в обоих случаях изображена довольно правильно. Рельеф очень плоский, фигуры несколько схематизированы и скованны.

Изображение на обломке круглой плакетки из черного камня (также из Ашшура), датируемое примерно тем же временем, носит совершенно иной характер. На фрагменте можно различить часть сцены, очень живо изображающей эпизоды битвы. В правом углу — два обнаженных падающих человека, видимо только что убитых, в левом — сцена рукопашного боя. Один из сражающихся (победитель), от изображения которого сохранились только рука и нога, хватает за волосы другого воина, а ногой наносит ему удар в солнечное сплетение (прием борьбы в древневосточном искусстве ни разу не изображавшийся), и тот падает на колени. Все фигуры прекрасно моделированы, пластичны, тщательно проработана мускулатура стройных сильных тел воинов.

Раскопки дворца Тукультининурты I обнаружили великолепные стенные росписи декоративного и орнаментального характера. Для облицовки нижней части стен применен глазурованный кирпич, причем на 600—700 лет раньше, чем в позднем Вавилоне.

Времена недавнего митаннийского господства сильно сказались на этих памятниках. Очень ясно прослеживаются хеттско-хурритские черты, которые характеризуются органичным сочетанием архитектуры и скульптуры, в то время как в шумерских и вавилонских зданиях скульптурные украшения не выдвигаются на первый план и играют второстепенную роль.

Украшение зданий рельефными изображениями гениев с головами птиц во дворце Тиглатпаласара I типично для хетто-хурритского искусства, оказавшего мощное воздействие на Ассирию. Вавилонские художники этого сюжета не использовали.

В Месопотамии найдено мало статуй, и они уступают по красоте египетским. Ассирийский известняк оказался слишком мягким и пригодным главным образом лишь для барельефных изображений. Зато ассирийские художники ваяли великолепные рельефы на алебастровых и известняковых плитах.

Для ассирийского изобразительного искусства характерен особый подход к образу человека: стремление создать идеал красоты и мужества. Этот идеал воплощался в образе царя-победителя, «царя могучего, царя вселенной, сильного мужа».

Во всех фигурах древних ассирийцев, рельефных и скульптурных, подчеркиваются физическая мощь, сила, здоровье, которые выражаются в необычайно развитой мускулатуре, в густых и длинных курчавых волосах. Портретность здесь никакой роли не играет, черты лица идеализируются и обобщаются, вполне точно передавая только антропологический тип. В рельефных изображениях к IX в. до н. э. уже устанавливается строгий канон — голова, нижняя часть тела, ноги изображаются в профиль, глаза — в фас, плечам придается специфический разворот: ближнее к зрителю дается в профиль, дальнее — в фас.

Круглая скульптура в ассирийском искусстве представляет собой лишь чисто декоративный элемент архитектурного ансамбля и часто подчинена рельефу.

Интересна статуя царя Ашшурнасирапала II высотой 1,06 м, представляющая собой почти правильный нерасчлененный цилиндр. Камень обработан самым тщательным образом: выделяется каждый завиток прически, бороды и усов, каждая бахромка одежды. Такое же богатое впечатление производит статуэтка Ашшурнасирапала из янтаря, инкрустированная золотом и полудрагоценными камнями. Следует учесть, что янтарь — материал очень редкий в Ассирии. Вероятно, он попадал сюда из Финикии, куда, в свою очередь, доставлялся с берегов Балтийского моря.

Ассирийцы создали новый, военный жанр. На рельефах царских дворцов художники с поразительным искусством изображали военную жизнь. Они создали грандиозные батальные картины, на которых вопиющее ассирийское войско обращает в бегство противников.

На алебастровых плитах, украшавших стены царских дворцов, сохранились рельефные изображения сцен охоты и военных по-

ходов, придворной жизни и религиозных обрядов. Вот на колесницах, запряженных резвыми скакунами, стоят бородатые ассирийские воины. Они натягивают большие луки и разят стрелами трусливо бегущих вражеских воинов; колесницами и копытами боевых коней давят, топчут раненых и убитых врагов. На другой плите ярко и выразительно изображен штурм крепости, построенной на вершине отвесной скалы в северной стране Наири.

Ассирийские рельефы привлекают своей торжественностью, выразительностью, простотой и величием. Мастера, создавшие их, любовно и внимательно всматривались в окружающую природу. На рельефах часто встречаются сцены охоты. Заслуживает особого внимания один из замечательных шедевров древней скульптуры, на котором изображена ревущая львица, пронзенная тремя стрелами. Она ревет от отчаяния и бессильной ярости, волоча по земле парализованные конечности. Талантливое произведение свидетельствует не только о хорошем знании анатомии, но и привлекает исключительным реализмом и силой воздействия, на которые способен лишь вдохновенный художник. Хотя величественную голову зверя охватили уже первые тени предсмертной судороги, в напряженных мускулах еще пульсирует горячая кровь. Воспроизведя на плите этот драматический эпизод из охотничьей жизни, ассирийский художник создал скупой, почти стилизованный рисунок львицы, благодаря чему композиция вызывает глубочайшее восхищение своей несравненной гармонией и красотой.

Скульптура играла важную роль в облике ассирийских дворцов. Человек подходил к дворцу, и у входа его встречали каменные фигуры крылатых духов — охранителей царя: невозмутимые, непроницаемо-величественные львы и крылатые быки с человеческими головами. При внимательном наблюдении можно установить, что у каждого крылатого быка пять ног. Это был оригинальный художественный прием, рассчитанный на своеобразный оптический обман. Каждый, кто приближался к воротам, видел сперва только две ноги человеко-быка, неподвижно упиравшиеся в постамент. Войдя в ворота, он бросал взор на гигантскую фигуру сбоку. При этом левая передняя нога уходила из поля зрения, зато можно было заметить две задние ноги и лишнюю переднюю, отставленную назад. Таким образом, создавалось впечатление, что бык, который только что стоял спокойно, теперь внезапно зашагал.

Художник сознательно изображал пять ног, учитывая, что их нельзя будет увидеть все одновременно. Делалось это с той целью, чтобы показать священное животное то стоящим, то идущим. В залах дворцов по стенам тянулись бесконечные скульптурные фризы. Изображения лишь слегка выступали на гладкой поверхности стены, но контуры отдельных предметов резко очерчивались резцом, чтобы вся сцена «читалась» без труда.

Каждая деталь барельефа выполнялась пластично и точно. Можно свободно разглядеть детали одежды, остроконечные пле-

мы воинов, колесницы и упряжь, украшенную богатым и красивым орнаментом. На рельефе времен Ашшурнасирапала (Государственный Эрмитаж) тончайшей гравировкой выполнена вышивка оборки платья.

Рельефы представляли собой обычно своего рода хронику событий, происходивших в правление того или иного царя. Изображались войны, толпы пленников, прославлялись победы над врагом. В сценах кровопролитных, ожесточенных сражений, стремительной погони и яростных схваток, полных охотничьего азарта, которые сменяют друг друга на барельефах, ассирийские художники отобразили необузданные, горячие натуры царей, воинов и охотников. Все эти сцены художник видел своим зорким и впечатлительным глазом, тонко чувствующим поэзию в жизни. Очень интересны по своему содержанию сцены из походной жизни, однако выполнены они наивно. Здесь много мелких подробностей: птицы на ветках и гнездах, рыбы в воде. Люди сплошь и рядом крупнее лошадей, а птицы — деревьев. Царь обыкновенно выше своих слуг, а ассирийцы превосходят ростом своих врагов. Все головы даны только в профиль; лица часто лишены всякого выражения. Однако изображения царей и их приближенных поражают умением передавать силу и величие: у них коренастые фигуры, мускулистые руки и ноги.

Тщательная разделка камня создавала ощущение пышности, парадности внешнего облика фигур; это великолепие наряду с подчеркиванием физической мощи должно было возвеличивать могучего правителя.

Надо полагать, что ассирийские художники расписывали стеновые барельефы, выполненные с удивительной пластичностью, чтобы создать им большую живость. К сожалению, краска стерлась от времени, и мы можем только догадываться о первоначальной росписи рельефов.

Изображения на рельефах времени Салманасара III стилистически близки рассмотренным. Но здесь уже определеннее проявляется направление, которое будет характерным для ассирийского искусства в целом, — повествовательность действия (развивающегося во времени и пространстве), а также документальность изображаемых событий, которые, по существу, дополняют царские анналы, рассказывающие о походах владык. Рельефы обычно сопровождались даже пояснительными подписями.

Искусство времени Саргона II гораздо скульптурнее; рельеф здесь более выпуклый. Иногда встречаются изображения людей в различном масштабе. Богаче и разнообразнее тематика военных сцен: наряду с обычными эпизодами боя, осады и казни пленных мы встречаем мотивы разграбления взятого города, позволяющие изображать детали военного быта, а также строительство зданий (перевозка по воде и выгрузка балок). Развивается документализм изображений. Так, последовательный ряд сменяющих друг друга сцен на рельефе, посвященном походу на г. Мусаир в 714 г. до

Охота на онагров. Фрагмент рельефа из дворца царя Ашшурбанапала в Ниневии. Лондон. Британский музей

н. э., почти буквально совпадает с описанием их в реляции-отчете Саргона II богу Ашшуру об этом походе.

Все эти черты находят свое развитие на рельефах царя Синаххериба. С этого времени наступил второй этап развития ассирийского искусства. Фигуры резко уменьшаются в размерах, что позволяет разместить на одной плите гораздо большее количество изображений. Так, на рельефе, изображающем перевозку каменного быка, на площади 15 кв. м помещено более 120 фигур.

Фигура царя не занимает центрального места в композиции — она помещена сбоку и не выделена масштабно. Введен элемент пейзажа, который играет роль орнамента.

В то же время пейзаж на рельефах Синаххериба может служить и для характеристики места действия: конница спускается по скло-

ну горы. На фоне безбрежных гор и лесов всадники кажутся крохотными. Внизу, на переднем плане, — горы, покрытые хвойными деревьями, дальше, в низине, — виноградники, за ними — река, за рекой — дорога. Над всей композицией возвышаются горы. Очень живо даны сцены переправы воинов на бурдюках.

Завершающим этапом ассирийского искусства явились рельефы на стенах дворца Ашшурбанапала. В двух разных резиденциях царя они несколько различны по характеру. Во дворце Синаххериба в Ниневии, где жил и Ашшурбанапал, рельефы мало отличались от памятников предыдущего времени. Таковы битва под стенами Суз, гибель эламского царя Теуммана.

Рельефы в другом дворце, построенном при Ашшурбанапале, намного живее и свободней. Таковы, например, сцены, изображающие арабский поход царя. Характерен фрагмент со сценами из жизни военного лагеря. В одной из палаток воинам оказывается врачебная помощь (раненому дают пить, тут же стоит ложе). В другой палатке они заняты свеживанием туши. Около палаток — два верблюда, козлы и козы, видимо захваченная добыча.

Подлинными шедеврами справедливо считаются сцены царской охоты на львов, в так называемой «царской комнате». Сравнив их с ранними памятниками ассирийского искусства (рельефами Ашшурасирапала), можно понять, какой скачок совершило ассирийское искусство за 200 лет. Это заметно хотя бы на примере характерного для всех периодов изображения царя, скачущего на лошади. Перед нами — стремительно несущийся конь, в руках царя натянутые поводья, изображение полно экспрессии, движения.

Вообще самые большие удачи ассирийских художников в это время достигнуты именно в плане композиции. Сцены охоты на газелей, где небольшие фигуры животных (дикий осел и царская лошадь, газель, оберегающая своего детеныша, свирепые собаки) свободно размещены в пространстве, дают ощущение степного простора.

Мастерство художника тем более вызывает восхищение, когда узнаешь, что все эти прекрасные изображения выполнены, как это удалось доказать акад. Б. Б. Пиотровскому, путем комбинации ранее созданных трафаретов.

По мнению Б. Б. Пиотровского, законченные композиционные группы — заключительный этап развития ассирийского дворцового искусства. Ученый предполагает, что если бы Ассирийское государство сумело оттянуть свою гибель, то декорировка стен дворцов была бы чисто орнаментальной. Так, по существу, и произошло: Нововавилонское царство, которое стало наследником Ассирии, в том числе и в области изобразительного искусства, в убранстве своих дворцов использовало только декоративные мотивы.

Огромный масштаб работ по декорировке дворцовых зданий неизбежно вызывал необходимость в использовании труда большого числа художников-подсобников, резчиков по камню и живописцев-ремесленников, которые также не могли бы работать, не имея

готовых трафаретов. Поэтому ассирийские цари держали в своем распоряжении гениальных художников, проявивших свое мастерство в разработке великолепных моделей.

Ассирийские рельефы IX—VII вв. до н. э., найденные при раскопках древних столиц Ассирии, заняли почетное место в крупнейших музеях мира — Англии, Франции, ГДР, Ирака, США и других стран.

Замечательные образцы рельефов из Нимрудского и Хорсабадского дворцов хранятся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

Однако выдающиеся образцы изобразительного искусства древних ассирийцев мы встречаем не только во дворцах столицы Ассирии, но и в провинции. Самым значительным памятником провинциальной архитектуры Ассирии является дворец ассирийского наместника в Тиль-Барсибе (Северная Месопотамия, современный Тель-Ахмар). Он стоял на высоком холме и по великолепию мало уступал дворцу Саргона. В его состав входил комплекс больших дворцов и залов со сложной системой отводных и дренажных труб и даже ваннами.

Стены парадных залов были покрыты росписями, выполненными синей, красной и черной краской по белому фону. Росписи изображали царя в батальных и охотничьих сценах, причем расцветка изображений была условной (например, синие лошади, красные всадники и т. д.). В некоторых залах сохранились декоративные панно с изображением быков и козлов, обрамленные орнаментальным фризом. Росписи даны в тонкой графической манере и по живости изображения принадлежат к лучшим памятникам ассирийского искусства.

Ассирийские войска
штурмуют вражескую крепость.
Фрагмент рельефа

Ассирийские художники многое воспринимали у своих южных и западных соседей. Если в росписях они часто следовали образцам южной Месопотамии, то при широком применении в архитектуре скульптурных элементов (например, ортостатов, т. е. плит с рельефами, поставленных на ребро) сказалось хеттско-хурритское влияние.

Подобное использование архитектурных приемов и художественных сюжетов, заимствованных у других народов, ни в коей мере нельзя считать рабским подражанием. Ассирийцы переосмысливали чужие образцы, внося в них много оригинального.

Глава V

БЫТ И ПРАВЫ ДРЕВНИХ АССИРИЙЦЕВ

Жилище

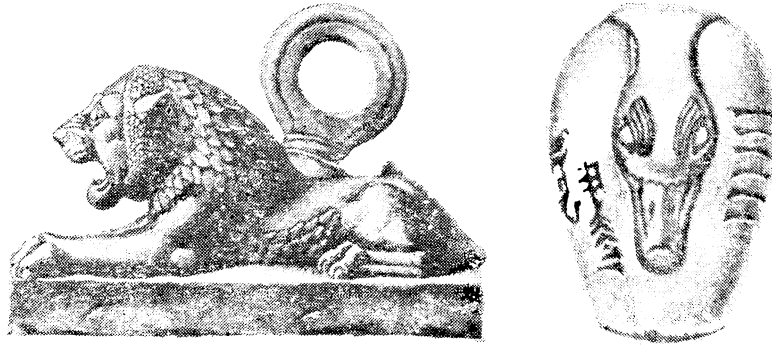
На протяжении существования ассирийского государства в среде его населения проходило непрерывное имущественное расслоение. Быт рабовладельческой знати уже значительно отличался от быта ее предшественников — времен Хаммурапи, Шамшиадада и более ранних времен. Богатели не только цари, но и их придворные.

«Давно прошли те времена, — писал видный советский ассириолог И. М. Дьяконов, — когда ассирийские и вавилонские жрецы и вельможи времен Саргона I или Хаммурапи жили в скромных глинобитных домах, сидели на полу, на циновках, ели только ячменное варево с кунжутным маслом, лишь изредка с бараниной или рыбой да печеный на раскаленных стенках глиняного очага (тиндра Танура) лаваш (гирдая), запивая пивом из грубых глиняных кубков, и одевались в простую шерстяную ткань, обернутую вокруг туловища. Прошли те времена, когда деревянная кровать, дверь и табуретка завещались детям и внукам как семейная ценность; когда 2—3 раба или рабыни — захваченные в походе чужеземцы — или забранные за долг дети разорившегося соседа, — служили и в поле, и дома, а сам хозяин не гнушался положить руку на рукоять плуга или на лопату садовника»¹.

В доме знатного ассирийца было несколько комнат; в парадных помещениях стены украшались циновками, цветными тканями, коврами. В комнатах стояла мебель, украшенная металлическими пластинками и инкрустациями из слоновой кости и драгоценных камней.

Во многих домах под самой крышей были расположены окна. Так, при раскопках в Тель-Асмаре (древнем Ашнунаке) в 1932—1933 гг. в некоторых домах обнаружили в верхней части стен небольшие квадратные окна (55 кв. см) с деревянными или глиняными рамами. Надо полагать, что и в соседних ассирийских поселениях устраивались такие же окна, но они не сохранились, ибо верхние части домов разрушились. Кроме того, свет проникал через отверстие в крыше, предназначенное для выхода дыма.

Самые прохладные комнаты дома выходят во двор и помещаются в подвальной этаже, куда солнечные лучи не проникают.

Бронзовая гирия в виде льва (Ассирия)

Глиняная гирия в виде утки (Ассирия)

Пол в них настлан шлифованными терракотовыми плитами. Стены оштукатурены измельченной известью. Летом их поливают несколько раз в день, и вода, испаряясь, освежает воздух.

У горожан обстановка была намного проще: несколько стульев и табуретов разнообразной формы, на прямых или скрещенных ножках. Спали обычно на циновках, за исключением хозяина и хозяйки дома, у которых были деревянные кровати на четырех ножках в виде львиных лап, с матрацем и двумя одеялами.

В одном из углов двора помещалась печь для хлеба; на столбах портика были развешаны бурдюки с вином и кувшины с водой для питья и умывания. На очаге, устроенном на открытом воздухе, стоял большой котел с кипящей водой.

Зажиточные ассирийцы по праздникам охотно ели мясо, запивая его вином. На их столе можно было увидеть и дичь, и акридов (саранча), и разнообразные фрукты (виноград, гранаты, яблоки, персики, вавилонские финики, мушмала). За трапезой они восседали на ложах из слоновой кости или дорогого дерева.

Бедные довольствовались небольшим количеством хлеба, лука, чеснока. Ели огурцы, приправленные солью и маслом, и рыбу, которую ловили в изобилии.

Основой питания раба был грубый ячменный хлеб, лук, чеснок и сушеная рыба.

Во время пиршества мужчины и женщины сидели в разных комнатах; в обычное же время все собирались за одним столом.

В доме размещались различные амулеты, призванные охранять домашних от «дурного глаза» и «злых духов». Чтобы избавиться от них, изображение духа в виде статуэтки помещали на видном месте. На ней часто вырезали текст заговора. Чтобы отогнать самого страшного демона — хозяина юго-западного ветра, пламенное дыхание которого сушит посевы и сжигает лихорадкой людей

и животных, над дверями и на террасах также подвешивали статуэтки с его изображением.

Другие аналогичные статуэтки зарывались под порогом, чтобы преградить доступ в дом «злым духам». Большинство из них — с головами различных животных, совершенно невиданных в мире.

Многочисленная армия богов также призвана бороться со «злыми духами». Каждый бог, которому это поручено, находится на том «боевом посту», где ожидается нападение. Нергал — на стене и под порогом; Эа и Мардук — в коридоре и проходах, по правую и левую сторону двери и около кровати. Утром и вечером хозяева ставят богам в углу яства и полные чаши с нашивками.

Одежда

Костюм зажиточных ассирийцев состоял из платья с разрезом сбоку. Поверх рубашки-туники знатный ассириец надевал иногда вышитую и украшенную бахромой или дорогим пурпуром цветную ткань из шерсти. На шее носили ожерелье, в ушах — серьги, на руках — массивные браслеты и запястья из бронзы, серебра или золота. Платья носили длинные, доходившие до пяток, в талии их охватывал широкий пояс.

Ремесленники, земледельцы, воины одевались скромнее и проще. Они носили более короткую тунику, доходившую до колен и не стеснявшую движение.

К сожалению, материалов, характеризующих костюм ассирийских женщин, нет ни в библиотеке Ашшурбанапала, ни у греческих писателей и историков. Женщины же, изображенные на стенах дворцов, не ассирийки, а пленницы из числа побежденных народов. Исключением является небольшой барельеф из дворца в Ниневии. На нем изображен царь Ашшурбанапал, пирующий в саду с одной из своих жен. Сам царь возлежит на роскошном ложе, а царица сидит у его ног в кресле. Ее стан облегает просторное, гладкое и тяжелое одеяние, без пояса, ниспадающее до пят. Ниже колен оно украшено двумя полосами. Волосы стянуты на лбу повязкой.

При выходе из дому свободная ассирийка обязательно надевала нарядное покрывало. Его полагалось набрасывать на лицо при посторонних людях. Рабыням (а также проституткам) носить его строго запрещалось.

Парадная одежда ассирийского царя состояла из темно-синего, расшитого красными розетками верхнего платья с короткими рукавами; в талии оно было стянуто широким поясом с тремя правильно сложенными складками; пояс обшивался по нижнему краю бахромой, каждая кисть которой оканчивалась четырьмя нитками стеклянных бус. Поверх туники надевалось нечто вроде длинной епанчи (верхней одежды без рукавов или с очень короткими рукавами). Она доходила только до поясицы и была так расшита узорами, что самой материи почти не было видно.

На голове царь носил высокую тиару в форме усеченного конуса, которая плотно прилегала к очертаниям лба и висков; она из белой шерсти с синими полосками. Широкая лента, усеянная розетками из золотых ниток, поддерживала тиару на лбу, и оба ее конца, завязанные узлом сзади, падали на затылок.

В руке царь держал длинный скипетр, в рост человека. За ним рабы несли зонт и большое опахало из перьев.

Украшения из драгоценных металлов соответствовали одежде. Мужчины сохраняли обычай носить в ушах серьги. Они состояли из простого золотого колечка с тремя шариками и подвески. Браслеты изысканной формы обыкновенно надевали по два на каждую руку. Первый носили выше локтя. Состоял он из золотого спирального кольца, каждый конец которого оканчивался львиной головой. Браслет, надевающийся на запястье, тоже был изготовлен из золота. Некоторые браслеты украшали изящной розеткой из драгоценных камней. Все эти украшения были выполнены с большим искусством. Головки льва выразительны, рисунки размещены со вкусом, способ сочетания различных узоров весьма оригинален.

К ассирийскому костюму, сотканному из золотых нитей, часто привешивались магические эмблемы богов: полумесяц Сина, диск с четырьмя лучами, представляющий Шамаша-солнце, молния с тремя остриями — громовержеца Адада. Все это, скорее, амулеты, а не украшения.

У ассирийцев была своя специфическая традиция. Все они носили длинные завитые волосы, остроконечную, аккуратно завитую и тщательно расчесанную бороду. Безбородыми изображались только евнухи.

Особую одежду носили воины. Одни из них, принадлежавшие к подвижным легким отрядам, были одеты в латы из маленьких металлических пластинок, прикрывавших грудь; из-под лат спускалась туника. Другие носили копическую каску, к которой прикреплялось покрывало, спускавшееся на затылок и обрамлявшее подбородок.

Свадьба и брачные обычаи

Брак у ассирийцев имеет двоякий характер: как акт гражданского права и как обряд домашнего культа. Первый вытекает из обязательств, принимаемых на себя молодоженами в форме договора. Писец составляет акт, а свидетели удостоверяют его своими печатями. Точная копия его передается на хранение одному из городских стражников.

Изучая законы Хаммурапи, можно сделать вывод, что даже в глубокой древности ассирийцы платили за невесту выкуп ее отцу. Этот обычай сохранялся в Ассирии вплоть до ее падения. Цена за невесту из простой семьи была сравнительно невысока, примерно 18 сиклей серебром. В свою очередь, будущий тесть давал за своей

дочерью приданое, находившееся в ее личной собственности. Молодая жена должна была вести себя кротко, уважать привычки семьи своего мужа; разлад с родителями мужа повел бы к разводу и поверг бы ее позору возвращения в отцовский дом. На нее смотрели бы как на рабу. Если бы ее отец или кто другой из ее родных вздумал требовать ее у мужа, то подвергся бы штрафу, составляющему примерно 10 мин серебра.

Перед свадьбой невеста сама тклет и вышивает ткани для своих платьев и для украшения своей комнаты. Служанки, которых отпускают с ней, обычно знают свою госпожу с раннего детства. Что касается мебели, то ее покупали на рынке.

Свадьбу, как правило, справляют в доме невесты. Отец и жених предварительно совещаются с астрологом, который подтверждает, что день выпал счастливый и все предзнаменования будут благоприятны. Мужчины собираются в приемном зале, а женщины — у невесты. Отец жениха громко провозглашает свое предложение и вручает за невесту выкуп. Отец невесты принимает его и сообщает, в свою очередь, что он дает в приданое. Невесту, сопровождаемую подругами и женщинами обоих семейств, сажают около жениха. Отец жениха, взяв ее руку и руку сына, прикладывает их ладонями друг к другу и связывает шерстинкой. Это эмблема союза, которым с этой минуты супруга сочетается с супругом. Затем он желает им долгих лет счастья. Писец наблюдает за всем происходящим, чтобы все соблюдалось согласно обычаям. На глиняной плитке составляется брачный акт. Свидетели делают знак ногтем или прикладывают печати на плитке.

Как только заканчивается чтение актов, начинается пир. Танцуют танцовщицы, поют певицы, играют на арфах и флейтах музыканты, показывают фокусы клоуны, рассказывают забавные истории рассказчики. Дом открыт для всякого, кто хочет присутствовать на свадьбе. Все соседи приходят поздравить родителей новобрачных и принять участие в торжестве. Перед тем как покинуть навсегда отчий дом, невеста плачет, держится за платье матери, оттягивает расставание. При свете факелов, сопровождаемая арфистками, певицами, шутами, рабынями, новобрачная отправляется в дом жениха, который ждет ее, окруженный друзьями, на пороге дома. Снова начинается пир, продолжающийся даже после того, как повобрачные удаляются к себе.

Похороны

Подобно другим древним народам, ассирийцы шумно выражали свою скорбь. Как только человек умирал, члены семьи и лица, принадлежащие к ней, в особенности женщины, раздирали на себе одежды, царапали лицо и грудь, посыпали голову пеплом и покрывали прахом. Ассирийцы не поступали так, как было принято в Египте, где считали, что душа того, кто умирает, неразрывно связа-

на с тем, что остается на земле. Они не мумифицировали покойников. Их просто обмывали, обливали пахучими маслами, одевали попроще и по прошествии нескольких часов после смерти приступали к похоронам.

Похоронная процессия выходит из дома рано утром. Тело несут несколько человек. Возглавляет шествие толпа плакальщиц и музыкантов, другая их группа идет сзади, затем следуют родные в узких, без складок, мешках из грубой темного цвета холстины: в конце процессии идут друзья, знакомые и, наконец, жители округа, которые желают отдать последний долг своему соседу.

Из города шествие медленно двигается к одному из кладбищ. В Ассирии не было погребальных подземелий или пирамид, как в Египте. Ниневию и большинство крупных городов окружали обширные низменные равнины, где тела покойников быстро разлагались под влиянием жары и влаги.

Однако умершего стараются снабдить всем: пищей, одеждой, украшениями, необходимой утварью для его потребностей. Кроме съестных припасов мужчина уносил в могилу и свое оружие: пиклу, дротики, а также парадный посох и цилиндр, служивший ему при жизни печатью. С женщинами клали несколько перемен украшений и драгоценностей, цветы, склянки с духами, гребенки и косметические приборы и вещества — белила и румяна и черную помаду для окраски ресниц и бровей.

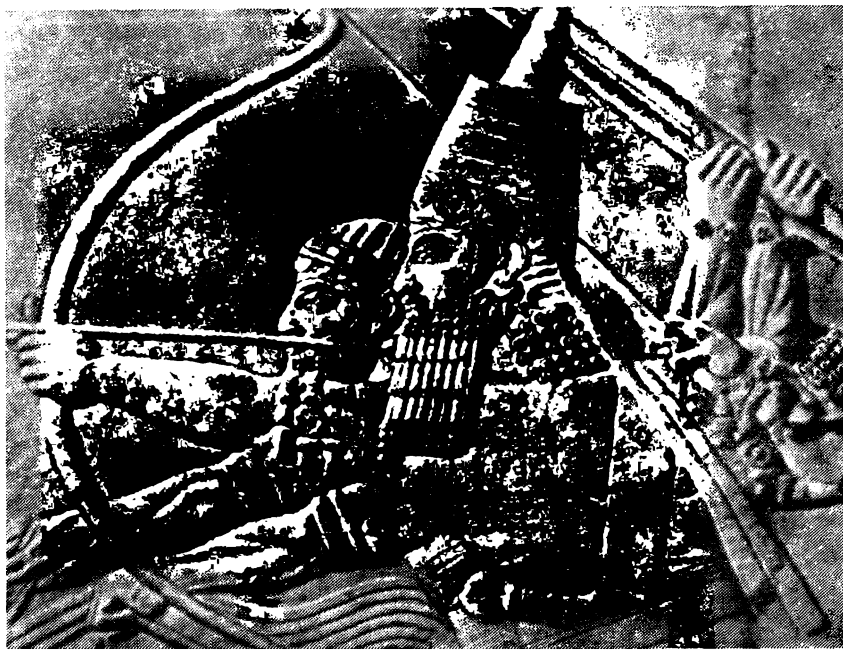
Шумеры и вавилоняне строили могилы из кирпича. Это были обширные подземные камеры со сводами и выступами, где хоронили одного или несколько покойников вместе. Существовали также гробницы в виде простых больших глиняных корчаг, в которых покойники помещались на корточках, или в форме двух цилиндрических чанов, которые потом слеплялись горной смолой; здесь тела лежали вытянутыми. В более раннее время гробницы представляли собой небольшие круглые или овальные сооружения, возведенные на кирпичном фундаменте, покрытые куполом или плоской крышей.

Тело клали на циновку, пропитанную горной смолой, голову — на подушку или плоский кирпич. Руки были сложены на груди, саваном обертывали бедра и ноги. Кувшины и глиняные блюда, расставленные вокруг покойника, наполнялись пищей и питьем.

Охота

Любимым занятием ассирийского царя в промежутке между военными походами и делами управления была охота. Ашшурбанапал, например, гордился не только знанием клинописных текстов, но и умением править лошадьми, запряженными в колесницу, и стрелять из лука.

На рельефах, украшающих стены Куюнджикского дворца, ассирийские художники изобразили с необычайным реализмом мно-

Царь Ашшурбанапал на охоте.
Фрагмент рельефа из дворца Ашшурбанапала в Ниневии.
Лондон. Британский музей

жество охотничьих сцен, сопровождаемых пояснительными надписями, и мы можем представить себе во всех деталях различные приемы, употребляемые на охоте, начиная с массовых облав с целью захватить добычу живьем и кончая опасной схваткой с хищниками. Причем царь и его спутники то поражают зверя стоя на колеснице, то спешившись.

Если сравнить царскую охоту во времена Тиглатпаласара и Ашшурбанапала, то мы найдем много перемен. За четыре века сильно изменилась фауна Северной Месопотамии и прилегающих к ней стран. В VII в. до н. э. в степях и лесах, простирающихся по берегам излучины Евфрата и его притоков, уже не было слонов. Они полностью вымерли здесь к началу VIII в. Последнее изображение слонов мы находим на обелиске Салманасара III. В дальнейшем ни упоминаний, ни изображений слонов в ассирийских документах не встречается, хотя слоновая кость (конечно, привозная) фигурирует в надписях часто. Причиной этому было, вероятно, резкое сокращение лесных массивов и превращение многих степей в пустыни. Гигантские звери не могли уже пастись себе укрытия и пропитания. К тому же их безжалостно истребляли ради ценных клыков.

Раненый лев. Фрагмент рельефа «Большая львиная охота».
Лондон. Британский музей

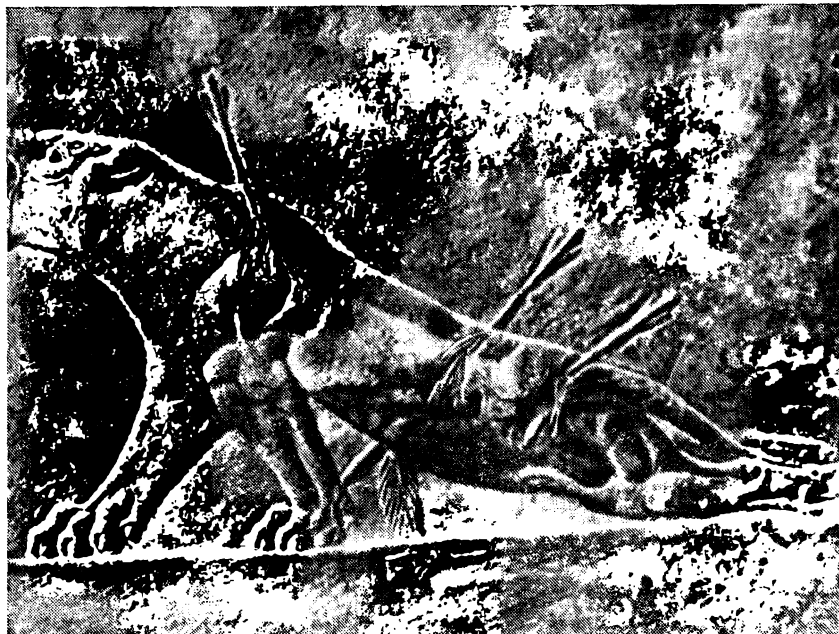
По всем данным, гораздо меньше стало и диких быков. В XI—IX вв. до н. э. охотники истребляли их сотнями, а во времена Ашшурбанапала они уже не упоминаются в списках охотничьей добычи.

Совершенно отсутствуют и какие-либо сведения об охоте Ашшурбанапала на медведей, хотя документы и сообщают, что современника Ашшурбанапала, вождя племени гамбулийцев, по имени Бел-икиша задрал медведь (конечно, во время охоты). Впрочем, и ассирийские цари более раннего времени очень редко сообщают о схватках с этими зверями.

Не упоминаются среди охотничьей добычи и дикие кабаны. Правда, на одном рельефе времени Синаххериба изображена дикая свинья, пробирающаяся со своими поросятами сквозь заросли тростников, окаймляющих болота Халдеи.

Трудно объяснить равнодушие Ашшурбанапала к охоте на страусов, которых цари XI—IX вв. убивали и ловили десятками. Эти огромные птицы продолжали водиться в большом количестве в просторных степях и пустынях Северной Месопотамии и Сирии.

Надо, однако, учитывать, что догнать страуса было очень трудно. Возможно, что это обстоятельство и заставляло ассирийцев отказываться от охоты на страусов.

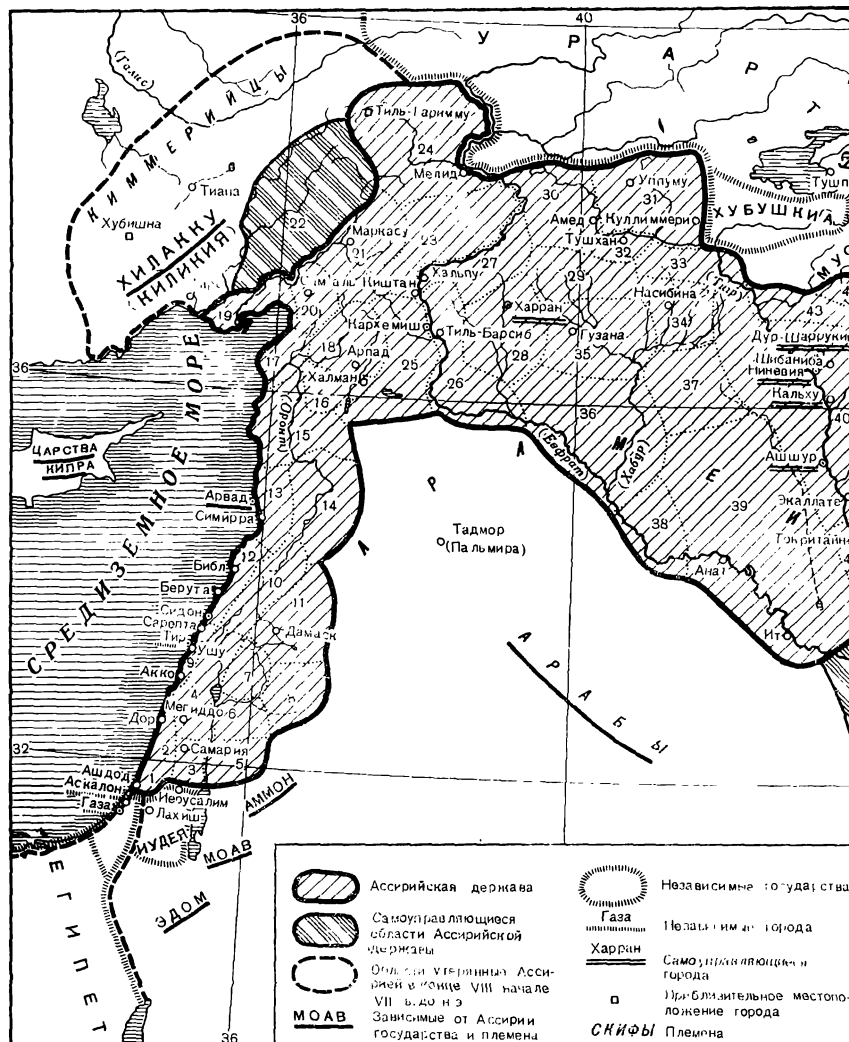
Умирающая львица. Фрагмент рельефа «Большая львиная охота».
Лондон. Британский музей

Еще древние шумерские художники считали царем зверей льва и изображали его на троне окруженным своими четвероногими подданными. Таким образом, представление о льве как властители животного мира возникло задолго до греческих и римских баснописцев.

Судя по изображениям и надписям Куянджикского дворца, Ашшурбанапал чаще всего охотился именно на львов.

Количество львов к VII в. до н. э. необычайно увеличилось. Еще при предшественниках Ашшурбанапала много львов расплодилось в странах, разоренных ассирийскими войсками. Например, в Северной Палестине, после насильственного выселения израильтян Саргоном II и поселения там ассирийских колонистов (самаритян), львы бродили по опустошенной территории в таком количестве и так осмелели, что их жертвами становились не только животные, но и люди.

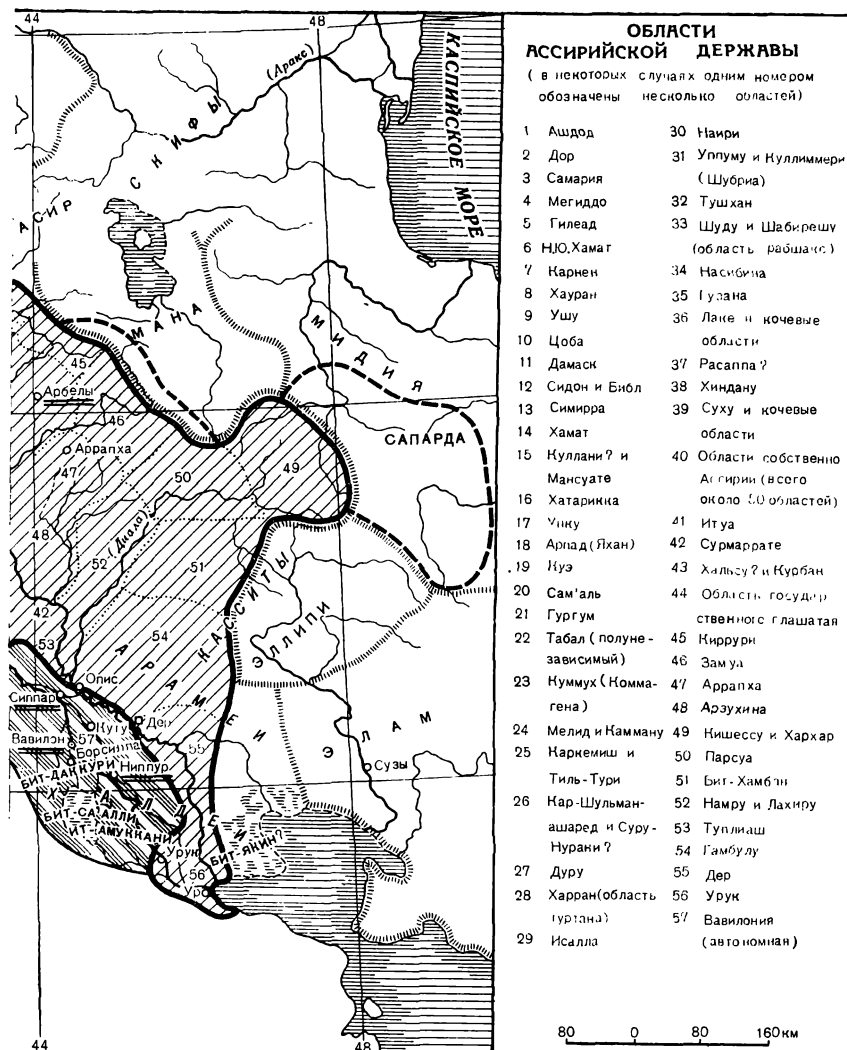
В дальнейшем число львов резко увеличивается уже в коренных областях Ассирии. В летописях Ашшурбанапала сообщается, что эти хищники свирепствовали в годы его правления «хуже моровой язвы». Они похищали коров и овец, пасущихся на лугах, участвовали даже случаи нападения на людей, что в Ассирии наблюдалось редко.

Ассирийская держава

Чем объяснить такое бедствие в центральных областях страны, густонаселенных и давно уже не испытывавших неприятельского нашествия и разорения? Возможно, тем, что ручьи и озера в степях стали многоводными и хищники находили себе убежище в прибрежных тростниках поблизости от водопоя, тогда как в сухие годы они страдали от недостатка воды.

Так или иначе, появление множества львов стало тревожить

около 654 г. до н. э.

царя, и охота на них представлялась ему уже не только веселой забавой, но и средством защиты сельского населения. Повсюду были разосланы разведчики. Так, на одном из рельефов мы видим наблюдательный пост на невысоком холме, где установлена стена с изображением царя, поражающего льва. Несколько опытных охотников внимательно всматриваются в окрестности, по-видимому, прислушиваясь к рычанию львов.

Тем временем для царя и его приближенных готовят колесницы, запряженные лучшими конями. Палатки, запасы продовольствия и оружия грузят на повозки, в которые запрягают мулов. Наряду с вооруженными охотниками отправляются в путь повара, стряпухи, носильщики и другие работники, необходимые для обслуживания лагеря.

Ознакомимся теперь с ярким описанием охоты Ашшурбанапала на опасных хищников, сделанным Г. Масперо.

Итак, ассирийский царь с нетерпением ожидает в своем охотничьем лагере вестей от разведчиков.

«Два дня проходит в бесплодных поисках; на третий, когда царь подумывает, не спялся ли уже ему [львы], с места является феллах и, весь дрожа, сообщает, что сегодня утром два льва утащили у него барана с самой окраины его деревни. Ассирийский и халдейский [вавилонский] лев меньше размерами и не столь свиреп, как африканский. Смолоду он легко становится ручным и, подрастая, привязывается к хозяину, который кормит его и обращается с ним хорошо. (Цари часто держат их у себя во дворце для забавы)... В диком состоянии они живут по берегам рек и каналов. Днем они скрываются в зарослях и выходят оттуда только в крайности; они отправляются за добычей по ночам, стараясь изловить газель или дикого осла. Если не хватает дичи, он рыщет около человеческого жилья: баран, бык, лошадь, собака — все, что попадает к нему, годится в пищу, но на человека он нападает редко. На него охотятся с большими псами искусные всадники; но необходимо, чтобы и лошади и собаки были приучены заранее; иногда достаточно его вида и запаха, чтобы обратить их в бегство. Употребляемые с этой целью собаки — крупных размеров, с жесткой всклокоченной шерстью черного цвета на туловище и рыжей на голове и ногах. У них хвост крючком, нависшие брови, крепкие челюсти: схватив зубами добычу, они, как говорят, скорее готовы быть растерзаны, чем выпустить ее.

Ассурбанапал (Ашшурбанапал), обрадованный этой находкой, велит немедленно оцепить болото, куда укрылись хищники со своей добычей, и, прежде чем войти туда, останавливается на минуту, изучая местность. Топкая почва, лежащая ниже общего уровня равнины; сначала там и сям рассеяны лужи стоячей воды, потом заросли камыша и водяных трав и целый лес гигантских тростников, от двенадцати до пятнадцати футов вышиной. Две-три тропинки, проложенные рыбаками, которые отваживаются проникать в эти опасные места, вьются в чаще, ее пересекает река, разветвляющаяся на десяток рукавов, из которых несколько судосходных впадают неподалеку в Заб. Ассурбанапал [Ашшурбанапал] ставит лодку с воинами поперек самого широкого рукава: их задача отрезать льву отступление, если бы он вздумал спастись бегством и вплавь добраться до болот и равнины по ту сторону реки. Он сам размещает загонщиков, садится на коня с колчаном за плечами, луком в руке и приказывает спустить собак, свору ко-

торых держат на привязи слуги. Умные животные решительно устремляются в заросли, за ними, на близком расстоянии, следует царь и его оруженосцы, с оружием и запасной лошадей.

Лай собак раза два-три покрывается криками и оглушительным ревом раздраженного хищника, хриплым и отрывистым. Выехав на край довольно обширной поляны, царь видит на другом ее конце двух львов, которые медленно удаляются, сопровождаемые собаками на почтительном расстоянии. Первая стрела, пущенная на полном скаку, попадает самке в бок; присев, она собирается сделать прыжок, вторая стрела ранит ее в плечо, третья — повреждает позвоночник на высоте бедер. Она падает, потом приподнимается на передних лапах и, с трудом волоча парализованные задние ноги, ждет последнего удара, вытянув шею, угрожающе подняв морду; удар копьем приканчивает ее на ходу. Сначала товарищ ее как будто хочет защитить ее, но при виде этой внезапной расправы мужество изменяет ему, и пронзающие ее тут же четыре стрелы окончательно обращают его в бегство: одним прыжком бросается он в чащу и исчезает; собаки мчатся по его следам. Ассурбанапал [Ашшурбанапал] устремляется за ним, но скоро теряет почву под ногами, его конь погружается в ил по самые колени и насилу вылезает. Он поворачивает обратно, передает лошадь конюху и, захватив копье, пробует добраться до реки пешком.

Лай собак, еще за минуту до того такой явственный, затерялся в чаще, и ничто не указывает царю направления. Он то и дело скользит, спотыкается о корни, путается в молодых побегах и ползучих стеблях. Тростники напирают на него со всех сторон и мешают видеть; лев может оказаться тут же рядом, и он не подозревает об этом. И действительно, зеленая стена внезапно расступается и в двадцати шагах перед собой он вдруг видит льва, стоящего на берегу, резко выделяясь своей массой на зеркальном фоне реки: он совершенно поглощен созерцанием стоящей поперек его пути лодки. Он, очевидно, задает себе в своей львиной голове вопрос, что лучше — дать ли сражение на воде, чтобы расчистить себе дорогу, или снова углубиться в болота. Появление царя решает вопрос и не оставляет ему выбора между двумя врагами. Эта травля вызывает в нем бешенство, которое окончательно приводит его в себя. Он бьет хвостом бока, морщит морду, потрясает гривой и, оскалив зубы, с разинутой пастью становится на задние лапы, чтобы покончить с ним одним взмахом когтей. Ассурбанапал [Ашшурбанапал] только того и ждет: он хватает его правой рукой за ухо и вонзает копье ему прямо в грудь; оружие задевает сердце, пронзает тело насквозь, и конец его до половины высывается из-под лопатки.

Это старый рыжий лев редкой величины; от шести футов длины, начиная с конца морды до начала хвоста, приплюс бы потрудиться, если бы пужно было тащить его через болото. К счастью, есть лодка: его переносят туда, связывают все четыре ноги вместе

и с болтающейся головой и хвостом, касающимся воды, подвешивают к корме, потом входит в лодку сам царь и отдает приказ плыть к Забу, чтобы возвратиться в лагерь. Местами канал расширяется настолько, что образует целые озера, местами суживается. При выходе из одного такого пролива раздаются лай собак, большой раненый лев внезапно появляется из тростников, одним прыжком перескакивает десять футов, отделяющих его от лодки, и когтями цепляется за борт. Но царь успел уже угостить его на лету стрелой, пущенной прямо в живот, воины направляют в него копья; во мгновение ока он убит, связан, подвешен с другой стороны кормы, в противовес первому льву. Три трупа, принесенные в лагерь, посвящаются Истар [Иштар] с такими же обрядами, как это было для диких быков, а ваятели получают приказ воспроизвести повелителя один на один с его свирепым врагом. „Я, Ассур-банапал, царь народов, царь страны Ассира, один, пешком в своем величии схватил за ухо могучего льва пустыни и милостью Ассира и Истар, владычицы сражений, собственноручно пронзил ему бок своим копьем“»².

Это увлекательное и яркое описание сделано на основании подлинных текстов и рельефных изображений. Надо, конечно, учитывать естественное стремление придворных льстецов к преувеличениям. Скорее всего, если царь и хватал за ухо льва, то он делал это лишь тогда, когда тот был уже совершенно замучен преследователями и не был в состоянии сопротивляться.

Иногда пойманного льва выпускали из клетки, где его предварительно морили голодом. Таких истощенных львов мы часто видим на изображениях, сделанных ассирийскими художниками. Подобную добычу можно было, конечно, поразить, не подвергая себя опасности.

Иной раз полумертвого льва, желающего уклониться от схватки с охотником, приходилось искусственно раздражать и побуждать к сопротивлению. Для этого использовались кожаные треххвостки с металлическими иглами на концах.

Но даже в тех случаях, когда, судя по изображениям, львы сохраняли свою силу и яростно бросались на царственного охотника, последний рисковал не так уж сильно. При нем находились телохранители, призванные предупреждать любую опасность. Так, на одном рельефе изображен раненный стрелой лев, который в бешенстве впился когтями и зубами в кузов царской колесницы. Два спутника, сопровождающие царя, направляют ему свои копья прямо в горло; зверь не может повернуть головы и тогда царь своим коротким кинжалом, не торопясь, пронзает ему шею, по существу добывая истекающего кровью хищника.

В Ассирии охотились не только на львов, но и на травоядных животных: онагров, оленей и серн. Но убивали их редко, предпочитая захватывать живьем.

Онагр — дикий осел, довольно красивое животное с серой шелковистой шерстью, обладающее большой скоростью. Для того

чтобы поймать его, ловцы, подбегая с двух сторон, набрасывали ему на шею лассо и затем затягивали концы веревок, каждый в свою сторону, образуя тугий узел на затылке животного. На одном из изображений показаны сети, растянутые между деревьями. Мчатся олени и серны. Перемешались самцы, самки, детеныши. Некоторые из них поражены стрелами погонщиков. Другие остались невредимыми, но, охваченные ужасом, бросаются в сеть.

В результате охотничьих экспедиций Ашшурбанапала царские загоны и зверинцы пополнялись новыми обитателями. В то же время истреблялись звери, доставляющие немало беспокойства и убытков земледельческому и скотоводческому населению Ассирии.

-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нарисовать цельную картину истории Ассирии, жизни ассирийского общества, которое внесло большой и ценный вклад в развитие экономической, политической, военной и культурной истории древней Месопотамии,— задача трудная и ответственная, ибо настоящее и будущее человечества тесно и неразрывно связано с его далеким прошлым.

В книге по возможности в хронологической последовательности даны в основных и главных чертах исторические этапы развития ассирийского общества и государства, его исторической и культурной роли, навеки вошедшей в историю развития человеческого общества.

Ассирия начиная с 745 г. до н. э., т. е. со вступления на престол Тиглатпаласара III, и вплоть до 625 г. до н. э. находилась на вершине своего могущества. Объединив под своей властью большую часть Передней Азии, Ассирия сближала различные культуры древнего общества, обогащала их и обогащалась сама. Ассирийские торговцы, отправляясь в разные страны на колесницах или верхом, объединяясь в караваны, часто останавливаясь в пути, объясняясь на местных языках, глубоко проникали в условия жизни близких и дальних стран и народов. Не будучи исследователями, стараясь лишь получить вести собственные дела, они, по сути дела, стали землепроходцами, обладателями первых скромных знаний о распределении воды и суши задолго до того, как первый человек суммировал и упорядочил свои знания о всей Ойкумене.

Путешествия к святым местам способствовали сближению народов на основе духовной культуры, религии, литературы и науки. Таким путем распространялись легенды, сказания и культурные достижения народов, падали узкоэтнические преграды.

Все это создавало предпосылки к широкой внешней торговле, объединявшей ряд стран и народов.

В течение почти 120 лет ассирийское государство почти не знало поражений, а при Ашшурбанапале достигло своего наивысшего величия и славы. Но уже в 605 г. до н. э. оно перестало существовать.

Каковы же главные причины быстрого падения Ассирии?

1. Распад ассирийского государства начался с отпадения Египта, который около 650 г. до н. э. завоевал независимость. Вслед за этим начинаются восстания в провинциях ассирийского государства, и в конце концов оно теряет Вавилонию. Ассирия продолжает существовать в пределах собственных земель и северной

части Сирии. На эту же страну, замкнутую в своих границах, и начинается натиск соседей.

2. До окончательного разгрома Элама он являлся своеобразным барьером против нашествия восточных народов. После его падения Ассирии пришлось вступить в очень опасное, непосредственное соприкосновение с соседней крайне враждебной Мидией, не только на востоке, но и на юге.

3. Многочисленные покоренные и вассальные страны и области не были заинтересованы в существовании ассирийской империи. Они ждали удобного случая, вынашивали надежду освободиться от ига Ассирии, обрести свою самостоятельность и независимость. В период ослабления Ассирии держать их под своей властью ассирийцам стало не под силу. Закрепить существование созданной силой оружия централизованной империи оказалось невозможным. Если ассирийцы, с одной стороны, давали известные выгоды завоеванным областям тем, что приобщали их к средиземноморскому рынку, то, с другой стороны, они накладывали на них такие большие подати, что сводили на нет все те выгоды, которые давало этим областям объединение под властью Ассирии. Все это вызывало недовольство в разных слоях общества. Отдельные части громадного ассирийского государства не были прочно связаны между собой экономически и политически. Здание, построенное на завоеваниях и эксплуатации широких масс населения, рано или поздно должно было рухнуть.

4. Ассирийцы были ослаблены проходившим в их обществе социальным расслоением. Рабовладельческая знать Саргона II начала усиливать войско наемными отрядами, и оно постепенно становилось чужеземным по своему составу. Это было неизбежно и вследствие малочисленности ассирийского народа. Часть войска, состоявшего из наемных отрядов, была предана Ассирии до тех пор, пока она одерживала победы. Но как только ассирийцы стали терпеть неудачи, наемники перестали быть надежной опорой. Больше того, они стали резервом врагов Ассирии.

После того как армия Ассирии стала пополняться за счет контингентов побежденных и вассальных стран, ее наступательная тактика namного снизилась, а потери, которые она несла, было уже невозможно восполнить. Все это вызывало недовольство и порождало восстания в различных частях ассирийской державы.

5. После каждого военного похода в Ассирию гнали толпы рабов — военнопленных и переселенцев. Количество чужестранцев все время росло и дошло до того, что ассирийцы, будучи вообще малочисленным народом, оказались в меньшинстве. Кроме того, они массами переселялись со своих исконных земель в покоренные и вассальные страны для освоения новых земель, что также отрицательно сказывалось на внутренних устоях ассирийского общества.

Крестьяне и ремесленники ничего не выигрывали от такого

перемещения. От многочисленных войн они разорялись и нищали, их поля оставались необработанными. В то же время в собственно Ассирию переселялись тысячи и десятки тысяч жителей покоренных стран, тем самым создавая внутри Ассирии благоприятные условия для недовольства, готовность восстать против Ассирии.

Так померкла политическая слава Ассирии. Культурно-историческая же ее слава продолжает жить вплоть до нашего времени,

ПРИЛОЖЕНИЕ

Известный французский востоковед конца XVIII — начала XIX в. Г. Масперо (1846—1916), много занимавшийся историей древней Ассирии, в своей книге «Во времена Рамзеса и Ассурбанипала». II. Ассирия (М., 1916) дает живописное описание быта и нравов ассирийского народа. Гастон Масперо создает в своей книге образ некоего ассирийского купца Иддины, рядового и ничем особенно не выдающегося человека своей эпохи.

Автор считает, что для представления общей картины жизни и быта древних ассирийцев VII в. до н. э. читателю будет интересно познакомиться с этими ярко написанными очерками, в основу которых положен подлинно исторический материал.

Общая схема и ряд конкретных описаний заимствованы нами из работы Г. Масперо.

Однако многое пришлось переделать. Гастону Масперо, естественно, не были известны документы, опубликованные уже после его смерти (например, ассирийские законы). Целый ряд его выводов устарел. Кое в чем чувствуется модернизация и идеализация древнеассирийской действительности. Поэтому в текст перевода французского ориенталиста внесены ряд изменений и дополнений, хотя по возможности сохранены красочные и увлекательные картины ассирийского быта.

Купец Иддина и его семья

Иддина — один из многочисленных купцов, ведущих различные торговые операции в Ассирии.

Он любит жизнь и думает о том, как бы ее продлить, ибо потусторонний мир представляется ему (в отличие от древних египтян, тешивших себя надеждами на загробное блаженство) мрачным и унылым. Иддина — человек сугубо практичный, заботящийся о накоплении богатств и о благополучии своей семьи. Его мало беспокоят насилия и произвол, от которых страдают обедневшие соседи Иддины. Он весьма благочестив и приносит жертвы богам, наивно надеясь на их помощь в своих личных делах.

Иддина вернулся из Вавилона. Он ведет постоянную торговлю с этим городом и поэтому часто бывает в разъездах.

Каждый год он закупает у урартских виноделов отборные вина, которыми славится эта страна, и сам наблюдает за постройкой судов, на которых сплавляет вниз по Евфрату запасы хмельных напитков.

Форма судов весьма своеобразна. Это круглые корзины, сплетенные из ивовых ветвей и обшитые кожей. Они могут выдержать груз тяжестью 5000 талантов (около 12 т). На дне стелется солома, затем в ряд ставятся кувшины из красной глины и бурдюки. И те и другие наполнены вином. Сверху груз покрывается новым слоем соломы. Рядом укладывают связанного (иногда двух-трех) осла.

Кроме хозяина в судно садятся два гребца. По обе стороны укреплены по два весла. Гребцы поднимаются во весь рост и гребут, не давая судну наклониться ни в ту, ни в другую сторону. Судно плывет по течению, и гребцы, не ускоряя движения, следят лишь за тем, чтобы оно не уклонялось в сторону.

Прибыв в Вавилон, Иддина выгодно распродает свой товар. В самой Вавилонии виноградников очень мало. Местные виноделы вырабатывают хмельные напитки из фиников (не считая более дешевого, ячменного пива).

Поэтому привозное виноградное вино из далекого Урарту ценится на вес золота.

После распродажи товара Иддина снимает с судов дорожную кожаную обшивку, нагружает товар на ослов и поворачивает на север сухим путем. Плыть вверх по течению нет никакого смысла. Для этого пришлось бы тянуть судно на канатах, что потребовало бы слишком много времени. Конечно, солому и ивовые ветви приходится сбывать на месте. Ослы не в силах поднять слишком большой груз.

Медленно добирается Иддина до Ниневии (сперва по берегу Евфрата, а затем вдоль Тигра), погоняя тяжело нагруженных ослов. Зато сумка его набита серебряными слитками.

Торговля связана с большими опасностями. Евфрат — река своенравная и может опрокинуть суда. Обратный переход сухим путем также не особенно легок. Прибрежные жители, народ опасный, — они часто останавливают и грабят целые караваны или же требуют денежный выкуп. Ассирийские наместники и вавилонские чиновники — люди корыстные; им тоже приходится давать подарки — товаром или деньгами. Все это уменьшает барыш купца и увеличивает его риск, но, несмотря на это, прибыль покрывает все расходы, и купец крепко наживается. Аналогичное положение и на большинстве дорог. Только по дорогам, проходящим по собственно Ассирии, от Ниневии до Арбелы, от Арбелы до Калаха и Ашшур, можно проехать без особой опасности: цари в этих частях Ассирии учредили и поддерживают строгую и неумолимую стражу; каждый может путешествовать спокойно в любое время, днем и ночью, не боясь нападений грабителей. Но за пределами центра державы безопасность уменьшается, и купцы отваживаются посещать ассирийские провинции и другие земли за пределами страны только большими караванами. Но и это не всегда избавляет их от опасности. Мелкие местные князьки и даже сами цари, не довольствуясь пошлинами, которые они законно собирают за проезд по своим владениям, не брезгают нападать на них в дороге. Товары делятся между грабителями или идут на обогащение царской казны; людей избивают или продают в рабство. Таким образом, купец находится в постоянной опасности — между разорением, рабством или смертью.

Дом купца Иддины находится в столице, недалеко от ворот Иштар. Он больше и выше соседних домов. Маленькая дверь под сводом открывается с улицы и через узкий темный коридор ведет в глубину довольно просторного двора, где размещаются различные хозяйственные склады.

Комнаты узкие, продолговатые, со сводами и плоскими крышами, которые поддерживаются пальмовыми столбами. Большинство помещений — это амбары и склады, где хранятся запасы продовольствия, хозяйственная утварь и товары; небольшая часть дома — жилая. Ассирийки любят проводить время на плоских крышах. Они остаются на них с утра до полудня и вечером снова выходят на крышу. Здесь, на открытом воздухе, они выполняют все хозяйственные работы: месят тесто, готовят пищу, стирают белье и тут же развешивают его для сушки. Беседуют с соседками. Если у них есть рабы, избавляющие их от тяжелой работы, женщины усаживаются на подушки, пьют или вышивают под открытым небом. В жаркие часы дня они спускаются в дом. Самая прохладная комната часто расположена ниже уровня двора, туда проникает очень мало света.

В доме Иддины множество амулетов, призванных оберегать домохозяев от дурного глаза и злых духов. Над дверями и на террасах подвешены фигуры одного из самых грозных демонов, юго-восточного ветра, чье огненное дыхание иссушает хлеба и изнуряет лихорадкой людей и животных. У Иддины все они разной формы и из всевозможных материалов: из бронзы, красной яшмы, желтого камня и обожженной глины. У этого привлекательного существа собачье тело на орлиных лапах, на руках львиные когти, хвост скорпиона, две пары крыльев и человеческая голова, наполовину лишенная мускулов, с козыми рогами.

Другие изображения в этом же роде зарыты под каменным порогом входной двери, чтобы преградить доступ духам разрушения. У них большей

частью головы разных животных, а формы невиданные на земле. Здесь же имеются и изображения популярных в народе богов — Бела, увенчанного тварой и рогами, Нергала с львиной мордой, Набу, Мардук, Иштар.

Эти боги должны дать отпор злым духам. Каждый из них находится на своем «боевом посту»: Нергал — под потолком и под порогом, Эа и Мардук — в коридоре, направо и налево от двери, Наруди — у кровати. Так как всякий труд требует награды, утром и вечером им ставят в угол яства и чаши с напитками.

Иддина, возвратившись домой после очередной поездки, отвел ослов в конюшню, а тюки сложил в амбары. Его жена Нубта сразу же рассказывает обо всем, что произошло дома в отсутствие купца: о поведении прислуги, о том, сколько наткано и выкрашено холстов. Ткач Мусидну прихотил занять $\frac{5}{6}$ мины серебра, сын их, Замамандин, дал ему в долг с условием, что тот вернет его через год. Проценты установлены такие, что в случае просрочки хотя бы на месяц должнику придется вернуть серебра на $\frac{1}{4}$ мины больше, чем он взял. Иддина доволен, что сын сумел заключить такую выгодную сделку. Замамандин — здоровый, прилежный и образованный молодой человек. Ему уже более 20 лет, и он начинает понимать в делах не хуже любого торговца. Уже два года, как отец поручает ему вести дела во время своего отсутствия и поездок в Урарту, и сын ловко выходит из положения в самых щекотливых ситуациях.

Замамандин женится

Замамандин решил жениться. Он подыскивает имение рядом с Дур-Шаррукином и хочет его купить. Доходы с имения вместе с частью прибыли, установленной ему отцом, будут достаточны, чтобы прилично содержать будущую семью. Он нашел подходящее поместье за Хусуром; хозяин его, Набуириб, запрашивает не слишком дорого. Поле большое, на нем высеивают 35 кур [1 кур — около 250 л] зерна, причем это легко проверить. Земля добрая, под пшеницу.

Он просит за имение семь мин, но Замамандин надеется купить его за пять.

Иддина принимается за дело. Ему удалось купить по дешевке на вавилонском рынке у сидонского купца большую партию тюков шерстяной ткани, окрашенной в финикийский пурпур. По цвету и красоте эта материя бесподобна, и, если начальник евнухов замолвит словечко перед царицей, можно получить за нее вдвое больше, чем она ему стоила, считая все накладные расходы и доставку в Дур-Шаррукин. Конечно, евнуху придется вручить солидную взятку за его услуги, но все-таки чистая прибыль, приходящаяся на долю Иддины, будет достаточно велика. Половину он отдаст Замамандину, чтобы тот смог купить имение.

Начальник евнухов готов совершить эту выгодную сделку. Он ведет дело так ловко, что царица весь товар покупает сразу. На другой день после удачной операции Иддина отправляется в Саири, чтобы осмотреть имение, о котором говорил сын. Имение хорошее, земля, по-видимому, превосходна. Небольшой ручеек пересекает его и делит на две неравные части; меньшую легко можно использовать под огород; для его поливки воды достаточно. Удалось сторговаться за пять мин. Был назначен день для заключения купчей у судьи Набусакпна.

25-го числа месяца тебета (декабрь — январь) утром обе договаривающиеся стороны отправляются к ворогам Иштар, каждая со своими свидетелями. Писцов в Ассирии имеется много, и Замамандин, как человек со средствами, может нанять любого из них. Конечно, он выбирает наиболее опытного и умелого, привыкшего составлять документы по всем правилам. Писцы запасаются большим количеством глиняных плиток, достаточно еще мягких, чтобы можно было получить на них отпечаток предмета, но вместе с тем и настолько уже отвердевших, чтобы они сохранили все, что на них начертано или написано. Каждый из писцов берет по плитке и кладет на левую ладонь,

потом в правую руку берет прямой трехгранный стилос, один копек которого срезан наискось с сохранением грани, и начинает писать. Черточки, которые он получает, нажимая слегка своим орудием на глиняную плитку, имеют форму клина. Он начинает с левого края, сверху, и с необыкновенным искусством исписывает обе стороны плитки. Писцы сторон и судейский писец одновременно переписывают акт купли-продажи, так как каждый гражданский акт составляется в трех экземплярах. Раньше их писали только в двух, которые хранились — один у покупателя, другой — у продавца. Однако недобросовестные люди иногда переделывали их в свою пользу. Тогда вавилоняне придумали способ, позволяющий исключить подобные проделки.

Акт составлен, плитка покрыта новым слоем глины, на котором выдавливалась точная копия с подлинника. Если возникал спор о наружном тексте плитки, тогда при свидетелях взламывалась и сверялась с оригиналом внутренняя плитка и проверялось, соответствуют ли они друг другу. Поэтому акты и пишутся в трех экземплярах: два передают заинтересованным лицам, а третий остается на сохранении у царского стражника.

Написав акт, писцы сличают экземпляры, чтобы убедиться, что ничего в них не упущено. Теперь судья читает купчую вслух:

«Поле такого размера, что на нем высевается тридцать пять кур зерна. Земля пахотная, находящаяся в городе Саире, смежная с собственностью Ирсиси, с полем Шамасшумузира. Иддина приобрел его за пять мин серебра.

Цена за поле установлена окончательно, плата за него внесена, и покупатель всступил во владение, так что расторжение купчей не может быть уже допущено.

Если кто-либо когда бы то ни было станет оспаривать продажу, сам ли Набуриб, или сыновья его, или его братья и вчинит иск против Иддины, против его сыновей, против сыновей его сыновей, чтобы достигнуть расторжения купчей сделки, он заплатит десять мин серебра, одну мину золота в казну богини Интар, которая обитает в Инневи, и сверх того уплатит покупателю десятиричную продажную цену: иск вчинить он может, но не может выиграть тяжбу.

В присутствии: Мадье, Биншумедира, Набушумидина, Мутезибилы, Габасле, Белкашдура, Ирсиси, Каннуана, Баге, судья Набусакия.

Месяца тебета, дня 25, при эпониме Шарнури»¹.

После прочтения документа стороны и свидетели подписывают его в установленном порядке. Иддина и его свидетели делают знак ногтем на плитке, который заменяет их подпись. Набуриб и писцы прикладывают печати на лицевой и оборотной стороне плитки, а надпись, сделанная сверху или сбоку от печати, указывает имя лица, которому она принадлежит. Печати изготавливаются из твердого камня всяких пород: красной или зеленой яшмы, агата, горного хрусталя, иногда из янтаря и металла. Часто они имеют форму цилиндра, иногда в виде конуса со слегка выпуклым основанием; на них вырезаются изображения богов или богинь, иногда поодиночке, а иногда парно. Часто прибавляется и имя собственника печати. Каждый свидетель прикладывает печать к плитке, и судья после всех скрепляет подписи. После этого плитки кладут в печь, где они превращаются в твердый кирпичик. Иддина с теми же формальностями передает именно своему сыну Доля имущества Замаманадина, таким образом, нерушимо за ним закреплена: сын Иддины теперь может приняться за дело и подыскивать себе невесту.

Госпоже Нубта нетрудно найти сыну жену. Замаманадин, молодой человек, богатый, видный собой, занимающийся честным ремеслом, может выбирать любую из девушек своего округа: немного родителей найдется, которые решились бы отказать ему в руке дочери. Нубта только затрудняется в выборе между различными обрядами свадьбы, которые допускает обычай, и соображает, какой из них более подходит для сына и для нее самой. Уж не лучше ли ей купить свою будущую невестку? Говорят, прежде в Вавилоне ежегодно происходили ярмарки для продажи девиц на одном из

городских рынков. Особый глашатай выставлял их для продажи с торга одну за другой, начиная с самых красивых. Все те, кто намеревался жениться, являлись на рынок и наперебой раскупали невест, набивая при этом за них высокие цены. Потом, когда очередь доходила до некрасивых, то за них не только ничего не просили, давали еще в придачу денег тому, кто желал взять их себе. Это вознаграждение производилось из сумм, вырученных от продажи красивых девиц. Когда все сделки заканчивались, пары приступали к свершению брачных контрактов по всем обычным формам, после чего женщины следовали за своими хозяевами в новое жилище.

Однако только весьма легковверные люди, в особенности чужеземные путешественники, охотно прислушиваются к этим веселым и занимательным рассказам².

Согласно законам Хаммурапи, невесту, конечно, не покупали на рынке, а платили за нее выкуп отцу.

Именно таким способом Нихтекарру, одна из соседок Нубты, приобрела жену для своего сына Зиха, молоденькую Тавастаину. Она была красивая, работящая, но бедная девушка. Ее родители были очень счастливы, что им удалось обеспечить ее будущность таким брачным соглашением. Цена в подобных случаях бывает невысока. Нихтекарру заплатила за свою невестку 18 сиклей серебром. А вот красильщик Набуахдин сделал еще лучше. Он ничего не заплатил за Банатсугуль, музыкантшу, а только вписал в контракт условие, по которому обязывается уплатить неустойку в две мины серебра в том случае, если разойдется с ней, чтобы жениться на другой девушке. Две мины серебра — сумма довольно крупная, но он постарался сделать так, чтобы не потерять свои деньги зря. Во второй статье договора было добавлено, что, если Банатсугуль когда-либо нарушит свой долг, она будет подвергнута смерти от железного меча. Правда, на деле до смертной казни никогда не доходит. Обычно неверную супругу разводят догола и выгоняют на улицу, где она и живет, как может...

Нубта не заглядывает так далеко вперед. Купленная девушка в своих же интересах должна вести себя кротко и уважать новую семью. Развод поверг бы ее в нищету.

Невест по дешевой цене немало. Но Нубта желает дочь Сулаи, который живет около ворот Шамаша. У него несколько дочерей. Билитсуну, старшей, скоро минет 13 лет. Она высока, стройна, белолица, с пунцовыми губами, большими продолговатыми глазами, черными густыми, сходящимися над переносицей бровями.

Отец жениха, Иддина, наряжается в свое лучшее платье с бахромой, душится и отправляется к Сулаи. После обычных приветствий он прямо приступает к делу:

— Выдай твою дочь — девицу Билитсуну — за моего сына Замаманадина.

Сулаи соглашается, и они договариваются о выкупе и о приданом. Отцы не корыстные люди и оба богаты, но, обладая купеческими привычками, не могли не поторговаться: один запросил слишком много, другой предложил слишком мало. После нескольких часов торговли сделка была завершена на том, что каждый из них уже давно для себя решил: мина серебра, три служанки, верхние шерстяные одежды и полотняные рубашки, мебель. Отец невесты мог вместо вещей уплатить стоимость их серебром. Свадьба назначена через неделю, 10-го адара (февраль — март). Чтобы завоевать расположение жениха в ту минуту, когда в день свадьбы невеста снимет с себя покрывало и он в первый раз увидит ее без свидетелей, она должна быть привлекательной. Невеста моется, долго умащается кунжутным маслом, тело и волосы смачивает благовонными эссенциями, окрашивает ладони и ногти в красный цвет мазью из лавзонии: притирает румянами щеки и чернит ресницы. Ее подруги помогают ей, дают советы, а главное болтают с утра и до вечера. Эти дни ожидания в жизни ассирийских женщин считаются самыми счастливыми.

Утром 10-го числа адара друзья обеих семей собираются в доме невесты. Астролог посчитал, что день выбран удачный. Наступает время совер-

шения обрядов. Иддина встает, провозглашает громким голосом свое предложение и вручает выкуп за невесту. Отец невесты принимает его и, в свою очередь, сообщает, что дает в приданое. На глиняной плитке составляется окончательный брачный акт. Он гласит: «Иддина сказал Сулаи: отдай свою дочь, девицу Билитсуну, в замужество за моего сына Замаманадина. Сулаи на это согласился и дал свою дочь Билитсуну, и с ней мину серебра, трех служанок: Латубарану, Илласиллабитин и Таслиму, прибавив полный набор хозяйственной утвари и поле величиной восемь тростей (межевых мер длины), как приданое Билитсуну Замаманадину. Он передал Замаманадину в обеспечение мину серебра, которую заплатит впоследствии, свою служанку Нанакиширату, которая стоит $\frac{2}{3}$ мины, и не прибавляет ничего в обеспечение остальной трети мины, которую он остается ему должным; когда он уплатит мину серебра, Нанакиширата ему будет возвращена». Свидетели делают знак ногтем или прикладывают печати на плитке. Бабушка новобрачной, почтенная Этиллиту, желая выразить удовольствие, которое приносит ей этот союз, от себя еще прибавляет двух служанок к тем, которых дал Сулаи с дочерью. Этот подарок потребовал составления дополнительного акта в том же роде, как и первый: «Госпожа Этиллиту дает по собственному желанию госпоже Билитсуну, дочери Сулаи, ее старшему сыну Банитлумуру и Базиту, двух своих служанок, кроме трех, данных ей отцом ее Сулаи. Если же кто принесет жалобу, чтобы уничтожить этот дар, пусть Мардук и Зарпанит пошлют погибель ему». Если Замаманадин умрет раньше своей жены, то она не уйдет из его дома. Не пропадать же выкупу, уплаченному ее родителям. Она останется у своих свекра и свекрови и будет покорно работать на них и терпеливо ждать, пока подрастет младший сын Иддины и Нубты, семилетний Синмагир. Настанет день, и он женится на вдове брата. Ему не надо будет собирать деньги для уплаты за невесту, взятую со стороны. За Билитсуну выкуп уже давно высеел его братом, и он получит ее по наследству. Чем искать подходящую девушку, лучше взять себе невестку, живущую рядом, которую он хорошо знает³.

Как только все акты прочтены, Сулаи приказывает расставить столы и приглашает присутствующих откусать и выпить с ним. Дом, такой недоступный в обычное время, радушно открывает свои двери и предлагает гостеприимство всякому, кто хочет его принять. Но вот приближается вечер, когда Билитсуну должна навсегда покинуть родительский дом. Она плачет, старается оттянуть свой уход, но в конце концов, сопровождаемая подругами, идет в дом жениха. Замаманадин ждет ее, окруженный друзьями, и принимает на пороге дома. Снова идет пир горой, с вином, яствами и музыкой, и продолжается даже тогда, когда новобрачные удалились в гарем. Празднество заканчивается. Снова наступает нормальная жизнь в обоих домах. Билитсуну быстро освоилась со своим новым положением замужней женщины, и Нубта в восхищении от выбора для сына. Из Билитсуну вышла добродетельная жена и мать. Сердце ее мужа могло положиться на нее. Она вставала до солнечного восхода, будила рабынь и раздавала им работу. Когда просыпались муж и дети, стол был уже накрыт, и они могли приступить к еде. Подавая пример служанкам, она сама садилась за прилку и верстено. Зато зимой вся семья была хорошо одета и не боялась холодов, а избыток тканей можно было выгодно продать проезжему купцу.

Она никогда не пребывала в праздности, как некоторые из ее соседок, и муж не мог нахвалиться на свою прилежную жену.

Смерть и похороны Иддины

Прошло несколько недель после свадьбы. Иддина начал впадать в уныние, причину которого ни он сам, ни окружающие его не могли понять.

Каждый человек со дня своего рождения поступает под покровительство какого-нибудь бога или богини и считается их слугой и сыном; он их

иначе и не называет, как «мой бог», «моя богиня». Боги охраняют его днем и ночью не столько от видимых опасностей, сколько от существ невидимых, которые повсюду, поминутно и навязчиво вертятся около людей, осаждая их со всех сторон.

Если человек набожен, почитает своего бога-хранителя и богов своей родины, совершает молитвы, приносит жертвы, тогда он никогда не лишится их помощи. А если он вел буйную жизнь, был бесчестен, тогда «бог срежет его, как былинку», и погубит его потомство. Иддина честен. Он обращается с молитвой к богине Иштар и описывает ту слабость, в которую впал:

«Мой день — сплошной вздох, ночь — поток слез, мой месяц — только одни страдания, мой год — вечный стон. Мои силы точно скованы во всем теле; мои ноги спотыкаются и не держат меня, как будто ониотяжены цепями; я лежу, мыча, как бык, в моей скорби я BLEЮ, как овца!.. Ни один бог не пришел ко мне на помощь, ни одна богиня не протянула мне руку помощи, ни единый не сжалился надо мною, ни единая не пришла защитить меня».

Сперва Иддина обратился к врачу. Тот заглянул в лечебник, сохранившийся еще со времен Саргона, царя Аккада. Найди нужные рецепты, он стал готовить припарки из горчицы, тимьяна, различных целебных трав. Эти припарки он приложил к затылку больного. Потом наполнил его микстурой из инжира и груш, заваренной на ячменном пиве, натер спину и грудь душистым мирровым маслом, но ничего не помогло. Тогда Иддина решил, что болезнь наслали злые духи, и задумал изгнать их с помощью колдуна-заклинателя. Самые ужасные из злых духов — лихорадка и чума. К счастью, симптомы у Иддина не из тех, которые им свойственны. Он — в каком-то глубоком забытии, в ушах звенит и в голове такой шум, как будто его бьют молотками по голове. Это бог «Головная Боль». Заклятия, употребляющиеся в этом случае, перешли к ассирийцам из глубокой древности, из Шумера и Вавилона, и сохранились в старинных книгах, язык и таинственные письмена которых доступны пониманию лишь очень немногих ученых¹.

Заклинатель, которого Нубта позвала лечить мужа, приносит с собой некоторые заговоры, славящиеся своей силой против болезни. Он долго рассматривает глаза больного, велит рассказать, как началась болезнь и как она протекала. Заклинатель устанавливает, что положение больного опаснее, чем предполагалось. Проклятие, насланное на него, преследует Иддину, не давая ему ни покоя, ни отдыха. Оно изведет его, если не принять мер противодействия с помощью встречного заклания всемогущего Эа.

Заговоры и заклания от болезней должны были совершаться в стенах храма, но так как Иддина очень слаб, заклинитель соглашается лечить его на дому. Поэтому он запасся книгами, пучком трав, которые собрал сам, и предметами, необходимыми для борьбы с чарами. Он раздувается, моется и, войдя в комнату Иддины, разводит на полу огонь, сжигая на нем пахучие травы и растения, которые горят ярким пламенем, почти без дыма.

Заклинатель выясняет характер волшебства, охватившего больного. Он произносит молитву: «Болезнь, которая наслана на больного, ужасна, но боги могут еще помочь, и Мардук уже сжалился... Он уже вошел в дом отца своего Эа и сказал: „О мой отец... не знаю, что должен этот человек сделать для своего исцеления?“ Отец отвечает Мардуку: „Сын мой, чего ты не знаешь, знаю я, и я тебе помогу. Иди, сын мой, Мардук,vedi его очиститься водой, отврати от него колдовство, выгони из него чары, удали боль, которая его мучит“».

Иддина очищается, как повелел Эа; он моет ноги, лицо и опрыскивает ароматической водой все тело. После этого заклинитель и больной становятся перед жаровней. Священнодействие продолжается. Несмотря на слабость, Иддина крепится до конца, но с последним словом он, совсем измученный, падает на ложе, задыхаясь от кашля. Однако заклинитель не желает сдаваться. Он продолжает взывать к божествам:

О богиня Гула, госпожа, которая может
 воскрешать мертвых
 О всеблагой Мардук, который побуждает
 даже покойных,
 Освободи Иддину святым словом жизни
 от тяготеющего на нем проклятия.
 Человек, дитя бога, будет светлым и ясным.
 Как сосуд с квасцами будет он очищен,
 Как сосуд со сливками будет он свежим.
 Злая болезнь удалась из тела Иддины,
 Уйдите из тела Иддины все болезни,
 поразившие его.

Однако и это заклинание не помогает.

Прошло два дня. Заклинание продолжают повторять утром и вечером, но оно не только не производит никакого действия, а, наоборот, еще больше ослабляет больного. Боги решили теперь предать его смерти уже без борьбы.

В Вавилоне и Ассирии существовал старинный обычай выносить больных на площадь и выставлять напоказ прохожим. К этому крайнему средству прибегали в тех случаях, когда ни врачи, ни заклинатели не могли помочь больному и признавали его состояние безнадежным.

Жена Иддины, Нубта, решилась, наконец, прибегнуть к этому средству; она укутывает больного шерстяными одеялами, укладывает в постель и велит невольникам осторожно нести его к воротам Иштар. По обыкновению здесь много крестьян и ремесленников, как ассирийцев, так и чужеземцев, проходящих через городские ворота. Поэтому, если есть хоть какая-нибудь надежда получить точный и полезный совет, надо нести его именно сюда, а не в другое место.

Вид Иддины возбуждает в толпе различные чувства. Одни боятся, не заразна ли болезнь и как бы бес, сидящий в больном, не бросился бы на кого-нибудь из них; другие относятся к нему с любопытством; друзья с жалостью смотрят на изможденное лицо Иддины и обмениваются между собой соображениями о бренности человеческой жизни. Находятся и такие, кто протискивается к больному, предлагает рецепты, которые родственники Иддины выслушивают со страхом и ожиданием. «Заклятия не помогли? А читали вы заговор против семи демонов? Берут шерсть овцы, и колдунья — да, колдунья, а не колдун — привязывает к вискам больного... Делается семь узлов в два приема; потом обвязывают одной веревкой голову больного, а другой — вокруг шеи; то же делается со всеми членами, чтобы воспрепятствовать душе уйти, если бы она попыталась это сделать, и затем льют на больного заговоренную воду...» В общем, советы дают многие люди, но больному от этого не становится легче.

Свежий воздух, теплое солнце, окружающий шум вначале немного оживили Иддину, но потом все это стало его утомлять и, наконец, силы его совсем истощились. Через три дня у себя дома перед закатом солнца он тихо испустил дух, и бог смерти Нергал завладел им навеки.

Семья Иддины приступает к похоронам. В то время как все вокруг плачут и убиваются, несколько старух, которые исполняют печальную обязанность сиделок, обмывают труп, натирают щеки и подводят глаза, надевают ожерелье на шею, а на пальцы — кольца, складывают руки на груди, потом кладут покойника на кровать и ставят у изголовья жертвенник для обычных жертвоприношений, состоящих из воды, финиума и пирогов. Любимый сын Иддины закрывает ему глаза и присыпает их землей.

Рано утром из дома выходит похоронное шествие.

Здесь слышатся те же причитания, как было принято и в Египте, и в других странах, те же восклицания, прерывающиеся минутами молчания: — Ах, Иддина! Ах, господин! Увы, мой отец!..

Время от времени друзья, сопровождающие труп, обмениваются между собой рассуждениями о суете человеческой жизни, которая везде в подоб-

ных случаях дает неистощимый материал для разговора живым: «Разве мы знаем, что с нами случится? — Смертный час никому не известен. — Так-то все в этом мире... Вчера вечером был жив человек, а сегодня утром нет его!»

Если египтяне считали, что настоящая жизнь наступает после смерти и душа умершего, которой удастся добраться до «Полей Ялу» (райской обители), обретет подлинное счастье, то ассирийцы и вавилоняне придерживались другого мнения: жизнь в загробном мире безрадостна, и надо пользоваться земной, наполнять свой желудок, обнимать жену, ласкать детей и не думать о смерти.

Похоронное шествие медленно движется к одному из кладбищ. Здесь нет ни погребальных монументальных подземелий, ни пирамид. В Ниневии и других ассирийских городах много влаги. В вырытые в земле склепы скоро бы просочилась вода, погребальная утварь и сами гробницы быстро разрушились бы. И все же покойника снабжают всем необходимым. Могилы же строились из кирпича, а иногда из глины на кирпичном фундаменте.

Тесно прилегающие друг к другу погребения, покрытые к концу года слоем песка или разных отбросов, образовывали целые курганы, которые расширялись и росли изо дня в день. В Ассирии они не столь скучены и построены менее прочно, поэтому здесь они быстро исчезают, не оставляя никаких следов на земле.

Некоторым царям ставились памятники, указывающие место их погребения. Говорят, что в царском дворце находится гробница Нина, мифического основателя города и державы: многоэтажная башня, выстроенная над ней, указывает на местоположение гробницы. Вавилонские хроники заботливо вписывают после имени каждого государя обозначение дворца, в котором он был похоронен. Что касается ассирийских царей, то старожилы-ниневийцы вспоминают празднества, устроенные в честь Синаххериба, когда он реставрировал могилы, наполовину разрушенные во время войн и восстаний предыдущего столетия.

Гробница Иддины снабжена и припасами, и утварью. Это делается скорее из уважения к старинным обычаям, чем из-за искренней веры в способность покойника подниматься из гроба и пользоваться всеми теми вещами, которыми его снабдили при погребении. Конечно, многие искренне считали, что душа покойного остается около его тела и питается пищей, которой его щедро снабжают.

Родные Иддины уже не разделяют этих древних верований. Они считают, что душа Иддины после его смерти ушла в преисподнюю.

Когда придет время покинуть этот мир, они надеются встретиться с ним в мрачном подземном жилище свирепого Нергала. Когда-то богатырь Гильгамеш вызвал душу умершего друга Энкиду и стал его расспрашивать о загробной жизни:

— Скажи мне закон земли, который ты знаешь (то есть закон преисподней), — спросил Гильгамеш, и Энкиду ответил ему:

«Не скажу я, друг мой, не скажу я!
Если бы закон земли сказал я,
Сел бы ты тогда и заплакал!»
Что же, пусть я сяду и заплачу!
«Голову, которой ты касался и радовался
сердцем,
Точно старую одежду, червь ее пожирает!
Грудь, которой ты касался и радовался
сердцем,
Точно старый мешок, полна она пыли!»
Все тело мое пыли подобно!
«Того, кто умер смертью железа, ты видел?»
Видел!
Он лежит на постели, пьет прозрачную воду.
«А того, кто убит в бою, ты видел?»
Видел!

Мать и отец голову держат, жена —
над ним наклонилась!
«А того, чье тело брошено в поле, ты видел?»
Видел!
Его тело не находит в земле покоя.
«А того, о чьем духе никто не заботится, ты
видел?»
Видел!
Остатки в горшках и объедки с улицы ест он.

Таким образом, хотя все умершие попадают в мрачный подземный мир, но одним приходится там несколько лучше, чем другим. Кто лишен погребения и привошений от родных, должен будет на том свете мучиться и питаться объедками. Как ни печально жить в преисподней, но все-таки жена и дети Идны надеются увидеться с ним, когда придет их черед.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ I

Глава I

¹ Так у ассирийцев и вавилонян назывался Персидский залив в отличие от Верхнего моря (т. е. Средиземного и Черного, считавшихся единым водным пространством).

² Вопрос о дошумерском населении Месопотамии является спорным. Если шумеры, как иногда предполагают, придя в Месопотамию, застали там какие-либо иные племена, то они, очевидно, и ассимилировали их. Во всяком случае даже названий этих предполагаемых древнейших племен Южной Месопотамии мы не знаем. Возможно, что они были генетически связаны с шумерами и их можно именовать протошумерами.

Семитические племена, как считает большинство исследователей, проникли в Месопотамию с юго-запада и притом позже шумеров, пришедших с востока. Иногда, впрочем, высказывается мнение, что они были предшественниками шумеров.

К сожалению, в решении всех этих сложных вопросов приходится ограничиваться гипотезами.

³ Этот поход, зафиксированный в весьма позднем документе («Царь битвы»), подвергается в настоящее время сомнению. По мнению советских ассириологов Н. Б. Янковской и И. М. Дьяконова, он был совершен не Саргоном Аккадским, а одноименным ассирийским царем Саргоном I.

⁴ Согласно Нишпурскому списку, аккадская династия правила 197 лет, но эта цифра является преувеличенной. Впрочем, и при власти гуттиев в Аккаде держалось еще несколько эфемерных правителей, о которых мы почти ничего не знаем.

Глава II

¹ Халдеи — семитические племена, родственные вавилонянам. Нововавилонские цари были халдейского происхождения и опирались на халдейскую военную знать. Поэтому Вавилонию часто называют Халдеей.

² Подробнее об этом см.: Л. Липин и А. Белов. Глиняные книги. Л., 1956, с. 92.

³ Впервые принадлежность надписей шумерам определил в 1850 г. ирландский филолог Э. Хинкс, а затем французский востоковед Ю. Опперт, доказавший, что шумеры были народом, резко отличавшимся от семитических.

⁴ Дзуэрнианка, или полба, — культура, отличающаяся от обычной пшеницы тем, что ее колосковые чешуйки плотно прилегают к зернам и не отделяются при молотье.

⁵ К. Бецольд. Ассирия и Вавилония. СПб., 1904, с. 14—17.

Глава III

¹ Ушния упоминается в надписи Салманасара I (около XIII в. до н. э.), а Кикия — в надписи Ашшур-Рим-Нисешу (XVI в. до н. э.). Обоим правителям Ашшура приписывается активная строительная деятельность.

² Некоторые лингвисты ставят вопрос о структурном сходстве хуррито-урартского языка с картвельским (а возможно, и другими кавказскими языками). Были ли субареи и хурриты исконными обитателями Северной Месопотамии? Это весьма сомнительно. Большинство исследователей считают, что до них здесь жили племена, названия которых нам неизвестны. Хурриты и родственные им субареи, по-видимому, пришли с севера и северо-востока (с берегов Вана и Урмии). Прежде субареев и хурритов считали одним народом. Последнее время наблюдается другая крайность, и их (на основании различия некоторых названий, особенно географических, в их диалектике) считают совершенно различными этническими группами. Истина, скорее всего, лежит где-то посередине.

³ Некоторые исследователи (Нельдеке, Бецольд) считают, что древнейшей родиной семитов была Северная Африка и лишь оттуда они проникли в Аравию и двинулись дальше на север. Существует также теория Б. Грозного, предполагающего, что семиты происходят из Средней Азии.

⁴ Поэтому не следует удивляться часто употребляемому термину «сирийская степь» по отношению к современной сирийской пустыне. Даже во времена Ашшурбанапала (VII в. до н. э.) кое-где в этих районах сохранились кусты деревьев и заросли кустарников.

⁵ Верблюды до II тысячелетия до н. э. были в Передней Азии неизвестны. В значительном количестве они появляются лишь к XII в. до н. э., в период, когда на Сирию и Месопотамию надвигалась новая семитическая волна арамейцев, разводивших одинокорых верблюдов — дромадеров.

⁶ Древнейшие слои, обнаруженные в Калат Шергате (на месте древнего Ашшура), относятся к IV тысячелетию до н. э., т. е. эпохе, когда признаки семитизации еще не выявлены. Впрочем, вопрос о времени первого проникновения семитов в Месопотамию остается пока спорным.

⁷ Библейская традиция превратила бога Ашшура в племенного вождя, который вышел из Вавилонии (страны зверолова Немврода — Нимруда) и, придя на север Месопотамии, основал Ниневию, Калах и другие города. Это предание далеко не всегда соответствует исторической действительности. Так, Ниневия, например, возникла гораздо раньше Калаха.

⁸ В 1957 г. датская археологическая экспедиция обнаружила письма Шамшиадада I в Тель-Шемшаре (бассейн Нижнего Заба). В одном из них Шамшиадад жалуется на своего лукавого вассала Яшубадада, который за три года ухитрился четыре раза нарушить клятву верности, отдавая под власть различных правителей.

⁹ Прежде считали родиной касситов горы Загра. В настоящее время австрийский ассириолог К. Яриц выяснил, что касситы пришли с запада, из Каппадокии, где они обитали по соседству с хеттами. Лишь позднее (к концу II тысячелетия до н. э.) значительная часть касситов переселилась в горные районы, на восток от Вавилонии. Надо, однако, оговориться, что не все исследователи приняли теорию К. Ярица.

¹⁰ З и к к у р а т — ступенчатая башня или пирамида.

Глава IV

¹ Такая религиозная система, характерная для родо-племенного строя, носит в науке название генотеизма в отличие от монотеизма, появившегося на более поздней стадии развития.

² Ассирийцы и вавилоняне считали Средиземное и Черное моря частями одного водного бассейна, который они называли Верхним морем заката солнца в отличие от Нижнего моря восхода солнца (т. е. Персидского залива и Аравийского моря). Тиглатпаласар I под Верхним морем, конечно, разумел Черное море, к берегам которого он вышел в районе современного Трабзона.

³ Этот громкий титул носил правитель маленькой области на правом берегу Евфрата, в районе г. Милид (греч. Мелитена), которая осталась от огромной хеттской державы. Однако Илу-Тешуб продолжал считать себя наследником могучих хеттских царей.

⁴ Химме, которая была расположена, очевидно, где-то между верховьями Большого Заба и Тигра, завоевывал, кстати, в свое время еще Салманасар I. Баргун находился не遠далеке от нее.

Глава V

¹ За деятельностью ассирийских царей этого времени, их военными походами и завоеваниями можно проследить по вышеупомянутым спискам. Наиболее ранние из них дошли до нас с большими пробелами. Зато от 911 до 648 г. до н. э. сохранился полный перечень этих ежегодно сменяющихся вельмож. С помощью этого списка мы можем датировать события с точностью до одного-двух лет.

² Ее греческое имя — Семирамида.

Глава VII

¹ Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. II. Ассирия. М., 1916, с. 229—235.

ЧАСТЬ II

Глава II

¹ Подробнее см. «За рубежом». 1973, № 28, ноябрь.

² Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963, с. 278—279 (пер. В. В. Струве).

³ А. Д. Григорьев. Повесть об Ахикаре Премудром.— «Чтения в Московском обществе истории и древностей российских». Кн. I, СПб., 1912.

Глава III

¹ Кроме них в это число входили триада Ану—Бел—Эа, а также богиня Белит (супруга Бела) и бог бури Адад. Ассирийцы, восприняв почитание этой божественной группы, поставили над ней в качестве верховного главы своего бога Ашшура.

Глава V

¹ И. М. Дьяконов. У стен Ниневии.— Древний Восток, 1951, с. 118—119.

² Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. II. Ассирия. М., 1916, с. 110—118.

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ Г. Масперо утверждает, что этот акт подлинный, составлен в царствование Асархаддона (декабрь 673 г. до н. э.).

² Эти повествования, явно анекдотического характера, записал в середине V в. до н. э. Геродот, который не был знаком с ассирийским и вавилонским законодательством.

³ Этот обычай, засвидетельствованный в среднеассирийских законах, носит в юридической литературе название левират. Здесь предусматривается возможность несогласия младшего брата на брак с вдовой старшего. В таком случае обиженная невестка имеет право снять с ноги своего деверя сандалию и плюнуть ему в лицо в присутствии старейшин. После этого обидчика все будут презирать и именовать «разутый». Закон не предусмат-

ривает обратного случая, то есть возможности отказа невестки выйти замуж за деверя. Считалось, что вдове не придет в голову отказаться от такого счастья.

⁴ От XXVI в. до н. э. сохранился лечебник на шумерском языке, перечисляющий компоненты из растительных, животных и минеральных элементов, из которых готовились припарки и микстуры (см.: С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965).

Вполне возможно, что аналогичными старинными лечебниками, переведенными на аккадский язык, пользовались полторы тысячи лет спустя ассирийские врачи. Ассирийская медицинская литература пока еще не обнаружена, но врачи в документах упоминаются. Утверждение Геродота о том, что Ассирия не имела врачей, ошибочно.

ЛИТЕРАТУРА

Произведения классиков марксизма-ленинизма

- Маркс К. К критике политической экономии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
Ленин В. И. О государстве.— Полное собрание сочинений. Т. 39.
Ленин В. И. О религии. М., 1955.

Учебники и учебные пособия

- Авдиев В. И. История древнего Востока. Изд. 3-е. М., 1970.
Всемирная история. Т. 1—2. М., 1955—1956.
Редер Д. Г., Черкасова Е. А. История древнего мира. Ч. I. М., 1970.
Очерки истории Древнего Востока. Л., 1956.
Струве В. В. История Древнего Востока. М., 1941.
Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 1—2. Изд. 3-е. М.—Л., 1935.

Источники

- Абаев В. И. Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузах.— Материалы и исследования по иранским языкам. 1—3. М.—Л., 1945.
Геродот. История в девяти книгах. М., 1888.
Дьяконов И. М. Законы Вавилона, Ассирии и Хеттского царства.— «Вестник древней истории». 1952, № 3.
Ксенофонт. Анабасис. М.—Л., 1951.
Липин Л. А. Древнейшие законы Месопотамии.— Палестинский сборник. Вып. 1 (63). М., 1954.
Липин Л. А. Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1956.
Страбон. География. В 17 книгах. М., 1964.
Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963.
Эпос о Гильгамеше. М., 1961.

Труды по истории, литературе и искусству Ассирии

- Амусин И. Д. Социально-экономическая история древнего мира в трудах академика А. И. Тюменева.— Сборник памяти А. И. Тюменева. М.—Л., 1963.
Арсанис Б. Нпалта д Малькута д Атур (Падение Ассирийского государства). Тегеран, 1952 (на ассир. яз.).
Арутюнян А. В. Бнайили (Урарту). Ереван, 1970.
Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
Бецольд К. Ассирия и Вавилония. СПб., 1904.
Белов А. Вильскер Л. От Ахикара до Джано. М.—Л., 1960.
Бузескул В. П. Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Т. 1.— «Восток». Пг., 1923.
Волков И. С. Законы вавилонского царя Хаммурапи. Пг., 1914.

- Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961.
- Герасимов О. 10 000 километров по Месопотамии. М., 1968.
- Голенищев В. С. Описание ассирийских памятников. Гос. Эрмитаж. СПб., 1895.
- Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.
- Давид Ишан. Ташыта д Атур (История Ассирии). Тегеран, 1964 (на ассир. яз.).
- Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
- Донини А. Люди, идолы и боги. Очерки развития религии. М., 1962.
- Дьяконов И. М. Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э.— «Вестник древней истории». 1946, № 4.
- Дьяконов И. М. Возникновение деспотического государства в древнем Двуречье. Л., 1957.
- Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.— Л., 1956.
- Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту.— «Вестник древней истории». 1952, № 1.
- Дьяконов И. М. Купля-продажа земли в древнейшем Шумере.— Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. М., 1954.
- Дьяконов И. М. Образ Гильгамеша (к вопросу о соотношении мифа и эпической поэзии).— Труды Гос. Эрмитажа. Т. 2. Л., 1958.
- Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Востока. Шумер. М., 1959.
- Дьяконов И. М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.
- Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.
- Дьяконов И. М. Этнос и социальное деление Ассирии.— «Советское востоковедение». 1958, № 6.
- Идеи гуманизма в литературе Востока. М., 1967.
- Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
- Клима И. Общество и культура древнего Двуречья. Прага, 1967.
- Косидовский З. Когда солнце было богом. М., 1968.
- Косидовский З. Библийские сказания. М., 1968.
- Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1965.
- Липин Л. А. Аккадский язык. М., 1964.
- Липин Л. А., Белов А. Глиняные книги. Л., 1955.
- Липин Л. А. Из истории социальных отношений в Ассирии.— Палестинский сборник, 1957, 2/64.
- Магазинер Я. И. Основные черты старовавилонского права как права рабовладельческого общества (Законы Хаммурапи).— «Эос». 1957, 48/3.
- Масперо Г. Египет. Ассирия. СПб., 1905.
- Масперо Г. Во времена Рамзеса и Ашшурбанипала. Т. I и II. М., 1916.
- Никитина В. Б. и др. Литература Древнего Востока. М., 1962.
- Никольский М. В. Документы хозяйственной отчетности древней эпохи Халдеи. I, II. М., 1908, 1915.
- Никольский М. В. Древний Вавилон. М., 1913.
- Никольский М. В. Саргон, царь ассирийский. 1., СПб., 1881.
- Никольский Н. М. Культура древней Вавилонии. Минск, 1959.
- Никольский Н. М. Частное землевладение и землеиспользование в древнем Двуречье. Минск, 1948.
- Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока. М., 1968.
- Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.
- Пиотровский Б., Флиттнер Н. Очерки по истории техники древнего Востока. М., 1940.
- Поставская Н. М. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе. М., 1961.
- Рифтин А. П. Старовавилонские документы в собраниях СССР. М., 1937.
- Сармас П. Ачпан Мани вах (Кто мы?). Тегеран, 1965 (на ассир. яз.).

- Соловьева С. С. Элам и завоевательная политика Ассирии при Ашшурбанипале.— Древний Восток и античный мир. М., 1972.
- Струве В. В. Государство Лагаш. М., 1961.
- Струве В. В. Диалог господина и раба о смысле жизни.— Религия и общество, 1926.
- Струве В. В. Община, храм и дворец.— «Вестник древней истории». 1963, № 3.
- Струве В. В. Очерки социально-экономической истории древнего Востока. М.— Л., 1934.
- Струве В. В. Советское востоковедение и проблема общественного строя древнего Востока.— «Вестник Ленинградского государственного университета», 1947, № 11.
- Тураев Б. А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. Л., 1927.
- Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.— Л., 1956.
- Флиттнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья. М., 1958.
- Хину В. Государство Элам. М., 1977.
- Церен Э. Библийские холмы. М., 1966.
- Чаб М. Город в песках. М., 1963.
- Чайльд Г. Древнейший Восток в свете новейших раскопок. М., 1956.
- Шахнович М. А. Закат иудейской религии. Л., 1965.
- Шилейко В. К. Колыбельная песенка из Ассур.— «Доклады АН СССР. Серия „В“». 1929, № 1.
- Яковская Н. Ю. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы.— «Вестник древней истории». 1956, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Часть I. История ассирийского государства	
Глава I. Древняя Месопотамия	5
Природа	5
Население Южной Месопотамии	9
Древнейший период истории Южной Месопотамии	12
Глава II. Источники по истории Ассирии и Вавилонии	15
Библия и античные авторы	15
Памятники письменности	17
Памятники материальной культуры	23
Позднейшие исследования	37
Глава III. Ассирия в VI—II тысячелетиях до н. э.	41
Население Северо-Восточной Месопотамии	41
Древняя Ассирия	44
Образование древнейшего ассирийского государства	44
Ассирийские торговые фактории в Малой Азии	47
Старовавилонское царство	48
Ашшур — первая столица Ассирии. Арбела	52
Глава IV. Среднеассирийское царство конца XV—IX в. до н. э.	54
Возвышение Ассирии	54
Ассирия в правление Салманасара I (1274—1245 гг. до н. э.)	
и Тукульти-нинурты I (ок. 1244—1208 гг. до н. э.)	57
Международная политика Ассирии	60
Заятия древних ассирийцев	62
Первая империя Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.)	64
Глава V. Второе возвышение Ассирии (Новоассирийское царство)	72
Завоевательная политика ассирийских царей конца X в. до н. э.	
Тукульти-нинурта II (890—884 гг. до н. э.)	72
Десять походов Ашшур-насирапала II (883—859 гг. до н. э.)	74
Строительная техника, культура и быт Ассирии при Ашшур-насирапале II	78
Правление царя Салманасара III (858—824 гг. до н. э.). Походы Шамшиадата V и Адад-нерари III	83
Легенда о Семирамиде	91
Глава VI. Образование великой ассирийской военной державы	94
Тиглатпаласар III (744—727 гг. до н. э.) и организация военного дела в Ассирии	94
Завоевательные войны Тиглатпаласара III и Салманасара V (726—722 гг. до н. э.)	97
Глава VII. Династия Саргонидов (последняя четверть VIII—VII в. до н. э.)	102
Царь Ассирии Саргон II (721—705 гг. до н. э.)	102
Дур-Шаррукин — столица Саргона II	106
Царствование Синаххериба (705—681 гг. до н. э.)	115

Глава VIII. Ассирия при Асархаддоне (680—669 гг. до н. э.) и Ашшурбанапале (668—627 гг. до н. э.).	132
Военные походы Асархаддона	132
Завоевательная политика Ашшурбанапала	138
Ашшурбанапал и его дипломатия	140
Военная машина Ассирии	143
Войны Ассирии с Эламом	144
Войны Ассирии с Мидией	155
Глава IX. Падение Ассирии	157
Последние цари Ассирии	157
Осада и падение Ниневии	158

Часть II. Культура древней Ассирии

Глава I. Государственное устройство и социальные отношения ассирийской империи	161
Государственное устройство	161
Социальные отношения	161
Законодательство	165
Ремесло, земледелие, скотоводство и дорожное строительство	178
Глава II. Культурные памятники Ассирии	175
Письменность	175
Библиотека Ашшурбанапала	177
Ассирийская литература	183
Классические образцы литературных произведений древнего Вавилона и Ассирии	186
Глава III. Ассиро-вавилонская религия. Философия и этика	190
Религиозные представления древних ассирийцев	196
Жречество	198
Колдовство и гадания	190
Зачатки философии	201
Этика	201
Глава IV. Изобразительное искусство	203
Глава V. Быт и нравы древних ассирийцев	211
Жилище	211
Одежда	213
Свадьба и брачные обычаи	214
Похороны	215
Охота	216
Заключение	226
Приложение	229
Примечания	239
Литература	243

Давид Челябинович Садаев
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ АССИРИИ

Редактор Ю. О. Бем
Младший редактор Н. А. Преснова
Художник В. В. Варлашин
Художественный редактор Э. Л. Эрман]
Технический редактор Л. Е. Силенко]
Корректоры Г. П. Каткова и
В. М. Кочеткова

ИБ №13691

Сдано в набор 23.01.79.
Подписано к печати 31.07.79. А-02865.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская №1
Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Усл. п. л. 15,5.
Уч.-изд. л. 17,12. Тираж 14000 экз.
Зак. № 1523. Цена 1 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова 12/1